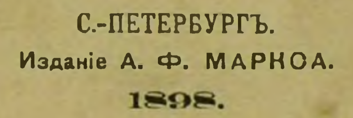
СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

К. Случевскій

Печат. въ артист. завед. А. Ф. Маркса, СПБ

СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

В Ъ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Стихотворенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

 Типографія А. Ф. Маркса Средн Подьяческая, № 1

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

Женщина и дѣти.

Лирическія.

Мгновенія.

ДУМЫ.

НЕУЛОВИМОЕ.

Неуловимое порою уловимо,
Какъ вѣтеръ, какъ, роса, какъ звукъ, или кристаллъ!
Все уловимое скорѣй проходитъ мимо,
Чѣмъ чувство, мысль, мечта, сомнѣнье, идеалъ!

—

Богъ создалъ не одинъ, а два великихъ міра:
Міръ, видимый для насъ, весь въ краскахъ и чертахъ,
Міръ тяготѣнія! Отъ камня до эѳира
Онъ—въ подчиненіи, въ безсильѣ и въ цѣпяхъ...

—

Но подлѣ міръ другой! Изъ мысли человѣка
Отъ вѣка рожденный, онъ, что ни день, растетъ!
Для мысли дебрей нѣтъ, и ей вездѣ просѣка,
И тяготѣнія она не признаетъ.

—

Въ ней мощь нетлѣнія! Повсюду проступая,
Мысль свой особый міръ въ подлунной создала,
И въ немъ она вершитъ, мысль Бога воплощая,—
Нерукотворныя и вѣчныя дѣла!

—

Она порой грѣшитъ, смутясь въ исканьѣ хлѣба...
А все же, кажется, что въ нѣдра душъ людскихъ,
Въ насъ корни нѣкіе спускаются отъ неба,
Свидѣтели судебъ и силъ совсѣмъ иныхъ.

НЕВМѢНЯЕМОСТЬ.

Есть въ земномъ твореніи облики незримые,
Глазу незамѣтные, чудеса творящіе,
Страшно ненавистные, горячо любимые,
Цѣлый міръ обманчивый въ этотъ міръ вносящіе.

—

Въ жизни человѣческой, въ важныя мгновенія,
Облики незримые вдругъ обозначаются,
Въ обаяньѣ подвига, въ злобѣ преступленія
Нежданно, негаданно духомъ прозрѣваются.

—

Съ ними все незримое видимымъ становится,
Въ гробовомъ молчаніи разговоры слышатся,
Что-то небывалое въ жизнь вступить готовится,
Всѣ основы мыслей, какъ тростникъ, колышатся...

—

Человѣкъ рѣшается... и въ его рѣшеніи
Міръ несуществующій въ обликахъ присутствуетъ,
Онъ зоветъ на подвиги, тянетъ къ преступленію,
И совсѣмъ по-своему вразумивъ—напутствуетъ...

УСТАЛОСТЬ.

Не сынъ, но пасынокъ, есть чувство въ насъ, одно,
Забыто бѣдное, обижено оно,
Невзрачнымъ именемъ—усталостью зовутъ...
То чувство, иногда, слѣдъ нѣсколькихъ минутъ,
Но, чаще, грузный плодъ тяжелыхъ, долгихъ дней...
Подъ гнетомъ множества испытанныхъ скорбей,
За потрясеньями измученной души
Изъ ненарушенной святой ея тиши,
Изъ сокровеннѣйшихъ и темныхъ уголковъ,
Изъ незамѣченныхъ до срока тайниковъ
Души страдающей, на свѣтъ пробьется вдругъ
Для неожиданныхъ и дорогихъ услугъ
Усталость и гласитъ: «Покончѣнъ долгій путь,
Ты сдѣлалъ все, что могъ, а дальше—будь, что будь!»

ПРОСТОТА.

Мелкія силы сердечныхъ движеній,—
Сколько ненужныхъ, безумныхъ, смѣшныхъ?
Изъ неисчисленныхъ въ сердцѣ стремленій
Зрѣетъ любой изъ поступковъ людскихъ.

—

Прежнихъ мытарствъ на себѣ не являя,
Кажется намъ онъ такъ ясенъ, такъ простъ;
Жизнь, намъ сдается, задача простая,
А прослѣдите—мучительный ростъ?

—

Сколько хорошихъ людей возникало?
Сколько погибло въ напрасной борьбѣ?
Съ тѣмъ только жило и съ тѣмъ умирало,
Чтобъ не помочь ни другимъ, ни себѣ!

НАСЪ ДВОЕ.

Никогда, нигдѣ одинъ я не хожу,
Двое насъ живутъ между людей:
Первый—это я, какимъ я сталъ на видъ,
А другой—то я мечты моей.

И одинъ изъ насъ вполнѣ законный сынъ;
Безъ отца, безъ матери—другой;
Вѣчный споръ у нихъ и ссоры безъ конца;
Сонъ придетъ—во снѣ все тотъ-же бой.

Потому-то вотъ, что двое насъ—нельзя,
Мы не можемъ хорошо прожить:
Чуть одинъ изъ насъ устроится—другой
Радъ въ чемъ можетъ только-бъ досадить!

* * *

Когда-бы, какъ-нибудь, для насъ возможнымъ стало
Вдругъ сблизить то, что въ жизни возникало
На разстояньяхъ многихъ-многихъ лѣтъ—
При дикой красотѣ негаданныхъ сближеній
Для многихъ чувствъ хотѣлось-бы прощеній...
Прощенья нѣтъ, но и забвенья нѣтъ.

—

Вотъ отчего всегда, вездѣ необходимо
Прощать другихъ... Для нихъ проходитъ мимо
То, что для насъ давнымъ-давно прошло,
Что было куплено большимъ, большимъ страданьемъ
Что стало ложью, бывши упованьемъ,
Явилось свѣтлымъ, темнымъ отошло...

*
* *

Когда тяжелая истома сердце давитъ,
Мечтаемъ: скоро-ль смерть насъ призоветъ ко сну,
Жизнь новыхъ прелестей предъ очи не поставитъ,
Поставивъ, наконецъ, послѣднюю, одну...

—

Некрополь наша жизнь! Что день, то годовщина
Какихъ-нибудь скорбей, какихъ-нибудь утратъ,
Тоска, отчаянье, сомнѣнье, боль, кручина...
Взглянуть не хочется, обидно бросить взглядъ.

—

И вотъ, отрезвлены къ концу существованій,
Уносимъ мы съ собой всѣ скорбные листы.
Чтобы сказать: «Господь! Ты знаешь смыслъ дѣяній—
Ихъ не простили здѣсь, а тамъ простишь-ли Ты?»

* * *

Да, я усталъ, усталъ, и сердце стѣснено!
О, если-бъ кончить какъ-нибудь скорѣе!
Актеръ, актеръ... Какъ глупо, какъ смѣшно!
И, что ни день, то хуже и смѣшнѣе!
И такъ меня мучительно гнетутъ
И мыслей чадъ, и жажда сновъ прошедшихъ,
И одиночество... Спроси у сумасшедшихъ,
Спроси у нихъ—они меня поймутъ!

МЫ — СТОИКИ.

Да, смерть намъ не страшна, мы это знаемъ;
Мы каждый день немного обмираемъ.
Слабѣютъ чувства, ясность мысль теряетъ,
Надежды гибнутъ, вѣра погасаетъ,
И эту правду вѣчныхъ погасаній
Того, что кѣмъ-то, какъ-то зажжено,
Мы величаемъ именемъ призваній...
Смѣшно!

*
* *

За то, что вы всегда отъ колыбели лгали,
А, можетъ-быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, отъ бѣдной жизни брали
Скорѣй и болѣе, чѣмъ жизнь могла вамъ дать;

—

За то, что съ дѣтскихъ лѣтъ въ васъ жажда идеала
Не въ мѣру чувственной и грубою была,
За то, что васъ печаль порой не освѣжала,
Путемъ раздумія и часу пе вела;

—

Что вы не плакали, что вы не сомнѣвались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались,—
Обманутая жизнь—не дастъ вамъ ничего!

ВЪ ЛАБОРАТОРІИ.

Изъ темноты угловъ ея молчащихъ,
И изъ приборовъ, всюду видныхъ въ ней,
Изъ книгъ ученыхъ, по шкапамъ стоящихъ,
Не вызвать въ жизнь ни духовъ, ни тѣней!
Сквозь рядъ машинъ, вдоль проволокъ привода,
Духовный міръ являться не дерзнетъ,
И свѣтлый сильфъ въ объятьяхъ кислорода
Въ соединеньѣ новомъ пропадетъ...
О, сколько правды въ мертвенности этой!
Но главный выводъ безотвѣтно скрытъ!
Воображеніе — бредъ мысли подогрѣтой,
Зачѣмъ молчишь ты и душа молчитъ?
Лги, лги, мечта, подъ видомъ убѣжденья—
Не все въ природѣ цифры и паи,
Міръ чувствъ не рабъ законовъ тяготѣнья,
И у мечты законы есть свои;
Имъ власть дана, чтобъ имъ вслѣдъ пробились
Иныхъ началъ живучія струи,
Чтобъ живы стали и зашевелились
Всѣ эти цифры, мѣры и паи...

ФОРМЫ И ПРОФИЛИ.

Какъ много очерковъ въ природѣ? Сколько ихъ?
Отъ темныхъ нѣдръ земли до края небосклона,
Отъ дней гранитовъ и осадковъ мѣловыхъ
До мысли Дàрвина и до его закона!

Какъ много профилей проходитъ въ облакахъ,
Въ живой игрѣ тѣней и всякихъ освѣщеній;
Какихъ нѣтъ очерковъ въ молюскахъ и цвѣтахъ,
Въ обличіяхъ людей, народовъ, поколѣній?

А сказки сновъ людскихъ? А грёзы всякихъ свойствъ
Болѣзней и смертей? А бредъ галлюцината?
Видѣнья мрачныя психическихъ разстройствъ,—
Все братья младшіе въ груди большого брата!

А въ творчествѣ людскомъ? О, нѣтъ! Не оглянуть
Всѣхъ типовъ созданныхъ и тѣхъ, что народятся;
Людское творчество—какъ въ небѣ млечный путь:
Въ немъ новые міры безъ устали родятся!

Міры особые въ одномъ большомъ міру!
А все прошедшее, все, что ушло въ былое...

Да, безконечности одной не-попутру
Скоплять все мертвое и сохранять живое.

Ей, безконечности, одной не совладать
Съ великой дробностью такого содержанья,
Когда-бы въ помощь ей безсмертья не придать
И неустаннаго, тупого ожиданья.

Но, что мудрёнѣе всего, такъ это—то,
Что ни въ одной изъ формъ нѣтъ столько хлѣбосольства,
Чтобъ въ ней сказалися свобода, миръ, довольство!..
И счастья полнаго не обрѣталъ никто!

ВЪ БОЛЬНИЦѢ ВСѢХЪ СКОРБЯЩИХЪ.

Еще одинъ усталый умъ погасъ...
Бѣднякъ играетъ глупыми словами...
Смѣется!.. Это онъ осмѣиваетъ насъ,
Какъ въ дни былые былъ осмѣянъ нами.

—

Слеза мірская въ людяхъ велика!
Великъ и смѣхъ... Безумные плодятся...
О, берегитесь вы, кому такъ жизнь легка,
Чтобы съ безумцемъ вамъ не побрататься!

—

Чтобъ тотъ-же мракъ не опустился въ васъ;
Онъ ближе къ намъ, чѣмъ кажется порою...
Да кто-жъ, поистинѣ, скажите, кто изъ насъ
За долгій срокъ не потемнѣлъ душою?

LUX AETERNA.

Когда свѣтъ мѣсяца безстрастно озаряетъ
Заснувшій ночью міръ и все, что въ немъ живетъ,
Порою кажется, что свѣтъ тотъ проникаетъ
Къ намъ, въ отошедшій міръ, какъ подъ могильный сводъ.

—

И мнится при лунѣ, что міръ нашъ—міръ загробный,
Что гдѣ-то, до того, когда-то, жили мы,
Что мы—не мы, послѣдъ другихъ существъ, подобный
Жильцамъ безвыходной, таинственной тюрьмы.

—

И мы снуемъ по ней какими-то тѣнями,
Чужды грядущему и прошлое забывъ,
Въ дремотѣ тягостной, охваченные снами,
Не жизнь—но право жить—какъ-будто сохранивъ...

ЗАРЯ ВО ВСЮ НОЧЬ.

Да, ночью лѣтнею, когда заря съ зарею
Соприкасаются, сойдясь одна съ другою,
Съ особой ясностью на памяти моей
Встаетъ прошедшее давно прожитыхъ дней...
Обычный ходъ отъ дѣтства въ возмужалость;
Ненужный грузъ другимъ и ничего себѣ;
Жизнь силы и надеждъ, сведенная на шалость,
Въ самодовольной и тупой борьбѣ;
Громадность замысловъ какой-то новой славы,—
Игра лучей въ граненыхъ хрусталяхъ;
Успѣховъ раннихъ острыя отравы,
И смѣлость бурная, и непонятный страхъ...

*
* *

Бой съ призраками конченъ. Жизнь полна.
Въ ней было все: ошибки и паденья,
И чадъ страстей, и обаянье сна,
И слезы горькія больного вдохновенья,
И жертвы, жертвы... На могилахъ ихъ
Смириться развѣ?—но смириться больно,
И жалко мнѣ себя, и жалко силъ былыхъ...
Не бросить-ли все, все, сказавъ всему: довольно!

И, успокоившись, по торному пути,
Склонивши голову, почтительно пройти?

* * *

А тамъ?—А тамъ смотрѣть съ умѣньемъ знатока,
Смотрѣть художникомъ на вѣрность исполненья,
Какъ истязаются, какъ гибнутъ поколѣнья, —
Какъ жить имъ хочется, какъ бѣднымъ смерть тяжка,—
И поощрять дѣтей въ возможности успѣха
Тяжелой хрипотой надтреснутаго смѣха!..

ВЪ КІЕВѢ НОЧЬЮ.

Спитъ пращуръ городовъ! А я съ горы высокой
Смотрю на очерки блестящихъ куполовъ,
Стремящихся къ звѣздамъ надъ уровнемъ домовъ,
Подъ сѣнью темною, лазурной и стоокой.
        И Днѣпръ уносится... Его не слышу я,—
        За далью не шумитъ блестящая струя.

—

О, нѣтъ! Не мѣсяцъ здѣсь живой красѣ причина!
Когда-бы волю дать серебрянымъ лучамъ
Скользить въ безбрежности по темнымъ небесамъ,
Ты не явилась-бы, чудесная картина,
        И разбѣжались-бы безмолвные лучи,
        Чтобъ сгинуть, потонуть въ невѣдомой ночи.

—

Но тамъ, гдѣ имъ въ пути на землю пасть случилось,
Чтобы свѣтить на то, что въ тягостной борьбѣ,
Такъ или иначе, наперекоръ судьбѣ,
Богъ вѣдаетъ зачѣмъ, составилось, сложилось—
        Иное тѣмъ лучамъ значеніе имѣть:
        Въ нихъ мысль затеплилась! Ей пламенемъ горѣть!

—

Суть въ созданномъ людьми, ихъ тяжкими трудами,
Въ каменьяхъ, не въ лучахъ играющихъ на нихъ,
Суть въ исчезаньи силъ, когда-то столь живыхъ,
Силъ возникающихъ и гибнущихъ волнами,—
А кроткій мѣсяцъ тутъ, конечно, ни при чемъ
Съ его безсмысленнымъ, серебрянымъ лучомъ.

*
* *

Да, нѣтъ сомнѣнья въ томъ, что жизнь идетъ впередъ,
И то, что сдѣлано, то сдѣлать было нужно.
Шумитъ, работаетъ, надѣется народъ;
Ихъ мелочь радуетъ, имъ помнить недосужно...

—

А все-же холодно и пусто такъ кругомъ,
И жизнь свершается какимъ-то смутнымъ сномъ,
И чуется сквозь шумъ великаго движенья
Какой-то мертвый гнетъ большого запустѣнья;

—

Пугаетъ вѣчный шумъ безумной толчеи
Успѣховъ гибнущихъ, ненужныхъ начинаній
Людей, ошибшихся въ избраніи призваній,
Существъ, исчезнувшихъ, какъ на рѣкѣ струи...

—

Но не обманчиво-ль то чувство запустѣнья?
Быть-можетъ, устаютъ, какъ люди, поколѣнья,
И жизнь молчитъ тогда въ какомъ-то забытьи.
Она, родильница, встрѣчаетъ боль слезами
И ловитъ блѣдными, холодными губами
Живого воздуха лѣнивыя струи,
Чтобы, заслышавъ крикъ рожденнаго созданья,
Вздохнуть и позабыть всѣ, всѣ свои страданья!

НА ПУБЛИЧНОМЪ ЧТЕНІИ.

Когда великій умъ въ часъ смерти погасаетъ,
Онъ за собою вслѣдъ потомству оставляетъ,
Помимо всякихъ дѣлъ, еще и обликъ свой,
Какимъ онъ въ жизни сталъ за долгою борьбой...
И вотъ къ нему тогда радѣтели подходятъ,
И, увѣряя всѣхъ, что память мертвыхъ чтутъ,
Въ душѣ погаснувшей съ фонариками бродятъ,
По сокровеннѣйшимъ мечтамъ ея снуютъ,—
Въ догадкахъ, вымыслахъ и выводахъ мудреныхъ
Кощунствуютъ при всѣхъ и, на правахъ ученыхъ,
Въ любезномъ чаяньѣ различныхъ благостынь
Немытою рукой касаются святынь...

* * *

Я задумался и—одинокъ остался;
Полюбилъ и—жизнь великой степью стала;
Дружбу я узналъ и—пламя степь спалило;
Плакалъ я и—василиски нарождались.

Сталъ молиться я—пошли по степи тѣни;
Сталъ надѣяться и—свѣтъ небесъ погаснулъ;
Проклялъ я—застыло сердце въ страхѣ;
Я заснулъ—но не нашелъ во снѣ покоя...

Усомнился я—заря зажглась на небѣ,
Звучный ключъ пробился гдѣ-то животворный,
И по степи, неподвижной и алкавшей,
Поросль новая въ цвѣтахъ зазеленѣла...

БУДУЩИМЪ МОГИКАНАМЪ.

Да, мы, смирясь, молчимъ... въ концѣ концовъ—безспорно!..
Юродствующій вѣкъ проходитъ надъ землей,
Онъ развиваетъ умъ старательно, упорно,
И надсмѣхается надъ чувствомъ и душой.

Ну, что-жъ? Положимъ такъ, что вовсе не позорно
Молчать сознательно, но заодно съ толпой;
Въ весельи чувственности сытой и шальной
Засмѣивать печаль и шествовать покорно!

Толпа всегда толпа! Въ толпѣ себя не видно;
Въ могилу заодно сойти съ ней не обидно;
Но каково-то тѣмъ, кому судьба—старѣть,

И ждать, какъ подрастутъ иныя поколѣнья
И окружать собой ихъ, ждущихъ отпущенья,
Послѣднихъ могиканъ, забывшихъ умереть!

DIES IRAE.

Нерѣдко въ сердцѣ боль слышна...
Боль эта—выраженье связи
Души и тѣла! Сплетена,
Какъ буквы строкъ славянской вязи.
Та связь, тѣ боли въ сердцѣ—плодъ
Душой испытанныхъ невзгодъ:
Душа на тѣло повліяла!
И вотъ, когда, какъ то бывало
Въ давно забывшуюся старь,
Въ гирляндѣ свѣжихъ розъ ступая,
Шла жертва Богу предъ алтарь.
Жрецъ говорилъ жрецу: «Ударь!»
И жертва, очи закрывая,
Кончалась... Такъ любой изъ насъ
Предстанетъ жертвой въ нѣкій часъ,
Въ гирляндахъ всѣхъ своихъ страданій,
И смерть, какъ стародавній жрецъ,
Ударитъ въ сердце наконецъ.

ЕЩЕ УДАРЪ.

Еще ударъ судьбы... Хотя оно и грустно,
Но этотъ всѣхъ другихъ рѣшительнѣй, сильнѣй,
Онъ неожиданъ былъ, онъ нанесенъ искусно
Рукою близкаго, и оттого больнѣй!
И грудь уже не та, какъ нѣкогда бывало,—
Года осилили и жизнь въ конецъ измяла!

—

А все-же кажется и вѣрится подчасъ,
Что въ этой груди есть остатковъ силъ не мало,
Что будто этихъ силъ, хоть-бы въ послѣдній разъ,
Хоть на одинъ порывъ, но все-же бы достало...
Такъ, говорятъ, поверженный въ бою
Глазами тусклыми и видомъ угрожаетъ,
Сжимаетъ крѣпко длань, вздымаетъ грудь свою,—
Но эту грудь не вздохъ, а тлѣнье поднимаетъ.

* * *

Кто вамъ сказалъ, что ровно половина
Земли, та именно, что въ ночь погружена,
Гдѣ темнота царитъ, гдѣ звѣзды свѣтятъ зримо,
Вся отдана успокоенью сна?
Безсонныхъ множество! Смѣясь, или кляня,
Они проводятъ въ ночь живую ярость дня!
Кто вамъ сказалъ, что ровно половина
Земли вертящейся объята свѣтлымъ днемъ?
А всѣ образчики классической дремоты,
Умовъ охваченныхъ какимъ-то столбнякомъ?!
Нѣтъ! Полонъ день земли, въ которомъ бьемся мы,
Духовной полночью, смущающей умы.

ЖИВЫЯ ПУСТЫНИ.

Ясно лазурное небо полудня! И какъ ни гляди—
Все ничего не увидишь, и все пустота впереди...
А, между тѣмъ, это небо великою жизнью полно!
Чуть только вечеръ наступитъ и станетъ немного темно,—
Звѣздъ очертанья безшумно встаютъ, продвигаются въ тьму,
Есть что увидѣть тогда, есть за что ухватиться уму!
И оживаютъ, горятъ міровыя пустыни пространствъ
Мощной, особою жизнью пылающихъ ярко убранствъ...

Такъ-то бываетъ и въ жизни. Свѣтъ жизни, весь полонъ тѣней,
Много чудесныхъ явленій какъ-будто скрывается въ ней,
Намъ, изъ-за множества обликовъ, трудно, нельзя отличить
То, чѣмъ прекрасна она, что достойно дѣйствительно жить!
Надо, чтобъ тьма опустилась. Какая? Не все-ли равно!
Тьма-ли могилы, тьма времени?!—Только-бы стало темно...
И проступаютъ тогда, разгораясь въ коронахъ лучей,
Ярко, на диво нежданно прозрѣвшихъ очей,
Цѣлыя сферы красотъ безконечно живыхъ,
Чтобы безмолвно свѣтить въ ночь дѣяній людскихъ...

ДВѢ МОЛИТВЫ.

Молитва Аріевъ древнѣй другихъ! Она,
Тончайшей плотью словъ облечена,
Дошла до насъ. Въ ней проситъ человѣкъ,
Чтобъ солнце въ засуху не выпивало рѣкъ,
Чтобъ умножалися приплодами стада,
Чтобъ червь не подточилъ созрѣвшаго плода,
Чтобы огонь не пожиралъ жилищъ,
Чтобъ не былъ человѣкъ болѣзненъ, слабъ и нищъ!

—

Какая дѣтская въ молитвѣ простота!
Когда сравнишь ее съ молитвою Христа,
Поймешь: какъ много зла на жизненномъ пути
По человѣчеству должно было взрасти,
Чтобы оно могло понять и оцѣнить—
Божественную мысль, мысль новую... простить!

* * *

Гдѣ только крикъ какой раздастся, иль стенанье—
Не все-ли то равно: родной, или чужой—
Туда влечетъ меня неясное призванье
Быть утѣшителемъ, товарищемъ, слугой!

Тамъ ищутъ помощи, тамъ нужно утѣшенье,
На пиршествѣ тоски, на шабашѣ скорбей,
Тамъ страждетъ человѣкъ, одинъ во всемъ твореньѣ,
Крушась сознательно въ волненіи зыбей!

Онъ дѣлаетъ круги въ струяхъ водоворота,
Безсильный выбраться изъ бездны роковой,
Безъ права на столбнякъ, на глупость идіота,
И безъ виновности своей, или чужой!

Ему данъ умъ на то, чтобъ понимать крушенье,
Чтобъ обобщать умомъ печали всѣхъ людей,
И чтобъ имѣть свое, особенное мнѣнье,
При видѣ гибели, чужой или своей!

* * *

Скажите дереву: ты перестань расти,
Не оживай къ веснѣ листами молодыми,
Алмазами росы на солнцѣ не блести
И птицъ не осѣняй съ ихъ пѣснями живыми;

Ты не пускай въ землѣ питательныхъ корней,
Ихъ нѣжной бѣлизнѣ не спорить съ вѣчной тьмою...
Взгляни на кладбище кругомъ гніющихъ пней,
На сушь валежника съ умершею листвою.

Все это, были дни, взрастало, какъ и ты,
Стремилось въ пышный цвѣтъ, и зрѣлый плодъ давало,
Ютило пѣсни птицъ, глядѣло на цвѣты,
И было счастливо, и счастья ожидало.

Умри! Не стоитъ жить! Подумай и завянь!
Но дерево растетъ, призванье совершая;
Зачѣмъ-же людямъ, намъ, дано нарушить грань
И жизнь свою прервать, цвѣтенья не желая.

* * *

Гдѣ только есть земля, въ которой насъ зароютъ,
Гдѣ въ небѣ облака свои узоры ткутъ,
Въ свой часъ цвѣтетъ весна, зимою вьюги воютъ,
И отдыхъ сладостный смѣняетъ тяжкій трудъ.

—

Тамъ есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье,
И если жизни строй и злобенъ, и суровъ,
То все-же можно жить, исполнить назначенье;
А гдѣ-же нѣтъ земли, весны и облаковъ?

—

Но если къ этому прибавить то, что было,
Мечты счастливыя и встрѣчи прежнихъ лѣтъ,
Какъ, другъ за дружкою, то шло, то проходило,
Такая-то жила, такой-то не былъ сѣдъ;

—

Какъ съ однолѣтками мы время коротали,
Какъ жизни смыслъ и цѣль казалися яснѣй, —
Вы вновь слагаетесь, разбитыя скрижали
Полузабывшихся, но не пропавшихъ, дней.

ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ МУЗЕѢ.

За стеклами шкаповъ виднѣются костюмы;
Пращи и палицы и стрѣлы дикарей,
Рядъ масокъ съ перьями, съ хвостами льва и пумы,
Съ клыками, съ камнями въ отверстіяхъ очей!

Большія чучела въ смѣшныхъ вооруженьяхъ,
Ежи какіе-то отъ головы до пятъ,
Разсчитаны на то, чтобы пугать въ сраженьяхъ,—
Совсѣмъ стѣсняющій и пресмѣшной нарядъ.

Что-жъ? Разница не то, чтобы совсѣмъ большая:
Такое пугало въ колючкахъ и ножахъ—
И страны цѣлыя, отъ края и до края
Одѣтыя въ металлъ, всѣ въ пушкахъ и штыкахъ?

Тамъ—человѣкъ одинъ; здѣсь—цѣлые народы,
Себѣ и всѣмъ другимъ мѣшающіе жить...
Но что-же за шкапы имъ нужно, что за своды,
Чтобы, современемъ, въ музеи размѣстить?

ГОЛОВА РОБЕСПЬЕРА.

На полкахъ одного изъ множества музеевъ
Замѣтенъ длинный рядъ головъ большихъ злодѣевъ,
Убійцъ, разбойниковъ, внушавшихъ людямъ страхъ,
И успокоившихся въ петляхъ, на кострахъ.
Пестро раскрашенныя лица восковыя
Глядятъ изъ-подъ стекла какъ-будто-бы живыя,
И вѣетъ холодомъ и затхлостью гробовъ
Отъ блещущихъ очей и выкрашенныхъ лбовъ.

—

Но между тѣхъ головъ, и лысыхъ, и косматыхъ,
Безусыхъ стариковъ и женщинъ бородатыхъ,
Какъ-будто въ чуждую среду занесена,
Замѣтнѣе другихъ покоится одна.
Скула и челюсти жестоко перебиты,
Но зоркіе глаза безтрепетно открыты,
Въ нихъ неожиданный, негаданный покой:
Глядятъ—удивлены, познавши міръ иной...

—

Нѣтъ, не разбойникъ ты! Ты кровью обливался
За то, что новый складъ судебъ тебѣ мечтался,
И ты отравленъ былъ чудовищной мечтой
Съ ея безжалостной ужасной простотой—
Но силой этой-же чудовищной мечты,
Сказавшейся въ другомъ, въ свой срокъ погибъ и ты.

* * *

Край лишенный живой красоты,
Въ немъ намеки одни, да черты,
Все неясно въ немъ, полно тѣней,
Начиная отъ самыхъ людей;
Если плачутъ—печаль ихъ мелка,
Если любятъ—такъ любятъ слегка,
Вялъ и медленъ неискренній трудъ,
Складъ всей жизни изношенъ и худъ,
Вѣчно смутенъ, встревоженъ ихъ взглядъ,
Всѣ, какъ-будто, о чемъ-то молчатъ...
Откровенной улыбки въ нихъ нѣтъ,
Ласки странны, двусмысленъ совѣтъ...
Эта блѣдность породы людской
Родилась изъ природы самой:
Цѣпи мелкихъ, пологихъ холмовъ,
Непривѣтныя дебри лѣсовъ,
Рѣки, льющія волны сквозь сонъ,
Вѣчно сѣрый, сырой небосклонъ...
Тяжкій холодъ суровой зимы,
Дни, безсильные выйти изъ тьмы,
Гладь нѣмая безбрежныхъ равнинъ—
Рядъ неконченныхъ кѣмъ-то картинъ...
Кто-то думалъ о нихъ, рисовалъ,
Бросилъ кисти и самъ задремалъ...

НА СУДОГОВОРЕНЬѢ.

Тамъ, круглый годъ, почти всегда,
Въ угрюмомъ зданіи суда,
Когда вершить приходитъ судъ,
Картины грустныя встаютъ;
Встаютъ одна вослѣдъ другой,
Съ неудержимой быстротой,
Изъ мыслей, словъ и дѣлъ людскихъ,
Въ чертахъ, до ужаса живыхъ...

И не одинъ ужъ рядъ именъ
Въ синодикъ скорбный занесенъ,
И не съ преступниковъ однихъ
Спадаютъ вдругъ личины ихъ:
Простой свидѣтель, иногда,
Важнѣй судимыхъ и суда;
Важнѣй обоихъ ихъ, порой,
Мы сами, въ общемъ, всей толпой!

Но въ грудахъ всякихъ, всякихъ дѣлъ,
Подлоговъ, взломовъ, мертвыхъ тѣлъ,
Безсильной воли, злыхъ умовъ,
Уродства чувствъ и фальши словъ,
И безконечныхъ вереницъ
Холодныхъ душъ и нервныхъ лицъ,—
Замѣтна общая черта:
Незрѣлой мысли пустота!

ВОПЛОЩЕНІЕ ЗЛА.

Читали-ль вы когда, какъ Достоевскій страждетъ,
Какъ въ изученьи зла запутался Толстой?
По людямъ пустозвонъ, а жизнь рѣшеній жаждетъ,
Мышленье блудствуетъ, безжалостенъ законъ...
Сплелись для насъ въ вѣнцы блаженства и мученья,
Подъ осѣненьемъ ихъ даютъ морщины лбы;
Какъ зримый признакъ ихъ, свой вѣнчикъ отпущенья
Уносимъ мы съ собой въ безмолвные гробы.
Весь смутный бредъ страстей, вся тягота угара,
Весь жаръ открытыхъ ранъ, всѣ ужасы, вся боль—
Въ могилахъ гасятся... Могилы—слѣдъ пожара—
Онѣ, въ концѣ концовъ, счастливая юдоль!

—

А все-же надобно бороться, силы множить,
И если зла нельзя повсюду побороть,
То властенъ человѣкъ сознательно тревожить
Его заразную, губительную плоть.

Пуская мысль на мысль, дѣянье на дѣянье,
Въ борьбѣ на жизнь и смерть слагать свои судьбы...
Вѣдь церковь Божія, вѣщая покаянье,
Не отрицаетъ правъ возмездья и борьбы.

—

Зло не фантастика, не миѳъ, не отвлеченность!
Добро—не звукъ пустой, не призракъ, не мечта!
Все древле—бывшее, вся наша современность
Полна ихъ битвами и кровью залита.
Ни взвѣсить на вѣсахъ, ни сдѣлать измѣренья
Добра и зла—нельзя, на то нѣтъ средствъ и силъ.
Забавно прибѣгать къ чертамъ изображенья;
Зачѣмъ тутъ—когти, хвостъ, Молохъ, Сатаніилъ?
Легенда древняя зло всячески писала,
По своему его изображалъ народъ,
Испуганная мысль зло въ темнотѣ искала,
Въ извивахъ пламени и въ нѣдрахъ тучъ и водъ.
Зачѣмъ тутъ видимость, зачѣмъ тутъ воплощенья,
Явленья демоновъ, гдѣ медленно, гдѣ вдругъ—
Когда въ природѣ всей смыслъ каждаго движенья—
Явленье зла, страданье, боль, испугъ...
И даже чистыхъ думъ чистѣйшіе порывы
Порой отравой зла на смерть поражены,
И кажутся добры, привѣтливы, красивы
Всѣ ухищренія, всѣ кӧзни сатаны.

—

Какъ свѣта лучъ, какъ мысль, какъ смерть, какъ тяготѣнье,
Какъ холодъ и тепло, какъ жизнь цвѣтка, какъ звукъ—

Зло несомнѣнно есть. Свидѣтель—все творенье!
Тутъ временный пробѣлъ въ могуществѣ наукъ:
Онѣ покажутъ зло когда-нибудь на дѣлѣ...
Но былъ-бы человѣкъ и жалокъ, и смѣшонъ,
Признавъ тотъ обликъ зла, что̀ нѣкогда воспѣли
Дантъ, Мильтонъ, Лермонтовъ, и Гёте, и Байро̀нъ!

—

Мѣняются года́, мечты, народы, лица,
Но вся земная жизнь, всѣ, всѣ ея судьбы—
Одна, единая, мельчайшая частица
Борьбы добра и зла и слѣдствій той борьбы!
На Па́тмосѣ, въ свой день, великое видѣнье
Одинъ, изъ всѣхъ людей, воочію видалъ—
Борьбы добра и зла живое напряженье...
Палъ ницъ... но—призванный писать—живописалъ!

ВЪ КОСТЕЛѢ.

Толпа въ костелѣ молча размѣстилась.
Гудѣлъ органъ, шла мощная кантата,
Трубили трубы, съ канцеля свѣтилось
Сѣдое темя толстаго прелата;
Стуча о плиты тяжкой булавою
Ходилъ швейцаръ въ галунномъ, красномъ платьѣ;
Надъ алтаремъ, высоко надъ стѣною
Въ тѣни виднѣлось Рубенса «Распятье»...

—

Картина цѣнная лишь по частямъ видна:
Христосъ, съ чернѣвшей раной прободенья,
Едва виднѣлся въ облакѣ куренья;
Яснѣй всего блистали съ полотна:
Бока коня со всадникомъ усатымъ,
Ярлыкъ надъ старцемъ бородатымъ
И полногрудая жена...

НА РАУТѢ.

Людишки чахлые,—почти любой съ изъяномъ!
Одно имъ нужно: жить и не тужить!
Тутъ мальчикъ съ пальчикъ былъ-бы великаномъ,
Когда-бъ ихъ по уму и силѣ чувствъ сравнить.
А между тѣмъ, все то, что тѣшитъ взоры,
Все это держится усильями подпоръ:
Не домъ стоитъ—стоятъ его подпоры;
Его прошедшее—насмѣшка и позоръ!
И можетъ это все въ одно мгновенье сгинуть,
Упорно держится Богъ вѣдаетъ на чемъ!
Не молотомъ хватить,—на биржу вексель кинуть—
И онъ развалится, блестящій, старый домъ...

ВЪ ТЕАТРѢ.

Они тѣнь Гàмлета изъ гроба вызываютъ,
Маркиза Позы рѣчь на музыку кладутъ,
Христа Спасителя для сцены сочиняютъ,
И будетъ пѣть Христосъ такъ, какъ и тѣ поютъ.

—

Уродовъ буффонадъ съ хвостатыми тѣлами,
Одѣтыхъ въ бабочекъ и въ овощи земли,
Кривыхъ подагриковъ съ наростами, съ горбами
Они на Божій свѣтъ, состряпавъ, извлекли.

—

Больной фантазіи больныя порожденья,
Одно другихъ пошлѣй, одно другихъ срамнѣй,
Явились въ міръ искусствъ плодами истощенья,
Когда-то здравыхъ силъ пролгавшихся людей.

—

Толпа валитъ смотрѣть. Причиною понятной—
Всѣ эти пошлости не трудно объяснить:
Толпа, въ нелѣпости, какъ море необъятной,
Нелѣпость жизни жаждетъ позабыть.

* * *

Да, трудно избѣжать для множества людей
Вліянья творчествомъ отмѣченныхъ идей,
Вліянья Рудиныхъ, Раскольниковыхъ, Чацкихъ,
Обломовыхъ! Гнетутъ!.. Не тотъ-же-ль гнетъ цѣпей,
Но только умственныхъ, совсѣмъ не тяжкихъ, братскихъ...
Художникъ выкроилъ изъ жизни силуэтъ;
Онъ, собственно, ничто, его въ природѣ нѣтъ!
Но слабый человѣкъ, безъ долгихъ размышленій,
Беретъ готовыми итоги чуждыхъ мнѣній,
А мнѣніямъ своимъ нѣтъ мѣста прорасти,—
Какъ паутиною всѣ затканы пути
Простыхъ, не ломанныхъ, здоровыхъ заключеній,
И надъ умомъ его—что день, то гуще тьма
Созданій мощнаго, не своего ума...

ЖЕНЩИНА и ДѢТИ.

* * *

Словно какъ лебеди бѣлые
Дремлютъ и очи сомкнули,
Тихо качаясь надъ озеромъ, —
Такъ ея чувства уснули...

—

Словно какъ лотосы нѣжные,
Лики сокрывъ восковые,
Спятъ надъ глубокой пучиною, —
Грезы ея молодыя...

—

Вы просыпайтеся, лебеди,
Троньте струю голубую!
Вы раскрывайте-же, лотосы,
Вашу красу восковую!

—

Въ небѣ заря, утро красное...
Здѣсь я... и жду пробужденья,
Свѣтомъ любви озаряемый
Въ тихой мольбѣ пѣснопѣнья.

ПѢСНЯ ЛУННАГО ЛУЧА.

Свѣтлой искоркой въ окошко
Мѣсяцъ къ дѣвушкѣ глядитъ...
«Отвори окно немножко»,—
Мѣсяцъ тихо говоритъ.

—

«Дай прилечь вдоль бѣлыхъ складокъ
Гостю, лунному лучу,
Вѣрь мнѣ: все придетъ въ порядокъ
Чуть надъ сердцемъ посвѣчу!

—

«Успокою всѣ сомнѣнья,
Всю печаль заговорю,
Всѣ мечты, всѣ помышленья,
Даже сны посеребрю!

—

«Что увижу, что замѣчу,
Я и звѣздамъ не шепну,
И вернусь къ зарѣ навстрѣчу,
Поблѣднѣвши, на луну..»

* * *

Будто мѣсяцъ съ шатра голубого,
Ты мнѣ въ душу глядишь, какъ въ ручей...
Онъ струится, журча безтолково
Въ чистомъ золотѣ горнихъ лучей.

—

Искры блещутъ, что риза живая...
Какъ былъ тёменъ и мраченъ родникъ —
Какъ зажегся ручей, отражая
Твой живой, твой трепещущій ликъ!..

* * *

О, если-бъ мнѣ хоть только отраженье,
Хоть слабый свѣтъ твоихъ чудесныхъ сновъ,
Мнѣ засвѣтило-бъ въ сердцѣ вдохновенье,
Взошла заря надъ теменью годовъ!

Въ струяхъ отзвучій яркихъ пѣснопѣній
Въ живой любви съ тобой объединенъ,
Какъ мысль, какъ духъ, какъ безтѣлесный геній,
Отъ жизни взятъ—я перешелъ-бы въ сонъ!

* * *

Тебѣ обязанъ я святою тишиной,
Столь непривычною душѣ моей больной;
Тобой единою вся эта тишина
Мнѣ незаслуженно, какъ Божій даръ, дана.

И если ангелы, чтобъ на землю сойти,
Имѣютъ тихіе, завѣтные пути,—
Я вѣрю, чувствую,— я сознавалъ не разъ:
Они, незримые, проходятъ возлѣ насъ.

* * *

Утро! Тронулись туманы
И надъ лѣсомъ понеслись,
Въ терема, въ дворцы сложились
И огнями разожглись!

—

Чью-бы душу молодую
Силой чаръ заполонить,
И въ воздушные чертоги
Искръ и злата поселить?

—

Зналъ бы я одну... Но, знаю:
Вмѣстѣ съ облачкомъ уйдетъ
И не мнѣ на грудь и въ душу
Теплымъ дождикомъ падетъ!

* * *

Погасъ заката золотистый трепетъ....
Звѣзда вечерняя глядитъ изъ облаковъ....
Лѣсной ручей усилилъ робкій лепетъ
И шопотъ слышится отъ темныхъ береговъ!

—

Не долго ждать, и станетъ ночь темнѣе,
Зажжется длинный рядъ всѣхъ, всѣхъ ея лампадъ,
И міръ заснетъ... Предстань тогда скорѣе!
Пусть мы безумные.... Пускай лобзанья — ядъ!.

* * *

Ты нѣжнѣй голубки бѣлокрылой,
Ты—рубинъ блестящій, огневой!
Бѣдный духъ мой, столько лѣтъ унылый,
Краской жизни рдѣетъ предъ тобой.

Въ тихомъ свѣтѣ кроткаго сіянья,
Давнихъ дней въ прозрачной глубинѣ,
Возникаютъ снова очертанья
Прежнихъ чувствъ, роившихся во мнѣ.

Можно-ль вѣрить—вѣрить умъ не смѣетъ!—
Будто этотъ нашихъ чувствъ расцвѣтъ,—
Будетъ день,—пройдетъ и поблѣднѣетъ,
Погрузившись въ мертвый холодъ лѣтъ..

* * *

Изъ-подъ тѣнистаго куста
Съ подстилкой моховою,
Фіалокъ темныхъ я нарвалъ,
Увлаженныхъ росою!

—

Принесъ къ тебѣ ихъ! Съ лепестковъ
Прохладой ночи вѣетъ...
Твой добрый взглядъ, твой милый взглядъ
Ихъ теменью темнѣетъ!

* * *

Чуть прохожу я у окошка,
Въ немъ замѣчаю каждый разъ
Изъ-за гераній и горошка
Живую пару черныхъ глазъ.

И я напрасно жду отвѣта,
И не пойму я: что прочнѣй —
Нарядъ цвѣтовъ въ разгарѣ лѣта,
Иль этотъ жгучій блескъ очей?

* * *

Когда, привѣтливо и весело ласкаясь,
Глазами полными небеснаго огня,
Ты, милая моя, головкой наклоняясь,
Глядишь на дремлющаго въ забытьи меня —

Струи младенческаго, свѣжаго дыханья
Лицо горячее мнѣ нѣжно холодятъ,
И, сквозь видѣнья сна и въ шопотѣ молчанья,
Сердца въ обоихъ насъ такъ медленно стучатъ —

О, заслони, закрой головкою твоею
Весь міръ, прошедшее, смыслъ завтрашняго дня,
Мечту и мысль... О заслони ты ею
Меня, мой другъ, отъ самого меня...

*
* *

Ты сидѣла со мной у окна.
Всѣ дома въ темнотѣ потонули.
Вдругъ, глядимъ: заалѣла стѣна,
Искры свѣта по окнамъ мелькнули.

—

Видимъ: факелы тащутъ, гербы,
Ордена на подушкахъ съ кистями,
Въ мрачныхъ ризахъ шагаютъ попы
И чернѣютъ въ огняхъ клобуками;

—

Дроги, гробъ! И отъ гроба въ огнѣ
Будто зарево насъ освѣщало...
Ты такъ быстро склонилась ко мнѣ,
Жить желая, во что̀ бы ни стало!

* * *

О, въ моей-ли любви не глубоко!
Ты мнѣ въ сердце, голубка, взгляни:
Сколько зависти въ немъ и порока!?
И какіе пылаютъ огни!?

—

Въ тѣхъ великихъ огняхъ, недвижима,
Вся въ священномъ дыму алтарей,
Ты, какъ идолъ пылающій, чтима
Безпредѣльной любовью моей...

* * *

Я люблю тебя, люблю неудержимо
Я стремлюсь къ тебѣ всей, всей моей душой!
Сердцу кажется что міръ проходитъ мимо,
Нѣтъ, не онъ идетъ— проходимъ мы съ тобой.

Жизнь, сближая этихъ, этихъ разлучая,
Шутитъ съ юностью нерѣдко невпопадъ!
Если искреннѣе обниму тебя я —
Можетъ-быть, что насъ тогда не разлучатъ...

*
* *

Мнѣ ее подарили во снѣ;
Я проснулся—и нѣтъ ея! Взяли!..
Слышу: ходятъ часы на стѣнѣ, —
Всталъ и я, потому что всѣ встали.

И брожу я весь день, какъ шальной,
И гдѣ вижу, что люди смѣются, —
Мнится мнѣ: это смѣхъ надо мной,
Потому что нельзя мнѣ проснуться!

* * *

Есть цѣлый міръ въ груди моей!
Въ немъ зе́мли есть, моря,
Толпы несмѣтныя людей,
Два, три большихъ царя!

—

Чудна растительность мечты
У міра моего,
А солнце... Солнце, это ты...
Живишь и жжешь его!

* * *

Свѣтится въ листьяхъ такъ чудно!
Тѣшится солнечный лучъ!
Солнце въ туманахъ играетъ
Въ рамкахъ блуждающихъ тучъ!

—

Рамки подвижны, красивы...
Глянетъ то въ эту, то въ ту,
Выставитъ ликъ свой и смотритъ,
Знаетъ свою красоту.

—

Ты моя жизнь, мое солнце!
Если-бы тучей я былъ,
Ликъ твой во мнѣ бы свѣтился
И, засвѣтясь, опалилъ...

* * *

Люблю я тихую задумчивость мою,
Недавно купленную тяжкою цѣною:
То, что тебя, мой другъ, призналъ я за свою,
Сказалося во мнѣ глубокою тоскою,
И мой веселый смѣхъ безвременно затихъ...
Но, вѣрь, голубка, вѣрь, клянусь, что не возьму я,
За лживость твоего живого поцѣлуя
Всей правды мертвенной устъ скромныхъ, но другихъ!

* * *

Нѣтъ меня при тебѣ, когда въ свѣтломъ окнѣ
Мой цвѣтокъ распускается цвѣтомъ своимъ,
И изъ всѣхъ лепестковъ, отвѣчая веснѣ,
Льетъ живой ароматъ подъ дыханьемъ твоимъ,
И ты помнишь меня, и ты дышишь надъ нимъ!

—

Нѣтъ меня при тебѣ, когда въ темномъ углу
Ждетъ гитара моя, временами звеня;
Ты поешь, пропуская по ткани иглу.
Пѣсню я сочинилъ, и ты слышишь меня!
Это я при тебѣ въ замираніи дня...

* * *

Объята полной тишиной,
Безмолвна ты, какъ храмъ пустой!
Все въ храмѣ есть: престолъ, иконы,
Паникадила и амвоны,
На цѣнныхъ люстрахъ рядъ свѣчей—
Но нѣтъ огней въ немъ, нѣтъ людей...
На сиротѣющій престо́лъ
Надѣтъ пылящійся чехолъ...
Одна святая тишина
Царить по храму призвана—
Царить вездѣ, по всѣмъ угламъ,
Служа невѣдомымъ бога́мъ...

НЕВѢСТА.

Въ пышномъ гробѣ меня разукрасили,—
А ужъ я-ли красой не цвѣла?
Восковыми свѣчами обставили,—
Я и такъ безконечно свѣтла!

Мѣдью темной глаза придавили мнѣ—
Чтобы глянуть они не могли;
Чтобы сердце во мнѣ не забилося,—
Образочкомъ его нагнели!

Чтобъ случайно чего не сказала я,—
Краткій срокъ положили—три дня!
И цвѣтами могилу засыпали,
И цвѣты придушили меня...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

* * *

Я поставилъ свѣчу передъ образомъ...
Наклонилась и быстро горитъ!..
Иль рука та, что ставила, дрогнула?
Каплетъ воскъ и, какъ слезы, бѣжитъ!

Иль сказалась молитва не искренно?
Иль любить не умѣю сполна?!..
Погасилъ я свѣчу передъ образомъ...
Пусть не плачетъ такъ жарко она...

* * *

Когда я въ полночь замѣчаю
Тебя на блещущемъ лугу,
Молчу, дыханье замедляю
И наглядѣться не могу.

—

И великò во мнѣ сомнѣнье,
Что свѣтлыхъ звѣздъ шатеръ живой
Природы дивное явленье,
А не корона надъ тобой!

* * *

Принесите изъ ближнихъ садовъ
Распустившихся за ночь цвѣтовъ
И пускай ихъ роскошный нарядъ
Потѣшаетъ дѣвическій взглядъ
Блескомъ красокъ, игрой лепестковъ,
Вереницей мечтаній безъ словъ...

—

Если-жъ ночь ея очи сомкнетъ,
Цвѣтъ цвѣтовъ для нея пропадетъ,
Духъ цвѣтовъ, ароматовъ волна
Пусть проникнутъ въ видѣнія сна
И меня въ этотъ сонъ золотой
Занесутъ съ благодатной волной...

* * *

Я ласкаю тебя, какъ ласкается боръ
Шумной бурею въ темень одѣтой!
Налетаетъ она, покидая просторъ,
На устахъ своихъ съ пѣсней запѣтой.

—

Пѣсня бури сильна! Чуть въ листву залетитъ—
Жизнь лѣсную до нѣдръ потрясаетъ,
Рветъ умершую вѣтвь, блеклый листъ не щадитъ,
Все отжившее на земь кидаетъ...

—

И ты бурю за пѣсню ея не кори,
Нѣтъ въ ней злобы, любви къ разрушенью:
Очищаетъ прогалины краскамъ зари
И просторъ соловьиному пѣнью...

* * *

По шопоту глубокой тишины
Надъ нами ткутъ свои рисунки сны,
И всѣ они на тотъ-же самый ладъ
О счастьи мнѣ, о свѣтломъ говорятъ.

—

Повѣдай мнѣ, словечко оброни:
Такіе-ли и у тебя они,
Не тотъ-же-ли чуть слышный сердца бой
Рисуетъ ихъ въ мечтѣ и надъ тобой?

—

Что видишь въ нихъ, что жаждешь увидать?
Могу-ли я во слѣдъ тебѣ мечтать?
Какая ночь волшебной тишины!..
О говори-же мнѣ скорѣй: что шепчутъ сны?

* * *

Создавъ свой міръ въ міру людскомъ,
Глубокой тайною хранимы,
Съ тобой мы въ жизни шли вдвоемъ,
Ни для кого неуловимы.
Разстались мы! Пришелъ конецъ...
Но я, несчастливый бѣглецъ,
Свободенъ былъ недолго... Снова
Пришлось другую власть признать
И, ей въ угоду, страсть былого,
Тебя—хулить и отрицать!..

НА СТАРЫЙ МОТИВЪ.

Промчались годы. Я забылъ,
Забылъ я, что тебя любилъ,
Забылъ за счастіемъ въ гоньбѣ,
Что нуженъ памятникъ тебѣ...

Я жилъ еще; любилъ опять!
И сталъ твой образъ вновь мелькать,
И съ каждымъ днемъ въ душѣ моей
Пришлецъ становится яснѣй.

Уста, которыхъ больше нѣтъ,
Мнѣ шлютъ попрежнему привѣтъ...
Хоть и засыпаны пескомъ,
Глаза, какъ прежде, жгутъ огнемъ...

Теперь я самъ, какъ погляжу,
Тебѣ гробницею служу
И Бога мощною рукой
Поставленъ думать надъ тобой!

РАЗЛУКА.

Ты понимаешь-ли послѣднее прости?
Міръ цѣлый рушится и новый возникаетъ...
Найдутся-ль въ новомъ свѣтлые пути?
Весь въ неизвѣстности лежитъ онъ и пугаетъ.
Жизнь будетъ-ли сильна настолько, чтобъ опять
Дохнуть живымъ тепломъ мнѣ въ душу ледяную?
Иль, можетъ-быть, начавъ, какъ прежде, обожать
Я обманусь, принявши грезу злую
За правду и начавъ вновь вѣрить, вновь мечтать
О чудной красотѣ своихъ же измышленій,
Почту̀ огнемъ молитвенныхъ стремленій
Рядъ пестрыхъ вымысловъ, нисколько не святыхъ,
И этимъ вызову насмѣшку устъ твоихъ?

* * *

Не погасай хоть ты,—ты, пламя золотое,—
Любви негаданной послѣдній огонекъ!
Ночь жизни такъ темна, покрыла все земное,
Все пусто, все мертвò, и ты горишь не въ срокъ!
Но чѣмъ темнѣе ночь, сильнѣй любви сіянье;
Я на огонь иду, и я идти хочу...
Иду... Мнѣ все равно: свои-ли я желанья,
Чужія-ль горести въ пути ногой топчу,
Родныя-ль подъ ногой могилы попираю,
Назадъ-ли я иду, иду-ли я впередъ,
Не правъ я или правъ,—не вѣдаю, не знаю
И знать я не хочу! Меня судьба ведетъ...
Въ движеньи этомъ жизнь такъ ясно ощутима,
Что даже мысль о томъ, что и любовь—мечта,
Какъ тысячи другихъ мелькаетъ мимо, мимо,
И легче кажутся и мракъ, и пустота...

* * *

Кто, кто сказалъ, что только лишь въ очахъ
Ликъ женскій блещетъ силой выраженья?
Нѣтъ, нѣтъ! Задумчивость густого отѣненья
Роскошныхъ косъ на мраморныхъ плечахъ,
Улыбка томная и блескъ зубовъ жемчужныхъ,
И стройныя черты красиваго лица —
Важнѣе глазъ, какъ-будто и ненужныхъ,
Сулятъ особый міръ блаженства безъ конца
И говорятъ: — «Нашъ міръ чудесенъ, необъятенъ,
Избыткомъ радостей невѣдомо глубокъ...»
Не такъ-ли иногда шумитъ вдали потокъ,
Очамъ незримъ, но слышенъ и понятенъ?

* * *

Весла спустивъ, мы катились, мечтая,
Сонной рѣкою по волѣ челна;
Наши подвижныя тѣни, качая,
Спать собираясь, дробила волна.

—

Тѣни росли, удлиняясь къ востоку,
Вышли на берегъ, на пашни, на лѣсъ —
И затерялись, незримыя оку,
Гдѣ-то, должно-быть, за краемъ небесъ...

—

Тѣни! Спасибо за то, что пропали!
Много-бы васъ разглядѣло людей;
Слишкомъ бы много они увидали
Въ трепетныхъ очеркахъ этихъ тѣней...

*
* *

Тебя онъ въ шутку звалъ старушкой,
Тобою жилъ для добрыхъ дѣлъ,
Тобой былъ веселъ за пирушкой,
Тобой былъ честенъ, гордъ и смѣлъ!

—

Въ него глаза твои свѣтили...
Такъ лучъ, въ глубь церкви зароненъ,
Идетъ по длинной лентѣ пыли
Играть надъ ризами иконъ.

—

Погасла ты, и лучъ затмился,
Мракъ человѣка обуялъ,
И не повѣрить: какъ свѣтился
Въ той тьмѣ кромѣшной—идеалъ?!..

* * *

Возьмите все—не пожалѣю!
Но одного не дамъ я взять—
Того, какъ счастливъ былъ я съ нею,
Начавъ любить, начавъ страдать!

—

Любви роскошныя страницы
Ихъ дважды въ жизни не прочесть,
Какъ стаѣ странствующей птицы
На то-же взморье не присѣсть.

—

Другія волны, нарождаясь,
Дадутъ отливъ другихъ тѣней,
И будетъ солнце, опускаясь,
На цѣлый, длинный годъ старѣй.

—

А птицамъ въ сроки перелетовъ
Придется убыль понести,
Убавить путниковъ со счетовъ
И растерять ихъ по пути...

ВЪ БУРЮ.

Я пріѣхалъ къ тебѣ по Леману;
И сердитъ, и взволнованъ Леманъ!
И одѣлись савойскія альпы
Въ темносѣрый, свинцовый туманъ.

Въ небесахъ разыгралася буря,
Изъ ущелій гудятъ голоса;
Опалилъ мнѣ лицо мое вѣтеръ,
Растрепалъ онъ мои волоса...

И гуляли могучія волны,
Я надъ ними веселый скользилъ,
И съ вершинъ ихъ по пѣнистымъ скатамъ
Глубоко̀, глубоко̀ уходилъ.

Буря шла и въ тревожномъ величьѣ
Раздавить собиралась меня;

Только смерть отъ меня сторонилась —
Былъ я веселъ и полонъ огня.

И я вѣрилъ, что мнѣ не погибнуть,
Что я кончу назначенный путь,
Что я долженъ предстать предъ тобою,
И нельзя мнѣ, нельзя утонуть!

* * *

Вотъ она, моя дорога,—
Въ даль далекую манитъ...
Только—съ ивой у порога,
Подлѣ домикъ твой стоитъ.

—

Точно руки, простираетъ
Ива вѣтви вдоль пути
И пройти мнѣ въ даль мѣшаетъ,
Чуть задумаю пройти.

—

Днемъ пытался—силъ не хватитъ...
Ночью... Ночью я бы могъ,
Да вотъ тутъ-то кто-то схватитъ
И поставитъ на порогъ.

—

Ну, и взмолишься у двери:
Ты пусти меня, пусти!
Ночь... разбойники и звѣри
Разгулялись на пути!

ИЗЪ ЧУЖОГО ПИСЬМА.

Я пишу тебѣ, мой добрый, славный, милый,
Мой хорошій, ненаглядный мой!
Скоро-ль глянетъ часъ свиданья легкокрылый,
Возвратятся счастье и покой!

—

Иногда, когда кругомъ меня все ясно,
Свѣтлый вечеръ безмятежно тихъ,
Какъ бы я тебя къ себѣ прижала страстно,
Ты, любимецъ свѣтлыхъ сновъ моихъ!

—

Мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ все, что сознаю я,
Ставъ звѣздой, съ вечернею зарей
Понеслось къ тебѣ, зажгло для поцѣлуя,
Такъ, какъ я зажглась теперь тобой!

—

Напиши ты мнѣ, бываетъ-ли съ тобою
Какъ со мной, не знаю отчего,

Я стремлюсь къ тебѣ всей, всей моей душою,
Обнимаю я тебя всего...

—

Напиши скорѣе: я тебѣ нужна-ли
Такъ, какъ ты мнѣ? Но, смотри не лги!
Рвешь-ли письма, чтобъ другіе не читали?
Рви ихъ мельче и скорѣе жги.

—

И теперь... Но нѣтъ, мой зовъ совсѣмъ напрасенъ;
Сердце бьется, а въ глазахъ темно...
Вижу, почеркъ мой становится неясенъ...
Завтра утромъ допишу письмо...

ПРИДИ!

Дѣти спятъ. Замолкнулъ городъ шумный,
И лежитъ кругомъ по саду мгла!
О, теперь я счастливъ, какъ безумный,
Тѣло бодро и душа свѣтла.

—

Торопись, голубка! Ты теряешь
Часъ за часомъ! Звѣздъ не сосчитать!
Демонъ самъ съ Тамарою, ты знаешь,
Въ ночь такую думалъ добрымъ стать...

—

Спитъ заливъ, какимъ-то духомъ скованъ,
Вѣтра нѣтъ, въ травѣ роса лежитъ;
Полный мѣсяцъ, словно очарованъ,
Высоко и радостно дрожитъ.

—

Въ хрусталѣ полуночнаго свѣта
Сводомъ темнымъ дремлетъ садъ густой;

Мысль легка, и сердце ждетъ отвѣта!
Ты молчишь? Скажи мнѣ, что съ тобой?

—

Мы прочтемъ съ тобой о Паризинѣ,
Пѣсней Гейне очаруемъ слухъ...
Вѣрь, клянусь, я твой навѣкъ отнынѣ;
Клятву далъ я, и не дать мнѣ двухъ.

—

Не блѣднѣй! Послушай, ты теряешь
Часъ за часомъ! Звѣздъ не сосчитать!
Демонъ самъ съ Тамарою, ты знаешь,
Въ ночь такую думалъ добрымъ стать...

ФИЛОСОФЪ.

Милая, ты меня просишь,
Чтобы тебя посвящать
Въ тайны той темной науки,
Что я хотѣлъ изучать!

—

Слушай: какой-то философъ,
Видно—большой лежебокъ,
Много поставилъ вопросовъ,
Ну и скончался въ свой срокъ.

—

Въ книгахъ, объемомъ грозящихъ,
Бился старикъ о закладъ:
Міръ нашъ составленъ изъ спящихъ,
Глазу незримыхъ монадъ.

—

Въ лѣстницѣ сонной природы,
Въ мягкихъ подушкахъ песковъ,

Спятъ всѣхъ каменьевъ породы,
Спятъ—и не вѣдаютъ сновъ;

—

Спятъ, какъ они, и растенья;
Только у нихъ, иногда,
Рѣютъ и зрѣютъ видѣнья,
Не оставляя слѣда;

—

Рѣзче, въ рисункахъ безплотныхъ;
Въ грёзахъ какъ-будто живыхъ,
Дремлетъ все царство животныхъ,
Люди—яснѣе другихъ!

—

Старецъ солгалъ, поучая:
Тотъ, кто—влюбленный—сидитъ,
Съ милою ночь коротая,
Тотъ, несомнѣнно, не спитъ...

* * *

Въ костюмѣ свѣтломъ Коломбины
Лежала мертвая она,
Прикрыта вскользь, до половины,
Тяжелой завѣсью окна.
И маска нà сторону сбилась;
Полуоткрытъ поблекшій ротъ...
Чего тѣмъ ртомъ не говорилось?
Теперь онъ въ первый разъ не лжетъ!

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

* * *

Во всей красѣ, на утрѣ лѣтъ
Толпѣ ты кажешься видѣньемъ!
Молчанье первымъ впечатлѣньемъ
Всегда идетъ тебѣ во слѣдъ!

Тебѣ дано въ молчаньи этомъ
И въ удивленіи людей
Ходить, какъ блещущимъ кометамъ
Въ недвижныхъ сферахъ изъ лучей.

И, какъ и всякая комета,
Смущая блескомъ новизны,
Ты мчишься мертвымъ комомъ свѣта
Путемъ, лишеннымъ прямизны!

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

* * *

Въ красотѣ своей долго старѣя,
Ты чаруешь людей до сихъ поръ!
Хороши твои плечи и шея,
Увлекателенъ, быстръ разговоръ.

Бездна вкуса въ богатой одеждѣ;
Въ обращеньи изящно-вольна!
Чѣмъ-же быть ты должна была прежде,
Если ты и теперь такъ пышна?

Въ силу хроникъ, давно ужъ открытыхъ,
Ты ходячій, живой мавзолей
Ряда цѣлаго слугъ именитыхъ,
Разорившихся въ службѣ твоей!

И гляжу на тебя съ уваженьемъ:
Ты финансовой силой была,
Капиталы снабдила движеньемъ
И, какъ воскъ, на огнѣ извела!

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

* * *

Часть безконечности — въ прошлое годъ закатился...
Женщину знаю одну; кто она — не скажу, я солгу!
Къ Новому Году какимъ бы желаньемъ я ей прислужился?
Что бы сказалъ изъ того, что желать и сказать ей могу?!
Я бы сказалъ, подойдя къ ней, смотря въ ея глазки,
Я бы сказалъ ей, какъ-будто отецъ своей дочкѣ родной:
«Слушай! Останься, какъ эта царевна таинственной сказки—
«Неизмѣняема временемъ съ вѣчной своей красотой!
«Все хорошо у тебя, потому что сама ты не знаешь,
«Чтó хорошо у тебя... Ты живешь — какъ живется тебѣ;
«Ты говоришь — такъ, какъ думаешь; думаешь такъ, какъ мечтаешь...
«Это такъ рѣдко, родная... О, будь благодарна судьбѣ!
«Будь благодарна за то, что пока въ тебѣ чувство играло,
«Сердца оно не разбило, слезой не ослабило глазъ...
«Сильное чувство, родная, тебя до сихъ поръ миновало;
«Истинно сильное чувство родится одинъ только разъ!
«Нѣтъ, я не смѣлъ-бы, отдавшись тебѣ, обязать быть моею!
«Если не мнѣ, такъ другимъ освѣщай долгій путь...

«Ты... ты изъ тѣхъ, что прекрасны свободой своею;
«Этой свободы лишить—значитъ то-же, что смертью дохнуть!..
«Жизнь-ли моя виновата, а можетъ и самъ я причина, —
«Только — тебѣ я не ровень... Я знаю: я весь — полутѣнь;
«Я, точно родина наша — безбрежная гладь да равнина,
«Только мѣстами сіяютъ кресты на церквахъ деревень...»

* * *

Слышишь: поютъ по окрестности птицы;
Вдоль по дорогѣ колеса стучатъ;
Ясно несется къ намъ въ блескѣ денницы
Звукъ колокольчиковъ вышедшихъ стадъ.

—

Видишь, какъ тѣнь подъ древесною сѣнью
Кружевомъ ходитъ и быстро скользитъ...
Видишь: трава подъ подвижною тѣнью,
Тоже колышется, гнется, блеститъ!..

—

О, отвѣчай мнѣ! Въ желаньяхъ могучихъ
Сердце въ груди такъ восторженно бьетъ!
Да! Подъ сіяніемъ глазъ твоихъ жгучихъ
Всѣми цвѣтами душа зацвѣтетъ!

—

О, отвѣчай! И, забывши тревогу,
Такъ буду счастливъ я съ этого дня,
Такъ буду веселъ, что людямъ и Богу
Весело будетъ глядѣть на меня!

КЪ ПОРТРЕТУ ДѢВОЧКИ.

Словно какъ рамочкой бѣлыхъ цвѣтовъ окружило
Милую эту, живую головку дитяти!
Счастье весенней поры тутъ картинку сложило,
Все въ ней прелестно, разумно, на мѣстѣ и кстати:
Дождикъ—шутникъ,—онъ принудилъ ребенка укрыться,
Солнце старательно свѣтитъ, цвѣты озаряя,
Сами цвѣты, чуть успѣли поутру раскрыться,
Каждый, что личико, блещутъ подъ ласкою мая!

—

Лучше-же всѣхъ ихъ—ты, чуткое сердце людское,
Что отозваться на эту картинку пригодно,
Можешь подмѣтить ее, отличить сквозь пустое,
Скучное шествіе жизни и можешь свободно,
Въ шествіи времени выбравъ одно лишь мгновенье,
Силою творчества сдѣлать мгновенье безсмертнымъ,
Въ правдѣ искусства повѣдавъ, что жизнь—не лишенье
Счастья и цвѣта, что радость возможна и смертнымъ!

ОБЛИКЪ ПѢСНИ.

Ты запой, ребенокъ милый,
Пѣсню... Какъ ея слова?
Ту, что, помнишь, мать пѣвала,
Какъ была она жива.

Я той пѣсни, славной пѣсни,
Забываю складъ и ладъ,
Ты-же всю, малютка помнишь...
Пой, дитя, я слушать радъ.

Пой, а я по синимъ глазкамъ
И по голосу—начну
Вспоминать, сзывать и строить
Золотую старину...

Пусть звучитъ, плыветъ и блещетъ
Изъ-за слезъ моихъ очей
По тебѣ, мой сиротинка,
Обликъ матери твоей.

ПАМЯТИ РЕБЕНКА.

Ты ребенка въ слезахъ схоронила!
Все считаешь своимъ, какъ онъ былъ!
Ты бъ могилку въ себя пріютила,
Чтобъ и мертвый съ тобою онъ жилъ.

—

Всю ее насаждаешь цвѣтами,
Орошаешь горячей слезой;
А уйдешь, такъ уносишь съ мечтами
Память мальчика всюду съ собой!

—

Ты его самого такъ носила,
Раньше, прежде... И началъ онъ жить...
Жилъ такъ мало... И ты схоронила,
Но не можешь вполнѣ схоронить!

—

И беретъ меня грусть и сомнѣнье,
И понять не могу: гдѣ у васъ,

Мать и сынъ—происходитъ общенье,
Незамѣтное вовсе для глазъ?

—

Какъ могли вы такъ искренно сжиться,
Такъ сплотиться въ одно существо,
Что любви той ни гаснуть, ни скрыться,
И что мало ей—смерть одного...

* * *

Когда, дитя, передо мной
Съ игрушкой новой ты играешь
И, мысли слѣдуя живой,
Ее внимательно ломаешь;

Когда смѣешься—и блеститъ
Жемчужный рядъ зубовъ молочныхъ,
И мысль пытливая сквозитъ
Въ словахъ неясныхъ и неточныхъ;

Когда, покинувши дѣтей,
И бросивъ куклу,—ручкой бѣлой
Ты водишь по щекѣ моей,
Давно сухой и пожелтѣлой...

О, какъ-же страшно мнѣ порой,
Съ моей мечтой глубоко хмурой,
Прильнуть горячей головой
Къ твоей головкѣ бѣлокурой!

Боюсь за взглядъ угрюмый мой!
Его на всѣхъ я поднимаю,
На всѣхъ, дитя... Передъ тобой—
Въ безмолвномъ страхѣ опускаю...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА.

Ты засни, засни, моя милая,
Дай подушечку покачаю я,
Я головушку поддержу твою
И тебя, дитя, убаюкаю.

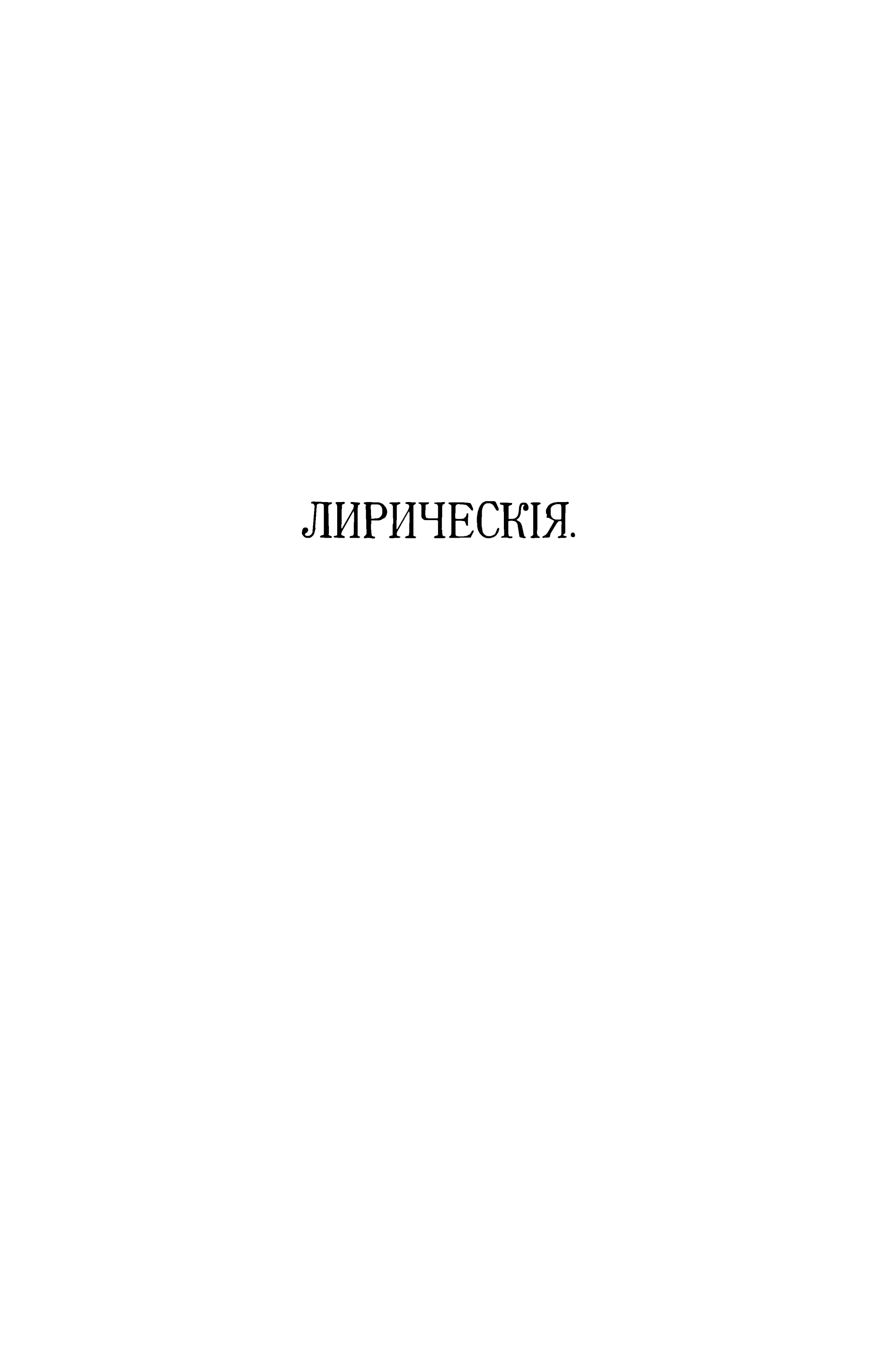
Тихій дѣтскій сонъ, ты-прійди, сойди,
Наклонися къ ней, не давя груди,
Не цѣлуй до слезъ, не пугай дитя,—
Учи ласкою, вразумляй шутя.

Жизнь учить начнетъ, противъ воли гнетъ,
Вразумитъ тогда, какъ всего сомнетъ.
Зацѣлуетъ въ смерть, заласкаетъ въ бредъ
И, позвавъ цвѣсти, не допуститъ въ цвѣтъ...

Ночь темна, молчитъ, смотритъ букою?!
Хорошо-ли я такъ баюкаю?
Сонъ спасительный, сонъ голубчикъ мой,
Поскорѣй отца отъ дитяти скрой!..

НЕ МОЖЕТЪ БЫТЬ.

О, неужели онъ, онъ—этотъ скарбъ и хламъ
Надеждъ, по счастью для людей, отжившихъ,
Больныхъ страстей, такъ страшно говорившихъ,
Силъ устремлявшихся къ позорнѣйшимъ дѣламъ,--
Вотъ этотъ человѣкъ,—такимъ-же былъ когда-то.
Какъ этотъ сынъ его, прелестное дитя,
Въ которомъ грезами невѣдѣнья объято
Сознанье теплится, играя и блестя!
Въ которомъ поступь, взглядъ, малѣйшія движенья
Полны такой простой, изящной красоты!
Въ умѣ котораго всѣ мысли, всѣ мечты—
Одни лишь свѣтлыя, счастливыя видѣнья,
А чувства—отпрыски тепла и тишины
Какой-то внутренней, чудеснѣйшей весны!—
Дитя, что молится такъ искренно, такъ свято,
И говоритъ съ людьми отъ третьяго лица...
О, чтобъ отецъ такимъ-же былъ когда-то!..
Ищите вы ему не этого отца...

ЛИРИЧЕСКІЯ.

* * *

Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченія,
Дай мнѣ надеждъ зоревые огни,
Дай моей юности свѣтлаго генія,
Дай мнѣ былые мятежные дни.

Дай мнѣ опять ошибаться дорогами,
Видѣть ихъ страхи вдали предъ собой,
Дай мнѣ надеждъ невозможныхъ чертогами
Скрашивать жизни обыденный строй;

Дай мнѣ восторговъ любви съ ихъ обманами,
Дай мнѣ безумья желаній живыхъ,
Дай мнѣ погаснувшихъ сновъ съ ихъ туманами,
Думъ животворныхъ и грезъ золотыхъ;

Дай—и возьми всю увѣренность знанія,
Всю эту нòшу убитыхъ страстей,
Эту обдуманность словъ и дѣянія
Въ мѣрномъ теченьи и въ знаньи людей.

Все ты возьми, въ чемъ не знаю сомнѣнія,
Въ правдѣ моей—разувѣрь, обмани,—
Дай мнѣ минувшихъ годовъ увлеченія,
Дай мнѣ былые, мятежные дни!..

* * *

О, не брани за то, что я безцѣльно жилъ,
Ошибки юности не всѣ за мною числи,
За то, что сердцемъ я мѣшать уму любилъ,
А сердцу жить мѣшалъ суровой правдой мысли.

За то, что самъ я, самъ нерѣдко разрушалъ
Тѣ очаги любви, что въ холодъ согрѣвали,
Что сфинксовъ правды я, безумецъ, вопрошалъ,
Считалъ отвѣтами, когда они молчали.

За то, что я блуждалъ по храмамъ всѣхъ боговъ
И самъ осмѣивалъ былыя поклоненья,
Что, думавъ облегчить тяжелый гнетъ оковъ,
Я часто новыя приковывалъ къ нимъ звенья.

О, не брани за то, что поздно сознаю
Всю правду лживости былыхъ очарованій
И что, на склонѣ дней, спокойный я стою
На тихомъ кладбищѣ надеждъ и начинаній.

И все-таки я правъ, тысячекратно правъ!
Природа—за меня, она—мое прощенье;
Я лгалъ, какъ лжетъ она, и жизнь и смерть признавъ,
Безсильна примирить любовь и озлобленье.

Да, я глубоко правъ,—такъ, какъ права волна,
И камень и себя о камень разрушая:
Всѣ—подневольныя, всѣ—въ грезахъ полусна,
Судебъ невѣдомыхъ велѣнья совершая.

* * *

Часъ почи! Погасли по окнамъ огни,
Одни за другими исчезли они,
Исчезли какъ души умершихъ людей...
Судьбы наши сходны съ судьбами огней!
Замолкли на улицѣ говоръ и гулъ,
И кажется, будто весь городъ уснулъ.
Волненьемъ минувшаго дня утомленъ,
Измаянъ... Не умеръ-ли также и онъ?

Какое мученье! Ни яви, ни сна!
Заря золотая—о, гдѣ-же она!..
А въ сердцѣ тревожномъ шумнѣй и шумнѣй,
Все больше и больше какихъ-то гостей;
Тѣ гости незваные—думы да сны,
Такъ ярко одѣты, такъ жизни полны,
Такъ шумно ликуютъ, такъ радуютъ глазъ...

О, Господи! Въ этотъ предутренній часъ
Ты въ сердцѣ горящемъ огни погаси,
Виновную совѣсть Ты Самъ допроси,
Ты Самъ оправданіе ей усмотри,
Дай тьмы непроглядной, чтобъ мнѣ до зари
Свѣтилъ, вмѣсто этихъ тревожныхъ огней,
Огонь одинокой лампады Твоей!

ПОСЛѢДНЯЯ СЛЕЗА.

Зачѣмъ, зачѣмъ тебѣ такъ рано разбивать.
Живые сны души, святую ложь надежды?
Наступитъ быстро срокъ, міръ будетъ самъ срывать
Одну вслѣдъ за другой роскошныя одежды.

—

Умъ самъ заговоритъ, когда пора придетъ!
Съ развитіемъ его не кровь, но чувство, стынетъ,
Сомнѣнье скажется, свой первый камень кинетъ,
Послѣдняя слеза мучительно скользнетъ!

—

Невольно гибнутъ въ насъ съ успѣхами сознанья
Порывы яркихъ чувствъ, и не укроешь ты
Въ груди ни одного счастливаго желанья
И ни одной обманщицы-мечты....

—

Тогда-то холодомъ и правдой умозрѣній
Ты будешь силиться напрасно возсоздать

Картины яркія прошедшихъ вдохновеній
И волшебствò мечты, и сердца благодать!

—

Ты скажешь въ трудный часъ, когда пора настанетъ:
«Видѣнья и мечты, какъ могъ я васъ разбить?!»
Въ тебѣ проснется желчь, терпѣнія не станетъ...
Но слезы не придутъ свѣтить и освѣжить!

* * *

Не трогаютъ меня: ни блескъ обычный дня,
Ни слезы неудачъ, ни шумъ успѣховъ разныхъ—
Равно мнѣ чуждые—не трогаютъ меня!
Но если предъ лицомъ обмановъ безобразныхъ
Вдругъ честность верхъ возьметъ, осилитъ доброта,
И рухнутъ козни зла въ ихъ нападеньи дружномъ,
Или себя въ конецъ измаетъ суета,
Обманутся мечты лукавства и въ ненужномъ
Слѣпомъ стремленіи насилье надорветъ
Свою увѣренность—мнѣ кажется, что гдѣ-то,
Изъ неизвѣстнаго и чуждаго намъ свѣта,
Какой-то голосъ пѣсню мнѣ поетъ...
И пѣснѣ той во-слѣдъ глядишь духовнымъ окомъ
Въ невѣдомую даль невѣдомой страны,
Гдѣ воздыханій нѣтъ о близкомъ, о далекомъ,
Въ которой всѣ добры, всѣ искренно честны—
И вѣрится тогда, что можно, безъ сомнѣнья,
И въ этой жизни, здѣсь, хоть въ блескѣ отраженья,
Хоть только въ чаяньи—найти на краткій срокъ
Забвенья тихаго завѣтный уголокъ.

НА ЧУЖБИНѢ.

Ночь, блеска полная... Заснувшіе пруды
Въ листахъ кувшинчиковъ и въ зелени осоки
Лежатъ какъ зеркалà, безмолвствуя цвѣтутъ
И пахнутъ сыростью, и кажутся глубоки.

И тотъ-же яркихъ звѣздъ рисунокъ въ небесахъ,
Что мнѣ на родинѣ являлся въ дни былые;
Уснули табуны на скошенныхъ лугахъ,
И блещутъ здѣсь и тамъ огни сторожевые.

Ударилъ гдѣ-то часъ. Полночный этотъ бой,
Протяжный, медленный,—онъ, какъ двойникъ, походитъ
На тотъ знакомый мнѣ привѣтный бой часовъ,
Что съ церкви и теперь въ деревню нашу сходитъ.

Привѣтъ вамъ, милыя картины прежнихъ лѣтъ!
Добро пожаловать! Васъ жизнь не измѣнила;
Вы тѣ-же и теперь, что и на утрѣ дней,
Когда мнѣ родина васъ въ душу заронила

И будто думала: когда-нибудь въ свой срокъ
Тебя, мой сынъ, судьба надолго въ даль потянетъ,
Тогда онѣ тебя любовно посѣтятъ,
И радъ ты будешь имъ, какъ скорбный часъ настанетъ.

Да, родина моя! Ты мнѣ не солгала̀!
О, отчего всегда такъ въ жизни правды много,
Когда сама судьба является вершить,
А воля личная—становится убога!

Привѣтъ вамъ, милыя картины прежнихъ лѣтъ!
Какъ много, много въ васъ великаго значенья!
Во всемъ—печаль, разладъ, насилье и тоска,
И только въ васъ однихъ покой и единенье...

Покоя ищетъ мысль, покоя жаждетъ грудь,
Вселенная сама найти покой готова!
Но, гдѣ-же есть покой? Тамъ, гдѣ законченъ путь:
Въ законченномъ быломъ и въ памяти былого.

ЧАСЫ СЪ КУРАНТАМИ.

Старинные часы прабабушки забытой,
Съ гудящимъ столбикомъ тройныхъ колоколовъ, —
Какъ проченъ и хорошъ вашъ механизмъ открытый
И стукъ размѣренный, и тихій ходъ валовъ!

Какъ истый домосѣдъ, лѣтъ сто не измѣняли
Вы мѣсту вашему, свой уголокъ занявъ,
И васъ до сей поры, кочуя, не таскали
Тревожа вашу грудь и раздражая нравъ.

Звонили вы въ тѣ дни, когда Екатерина
Великою душой отъ міра отошла;
Сыгравъ для матери, сыграли и для сына
Все ту-же пѣсенку свою, колокола!

Звонили вы зимой двѣнадцатаго года;
Въ года холерные, въ года другихъ смертей;
Въ годъ Севастополя и въ добрый для народа
День девятнадцатый въ одномъ изъ февралей.

Звонили вы въ часы утратъ, скорбей семейныхъ,
Семейныхъ радостей... и въ долгій рядъ годовъ,
Въ завѣтный срокъ молитвъ благоговѣйныхъ
Умѣвшихъ лучше насъ молиться стариковъ.

И будете звонить, какъ прежде, въ годъ изъ года
Все тѣ-же пѣсенки недлинныя свои...
О, еслибъ только знать: въ какихъ судьбахъ народа,
Въ какихъ судьбахъ моей взрастающей семьи?!

БАНДУРИСТЪ.

На Украйнѣ жилъ когда-то,
Тѣломъ бодръ и сердцемъ чистъ,
Жилъ старикъ, слѣпецъ маститый,
Сѣдовласый бандуристъ.

Въ черной шапкѣ, въ сѣрой свиткѣ
И съ бандурой на ремнѣ,
Много лѣтъ ходилъ онъ въ людяхъ
По родимой сторонѣ.

Жемчугъ—слово, чудо—пѣсни
Сыпалъ вѣщій съ языка.
Ныли струны на бандурѣ
Подъ рукою старика.

Много онъ улыбокъ ясныхъ,
Много вызвать слезъ умѣлъ,
И, что птица Божья, пѣсни
Гдѣ присѣлось—тамъ и пѣлъ.

Онъ на пѣсню душу отдалъ,
Пѣсней тѣло прокормилъ;
Родился онъ безъимяннымъ,
Безъимяннымъ опочилъ...

Мертвъ казакъ! Но пѣсни живы;
Всѣ ихъ знаютъ, всѣ поютъ!
Ихъ знакомыя созвучья
Сами такъ-вотъ къ сердцу льнутъ!

Къ темной ночкѣ засыпая,
Дѣти, будущій народъ,
Слышатъ, какъ онъ издалёка
Въ пѣснѣ матери поетъ...

РАЗБИТАЯ ШКУНА.

Такъ далеко отъ колыбели
И отъ родимыхъ береговъ,
Лежитъ она, какъ на постели,
Въ скалахъ, пугая рыбаковъ.

Чужіе вихри обвѣваютъ,
Чужія волны пѣснь поютъ,
Въ морскую зелень одѣваютъ
И въ грудь надломленную льютъ.

И на кормѣ ея размытой,
Какъ глазъ открытый, неживой,
Глядитъ съ доски полуразбитой
Какихъ-то буквъ неполный строй...

Да, если ты, людей творенье,
Подобно людямъ прожила,—
Тебя на жертву, на крушенье,
На злую смерть любовь вела.

Твой кормчій самъ, своей рукою
Тебя на гибель велъ впередъ:
Одинъ, безмолвный, надъ кормою
Всю ночь сидѣлъ онъ напролетъ...

Забывъ о румбахъ и компасѣ,
Руля не слыша подъ рукой,
Онъ о далекомъ думалъ часѣ,
Когда судьба вернетъ домой!

Вперивъ глаза на звѣзды ночи,
За шумомъ думъ не слыша струй,
Онъ на любовь держалъ, на очи,
На милый ликъ, на поцѣлуй...

* * *

Нашъ умъ порой, что̀ поле послѣ боя,
Когда раздастся ясный звукъ отбоя:
Уходятъ сомкнутые убылью ряды,
Повсюду видятся кровавые слѣды,
Въ травѣ помятой лезвія мелькаютъ,
Здѣсь груды мертвыхъ, эти умираютъ,
Идетъ, прислушиваясь къ звукамъ, санитаръ,
Даетъ священникъ людямъ отпущенья—
Слоится дымъ послѣдняго кажденья...
А птичка Божія, являя цѣнный даръ,
Чудесный даръ живого пѣснопѣнья,
Присѣвъ на острый штыкъ, омоченный въ крови,
Поетъ, счастливая, о мирѣ и любви...

* * *

Въ немолчномъ говорѣ природы,
Среди луговъ, полей, лѣсовъ,
Есть звуки рабства и свободы
Въ великомъ хорѣ голосовъ...

Коронки всѣхъ Иванъ-да-Марій,
Вероникъ, кашекъ и гвоздикъ
Идутъ въ стога, въ большой гербарій,—
Утративъ каждая свой ликъ!

Нерѣдко видны на покосахъ,
Вблизи усталыхъ косарей—
Сидятъ на грабляхъ и на косахъ
Пѣвцы воздушные полей.

Поютъ о чудныхъ грезахъ мая,
О счастьи, о любви живой,
Поютъ, совсѣмъ не замѣчая
Орудій смерти подъ собой!

* * *

Вдоль безконечнаго луга—
Два, три роскошныхъ цвѣтка,
Выросли выше всѣхъ братьевъ,
Смотрятъ на лугъ свысока:

Солнце палитъ ихъ сильнѣе,
Вѣтеръ упорнѣе гнетъ,
Падать придется имъ глубже,
Если коса подсѣчетъ...

Въ сердцѣ людскомъ чувствъ не мало...
Два, или три между нихъ
Издавна, крѣпко внѣдрились,
Стали вѣтвистѣй другихъ!

Легче всего ихъ обидѣть,
Ихъ не задѣть—мудрено!
Если ихъ вздумаютъ вырвать—
Вырвутъ и жизнь заодно...

КАРІАТИДЫ.

Между оконъ высокаго дома,
Съ выраженьемъ тоски и обиды,
Стерегутъ парчевыя хоромы
Ожерельемъ кругомъ карьятиды.
Напряглись ихъ могучія руки,
Къ нимъ на плечи оперлись колонны;
Въ лицахъ ихъ — выраженіе муки,
Въ грудяхъ ихъ — поглощенные стоны.
Но не гнутся тѣ крѣпкія груди,
Карьятиды позоръ свой выносятъ;
И — людьми сотворенные люди —
Никого ни о чемъ не попросятъ...
Идутъ годы — тяжелые годы,
Та-же тяжесть имъ давитъ на плечи;
Но не шлютъ онѣ дерзкія рѣчи
И не вторятъ рѣчамъ непогоды.
Пропечетъ-ли жаръ солнца ихъ кости,
Проберетъ-ли ихъ осень вѣтрами,

Иль морозъ назовется къ нимъ въ гости
И посыплетъ ихъ плечи снѣгами,
Одинаково твердо и смѣло
Карьятиды позоръ свой выносятъ
И — вступиться за правое дѣло
Никого никогда не попросятъ...

НА МОТИВЪ МИКЕЛЬ-АНЖЕЛО.

О, ночь! Закрой меня, когда—совсѣмъ усталый—
Кончаю я свой день. Кругомъ совсѣмъ темно;
И этой темнотой какъ-будто сняты стѣны:
Тюрьма и міръ сливаются въ одно.

И я могу уйти! Но не хочу свободы:
Я знаю цѣну ей, я счастья не хочу!
Боюсь пугать себя знакомымъ звукомъ цѣпи,—
Припавъ къ углу, я, какъ и цѣпь, молчу...

Возьми меня, о, ночь! Чтобъ ничего ни видѣть,
Ни чувствовать, ни знать, ни слышать я не могъ,
Чтобъ зарожденья чувствъ и проблеска сознанья
Я какъ-нибудь въ себѣ не подстерегъ...

МИѲЪ.

И летитъ, и клубится холодный туманъ,
Проскользая межъ сосенъ и скалъ;
И встревоженный лѣсъ, какъ великій органъ,
На скрипящихъ корняхъ заигралъ...

Отвѣчаетъ гора голосамъ облаковъ,
Каждый камень становится живъ...
Неподвиженъ одинъ только — старецъ вѣковъ —
Въ той горѣ схоронившійся Миѳъ.

Онъ въ кольчугѣ сидитъ, волосами обросъ,
Онъ отъ солнца въ ту гору бѣжалъ—
И желаетъ, и ждетъ, чтобы прежній хаосъ
На землѣ, какъ бывало, насталъ...

НА ПЛОТИНѢ.

Какъ сочится вода сквозь прогнившихъ поставъ,
У плотины бока размываетъ,
Такъ изъ сердца людей, тишины не сыскавъ,
Убываетъ душа, убываетъ...

Надвигается вкругъ отъ сырыхъ береговъ
Поросль вязкая моха и тины!
Не пѣвать соловьямъ, гдѣ тутъ ждать соловьевъ
На туманахъ плывучей трясины!

Боръ погнилъ... Онъ не будетъ себя отражать,
Жить вдвойнѣ... А зима наступаетъ!
И промерзнетъ вода, не успѣвъ убѣжать,
Вся, насквозь... и уже замерзаетъ!..

* * *

Мнѣ грезились сны золотые!
Проснулся—и жизнь увидалъ...
И мрачнымъ мнѣ міръ показался,
Какъ-будто онъ траурнымъ сталъ.

Мнѣ видѣлся сонъ нехорошій!
Проснулся... на міръ поглядѣлъ:
Задумчивъ и въ трауръ окутанъ
Міръ больше чѣмъ прежде темнѣлъ.

И думалось мнѣ: отчего-бы,—
Въ насъ, въ людяхъ, разсудокъ силенъ,—
На сны не взглянуть, какъ на правду,
На жизнь не взглянуть, какъ на сонъ!

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

И мнится мнѣ: иду дорожкой сада,
Мнѣ не тяжелъ обычный полдня жаръ;
Иду нетвердо, опираться надо,
И садъ не тотъ, и самъ я слабъ и старъ,
И одинокъ... Семья, что домъ мой оживляла,
Какъ лугъ цвѣты, давно ужъ подросла,
Меньшая дочь давно большою, взрослой стала;
Всѣ разбрелись изъ отчаго дупла.
Въ могилахъ спятъ Остапы, Марьи, Гришки,
Что день и ночь толкались по дворамъ...
Въ моихъ колѣнахъ дрожь, мнѣ тяжко отъ одышки,
Туманъ какой-то лѣпится къ глазамъ.
Изъ-подъ бровей, на лбу моемъ нависшихъ,
Темнѣй чѣмъ прежде кажетъ небосклонъ;
Мелькаютъ въ мысляхъ сотни лицъ почившихъ...
О, какъ ты крутъ, горы знакомой склонъ!
Какъ далеко мнѣ кажется до дома,
Хочу присѣсть, едва-едва иду;
Была скамья тутъ... какъ была знакома!

Иль нѣтъ ея? Быть-можетъ, не найду?
Я помню—тутъ у нашего сосѣда
Сзывалъ рабочихъ колокола звонъ;
Я помню часъ семейнаго обѣда,
Мы шли къ столу, неслись со всѣхъ сторонъ;
Былъ длиненъ столъ, всѣ дружно возсѣдали,
Всѣ ѣли всласть—здоровымъ все равно;
Какъ было шумно, какъ мы хохотали...
Гдѣ этотъ смѣхъ? Веселье—гдѣ оно?
Здоровье гдѣ? О, какъ-же я тоскую!
Мнѣ много лѣтъ... Я старъ сталъ... Я дрожу...
Чу, колоколъ! Проснулся я—гляжу:
Кругомъ семья?! Я всѣхъ ихъ расцѣлую!

ОСТРАЯ МОГИЛА.

Холмъ, острый холмъ! Быстролетный песокъ,
Что ты стоишь подъ крестомъ одинокъ?

Подлѣ холмы изъ такихъ-же песковъ,
Только не видно надъ ними крестовъ!

А кипарисы твои—чернобылъ!
Тѣни Богъ далъ—будяковъ насадилъ!

Охъ! Для чего-то ты, холмъ, выросталъ?..
Мѣсто въ себѣ человѣку ты далъ...

Былъ, какъ другіе холмы, ты холмомъ,
Сталъ ты могилою—сталъ алтаремъ!

И, понятны душѣ, но незримы очамъ,
Думы вьются съ тебя и плывутъ къ небесамъ...

Ты съ открытымъ лицомъ смѣло въ небо глядишь,
И какъ-будто бы такъ изъ себя говоришь:

Не великъ, кто великъ, а великъ, кто умретъ!
Въ маломъ тѣлѣ своемъ вѣчный сонъ онъ несетъ.

Для болѣвшихъ умомъ, для страдавшихъ душой
Приготовленъ давно необъятный покой...

Кто бы ни были вы, и куда бы ни шли,
Всѣхъ васъ приметъ въ себя грудь молчащей земли!

Чѣмъ печали сильнѣй, чѣмъ страданья острѣй,
Тѣмъ покой необъятный вамъ будетъ милѣй!..

Вы, кого отъ рѣшеній злой воли не могъ
Ни законъ отвратить, ни помиловать Богъ;

Тьмы ненужныхъ, больныхъ, неудачныхъ людей,
Тьмы натруженныхъ силъ, распаленныхъ страстей;

Легіоны обманутыхъ всѣхъ величинъ,
Жертвы признанныхъ правъ, жертвы скрытыхъ причинъ,

Жертвы зла и добра и несбывшихся сновъ...
Всѣмъ вамъ вѣчный покой отъ рожденья готовъ!..

Никому не дано такъ, какъ людямъ, страдать,
Оттого никому такъ глубоко не спать!

Оттого-то и холмъ, бывшій только холмомъ,
Ставъ могилой—становится вдругъ алтаремъ!..

И, понятны душѣ, но незримы очамъ,
Вьются думы съ него и плывутъ къ небесамъ...

КАРѲАГЕНЪ.

Не въ праздничные дни въ честь славнаго былого,
Не въ честь Творца небесъ, или кого другого,
Сіяетъ роскошью, въ конецъ разубрана̀,
Въ великомъ торжествѣ прибрежная страна.
Отъ ранняго утра, проснувшись съ пѣтухами,
Весь городъ на ногахъ. Онъ всѣми алтарями,
Зажженными съ зарей, клубится и дымитъ,
И въ переливахъ струнъ, и въ треляхъ флейтъ звучитъ.
Отъ храмовъ, съ ихъ колоннъ, обвѣшанныхъ цвѣтами,
Струится свѣжестью; надъ всѣми площадями,
Въ вѣнкахъ, блистающихъ лавровою листвой,
Рядъ бронзовыхъ фигуръ темнѣетъ надъ толпой.
По главному пути, гдѣ высятся гробницы,
Однѣ во слѣдъ другимъ грохочутъ колесницы;
Съ нихъ шкуры львиныя блистаютъ желтизной
И поднимаютъ пыль, влачась по мостовой.
Цвѣтъ жизни, молодость собою воплощая,
Проходятъ дѣвушки, листами пальмъ махая;
Всѣ въ пурпурѣ, ряды старѣйшинъ вдоль трибунъ
Сидятъ въ дыму огней и въ рокотаньи струнъ;

Въ безмолвной гавани товаровъ не таскаютъ;
Нѣтъ свадьбъ по городу; суды не засѣдаютъ;
Не жгутъ покойниковъ... Всѣ, всѣ молчатъ дѣла,
Вся жизнь на торжество великое пошла...

Честь побѣдителю! Исполнено призванье!
Ему весь этотъ блескъ и жизни замиранье,
И пламя алтарей, и мягкій звукъ струны,
Терпѣнье мертваго, вѣнчанье старины,
И ликованія всѣхъ бѣдныхъ и богатыхъ...
Ему тріумфы дня, ему развратъ ночной,
Гдѣ яркій пурпуръ тогъ, смѣшавшись съ бѣлизной
Одеждъ дѣвическихъ, разорванныхъ, помятыхъ,
Спадетъ съ широкихъ ложъ на мягкіе ковры...
Ему струи вина, ему азартъ игры...

И только два лица въ народѣ томъ молчали,
Во имя истинной и сознанной печали:
И были эти два—философъ и поэтъ...
Они одни изъ всѣхъ молчали! Сотни лѣтъ
Прошли съ техъ давнихъ поръ. И нынче тамъ въ огромныхъ
Развалинахъ—шакалъ гнѣздится въ щеляхъ темныхъ,
И правдою вѣковъ, великой степи въ тонъ,
Наложенъ царственно несокрушимый сонъ...

На сторону тѣхъ двухъ, которые молчали,
Все перешло молчать! И изъ безмолвной дали
Степей, явилась смерть съ песками заодно—
Случилось то, что имъ казалось—быть должно!

НОЧЬ И ДЕНЬ.

Ночь зарождается здѣсь, на землѣ, между нами...
Въ щеляхъ и темныхъ углахъ, чуя солнце, таится;
Глянуть не смѣетъ враждебными свѣту очами!
Только-что время наступитъ, чтобъ ей пробудиться—
Быстро ползутъ, проявляясь вездѣ, ея тѣни,
Ищутъ другъ дружку, безшумно своихъ нагоняютъ,
Слившись въ великую тьму, на небесныя сѣни
Молча стремятся и ихъ широко наводняютъ...
Только не гасятъ онѣ яркихъ звѣздъ, ихъ сіяній!
Звѣзды—слѣды свѣтовые минувшаго дня,
Искрятся памятью прежнихъ, хорошихъ дѣяній,
День загорится отъ ихъ міроваго огня.

День опускается съ неба. Глубокою тьмою,
Въ сырость и холодъ чуть видными входитъ лучами;
Первымъ изъ нихъ погибать!—Имъ не спорить съ судьбою...
Но, чѣмъ свѣтлѣе, тѣмъ больше ихъ бьется съ тѣнями;
Шествуетъ день, онъ на дальнемъ востокѣ зажегся!

Солнца лучи полны жизни, стремленья и красокъ,
Каждый на смерть за великое дѣло обрекся!
Воины неба, малютки безъ броней и касокъ,
Мчатся и гонятъ лѣнивыя тѣни повсюду,
И воцаряется день и его красота...
И озаряетъ погибшаго за ночь Іуду,
И, по дорогѣ къ селу Эммаусу, — Христа!

* * *

Когда-то въ насъ души на многое хватало...
Чуть успокоится—стремленій новыхъ шквалъ,
Блистая молніей, всю душу разжигалъ;
Сознанье гордое въ ней силы умножало,
И раньше, чѣмъ ее слой пепла покрывалъ,
Другое пламя вновь по всей душѣ играло!..

—

Теперь совсѣмъ не то: золы глубокій слой
Лежитъ какъ-бы покровъ надъ робкою душой,
И мнится, надобны всѣ вихри преисподней,
Огни мучительные страшнаго суда,
Чтобы призвать ее стать лучше, благороднѣй,
А нѣтъ—такъ сгинуть навсегда.

* * *

Въ душѣ шелъ свѣтлый пиръ. Въ одеждахъ золотыхъ
Виднѣлись на пиру: желанья, грезы, ласки;
Струился разговоръ, слагался звучный стихъ,
И пѣнился бокалъ, и сочинялись сказки.

—

Когда спускалась ночь, на пиръ являлся сонъ,
Туманились огни, видѣнья налетали,
И сладкій шопотъ шелъ, и несся тихій звонъ
Изъ очень свѣтлыхъ странъ, и изъ далекой дали...

—

Теперь совсѣмъ не то. Подъ складками одеждъ,
Не двигая ничуть своихъ погасшихъ ликовъ,
Виднѣются въ душѣ лишь остовы надеждъ!
Нѣтъ пѣсенъ, смѣха нѣтъ и нѣтъ заздравныхъ кликовъ

—

А дремлющій чертогъ по всѣмъ частямъ сквозитъ
И только кое-гдѣ, подъ тяжкимъ слоемъ пыли,
Свѣтильникъ тлѣющій дымится и коптитъ
Прося, чтобъ и его скорѣе погасили...

МОЛОДЕЖИ.

И что-жъ?! давно-ль мы въ жизнь вступали
И безупречны, и честны;
Трудились, ждали, создавали,
А повстрѣчали — только сны.

Мы отошли, — и вслѣдъ за нами
Вы тоже рветесь въ жизнь вступить,
Чтобъ нами брошенными снами
Свой жаръ и чувства утолить.

И эти сны, въ часы мечтанья,
Дадутъ, пока въ васъ кровь тепла,
На ваши раннія лобзанья
Свои покорныя тѣла...

Обманутъ васъ! Мы ихъ простили
И вѣримъ повѣсти волхвовъ:
Волхвы давно оповѣстили,
Что міръ составился изъ сновъ!

*
* *

Шли путемъ невѣдомымъ...
Шли тропинкой скрытою,
Богъ вѣсть кѣмъ проложенной
И почти забытою!..

Въ сердцѣ человѣческомъ
Есть обѣтованныя
Тропочки закрытыя,
Вовсе безымянныя!

Подъ вѣтвями темными
Издавна проложены,
Безъ пути протоптаны,
Безъ толку размножены...

И по нимъ то крадутся
По глубокой темени,

Чувства непонятныя
Безъ роду, безъ племени...

Чувства безымянныя,
Сироты бездомныя,
Робкія, пугливыя,
Иногда нескромныя...

* * *

По небу быстро поднимаясь,
Навстрѣчу мчась одна къ другой,
Двѣ тучи, медленно свиваясь,
Готовы ринуться на бой!

—

Темны́, какъ участь близкой брани,
Небесныхъ ратниковъ полки,
Подъяты по̀-вѣтру ихъ длани
И рѣжутъ воздухъ шишаки!

—

Сквозятъ ихъ мрачныя забрала
Отъ блеска пламенныхъ очей...
Какъ-будто въ небѣ мѣста мало
И разойтись въ немъ нѣтъ путей?

ПОДЛѢ СЕЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ.

Свѣвая пыль съ цвѣтовъ раскрытыхъ,
Семья полуночныхъ вѣтрòвъ,
Несетъ въ пылинкахъ, тьмой повитыхъ,
Разсаду будущихъ цвѣтовъ!

—

Въ работѣ робкой и безмолвной,
Людскому глазу не видна,
Жизнь сыплетъ всюду горстью полной
Свои живыя сѣмена!

—

Теряясь въ каменныхъ наростахъ
Гробницъ, дряхлѣющихъ въ гербахъ,
Онѣ плодятся на погостахъ
И у крестовъ, и на крестахъ.

—

Кругомъ цвѣты!.. Цвѣтамъ нѣтъ счета!
И, мнится, сквозь движенья ихъ

Стремятся къ свѣту изъ-подъ гнета
Былыя силы душъ людскихъ.

—

Онѣ идутъ свои печали
На вешнемъ солнцѣ освѣтить,
Мечтать, о чемъ не домечтали,
Любить, какъ думали любить...

КАМАРИНСКАЯ.

Изъ домовъ умалишенныхъ, изъ больницъ
Выходили души опочившихъ лицъ;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, какъ-будто-бы готовились плясать.

«Ручку въ ручку дай, а плечико къ плечу...
«Не вернуться-ли намъ жить?»—«Ой, не хочу!
«Изъ покойничковъ въ живые намъ не лѣзть,—
«Знаемъ, видимъ—лучше смерть какъ ни на есть!»

Ахъ! Одно-же сердце у людей, одно!
Истомилося, измаялось оно;
Столько горя, нужды, столько лжи кругомъ,
Что гуляетъ зло по свѣту ходенемъ.

Дай копеечку, кто можетъ, бѣднякамъ,
Дай копеечку и нищимъ духомъ намъ!

Торопитесь! Будетъ поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Изъ домовъ умалишенныхъ, изъ больницъ
Выходили души опочившихъ лицъ;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, какъ-будто-бы готовились плясать...

СПѢТАЯ ПѢСНЯ.

Пой о ней, голубушка пѣвунья,
Пойте струны, ей въ отвѣтъ звеня!
Улетай, родившаяся пѣсня,
Вслѣдъ за свѣтомъ гаснущаго дня.

Ты лети созданьемъ темной ночи,
Въ полутьмѣ, предшествующей ей,
За послѣднимъ проблескомъ заката,
Впереди стремящихся тѣней...

Можетъ-быть, что между днемъ и ночью,
Не во снѣ, но у предѣловъ сна,
По путямъ молитвъ, идущихъ къ Богу,
Скорбь земли за далью не слышна!

Можетъ быть, что тамъ, далеко, гдѣ-то,
Въ мирный часъ, когда безсонный спитъ,

Гаснетъ память, не влекутъ желанья,
Спитъ любовь и ненависть молчитъ —

Ты найдешь покой неизъяснимый,
Жизни, смерти и себѣ чужда!..
И земля къ своей поблекшей груди
Не сманитъ бѣглянки никогда!..

ПРО СТАРЫЕ ГОДЫ.

Не смѣйся надъ пѣснею старой
Съ напѣвомъ ея немудренымъ,
Служившей завѣтною чарой
Отцамъ нашимъ, нѣжно влюбленнымъ!

Не смѣйся стихамъ мадригаловъ,
Топорщенью фижмъ и манжетовъ,
Вихрамъ боевыхъ генераловъ,
Качавшимся въ ладъ менуэтовъ!

Надъ смысломъ альбомовъ старинныхъ,
Съ пучками волосъ неизвѣстныхъ,
Съ собраніемъ шалостей чинныхъ,
Забавныхъ, но, въ сущности, честныхъ.

Не смѣйся! Тѣ вещи служили,
Томили людей, подстрекали:
Отцы наши жили, любили,
И матери насъ воспитали!

* * *

Гдѣ намъ взять веселыхъ звуковъ,
Какъ съ веселой пѣсней быть?
Грусти дѣдовъ съ грустью внуковъ
Намъ, пока, не разобщить...

Не буди-жъ въ груди желанья
И о счастьи не мечтай, —
Въ вѣчной повѣсти страданья
Новой пѣсни не рождай.

Тѣхъ спроси, а ихъ не мало,
Кто покончилъ самъ съ собой,—
Въ жизни мѣста недостало,
Поискали подъ землей...

Будемъ вѣрить: день тотъ глянетъ,
Ложь великая пройдетъ,
Горю въ мірѣ тѣсно станетъ,
И оно себя убьетъ!

* * *

Охъ! Отвѣтилъ-бы на мечту твою,—
Да не срокъ теперь, не пора!
Загубила жизнь добрыхъ силъ семью,
И измаетъ ночь до утра.

Дай мнѣ ту мечту, мысль счастливую,
Засвѣтившую мнѣ въ пути,
Въ усыпальницу молчаливую
Сердца бѣднаго отнести.

Въ немъ подъ схимами, власяницами
Спятъ всѣ лучшія прежнихъ силъ,
Тѣ, что глянули въ жизнь зарницами
И что мракъ земли погасилъ...

* * *

Съ моею, чисто русской жаждой
Изъ кубка греческой рѣзьбы,
Пью каждымъ чувствомъ, мыслью каждой,
За васъ, сошедшіе въ гробы!

Вамъ счета нѣтъ! Лишь-бы охоты
На поминаньяхъ вашихъ пить!
На то есть цѣлыхъ три субботы,
Чтобъ никого не позабыть.

Увы! Особеннаго тоста
Потомокъ намъ не поднесетъ!
Но въ этотъ тостъ, и это просто,
Мы всѣ проникнемъ въ общій счетъ!

Явившись противъ ожиданья,
На зовъ воспрянувши изъ тьмы,
Мы скажемъ: «Братцы, до свиданья!
Вы такъ-же сгинете, какъ мы!»

---

* * *

Нѣтъ! Слишкомъ ты тѣшишься счастьемъ мгновенья.
И слишкомъ ужъ странно ты съ жизнью въ ладу...
Безумецъ! За правду принявъ исключенья,
Ты веселъ бываешь день каждый въ году.

Счастливецъ, довольный довольствомъ убогихъ,
Подумай: чѣмъ долженъ-бы міръ этотъ быть,
Когда-бы не блага земли для немногихъ,
Не горе для прочихъ, обязанныхъ жить!?

И зависть беретъ, и глубокая злоба!
Міръ держится въ рабствѣ такими, какъ ты,
Довольными жизнью! Но правы мы оба:
Мы, въ разныхъ одеждахъ, но тѣ-же шуты.

Ты въ счастье рядишься, а я въ остальное...
Знать, каждый по вкусу одежду беретъ!
Судьба прибавляетъ къ обоимъ смѣшное,
И въ омутъ толкаетъ, сказавши: «Живетъ!»

---

* * *

Что вамъ въ толковомъ объясненьѣ
Того, какъ началъ онъ хилѣть?
Однимъ ничтожествомъ поменьше—
Ордамъ глупцовъ не поумнѣть!

Повѣрьте: лучше, многимъ лучше,
Что люди скрытны и темны;
Жизнь кажетъ чище и честнѣе
Съ ея молчащей стороны;

И скрытность въ этой пошлой жизни,
Гдѣ все идетъ наоборотъ,
Пожалуй, даже, добродѣтель:
Она щадитъ и мало лжетъ!

ТРИ ГРАЦІИ.

Къ картинѣ.

Вопросъ: какъ ихъ назвать? Не граціи онѣ!
Зови—прелестницы, весталки иль гетеры,
Зови—три душеньки, коль хочешь! Въ ясномъ днѣ
Счастливой Греціи встрѣчалися примѣры

Великихъ промаховъ художниковъ, ей-ей!
Но чтобы грація, въ гиматіонъ одѣта,
Скрывала прелесть формъ отъ солнечнаго свѣта
Отъ любопытствующихъ, жаждущихъ очей—

Такія странности едва-ли тамъ случались...
Художникъ имя тутъ картинѣ далъ спроста.
Но суть не въ имени! Въ живыхъ чертахъ сказались
Таинственныхъ сестеръ и мощь, и красота!

И правы тѣ цвѣты, что подлѣ нихъ упали,
Правъ дымъ курильницы, свѣваясь къ ихъ стопамъ!
Къ безсмертной красотѣ всѣ въ мірѣ припадали,
Такъ отчего-жъ, скажи, къ ней не припасть и намъ?

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

I.

Спокоенъ умъ... Въ груди волненье...
О, еслибъ только не оно—
Нашла-бы жизнь успокоенье,
Свершивши то, что быть должно...

—

Но нѣтъ! Строй духа безнадежный,
Еще храня остатки струнъ,
Даетъ на голосъ откликъ нѣжный,
И дико мечется бурунъ

—

Живыхъ надеждъ и ожиданій
Въ ущелья темныхъ береговъ,
Несовершившихся желаній
И неисполнившихся сновъ...

—

И мнится: кто-то призываетъ
Вернуться вновь въ число живыхъ,
Тревожитъ, грѣетъ, обѣщаетъ...
Но голосъ тотъ зоветъ другихъ!

—

Обманетъ ихъ... Обниметъ степью
И ночью, также какъ меня,
На зло, въ упрекъ великолѣпью
Едва замѣченнаго дня!

II.

И вернулся я къ нимъ послѣ долгихъ годовъ,
И они всѣ такъ рады мнѣ были!
И о чемъ ужъ, о чемъ, за вечернимъ столомъ
Мы не вспомнили? Какъ не шутили?

—

Наши шумные споры о томъ и другомъ,
Что лѣтъ двадцать назадъ оборвались,
Зазвучали опять на былые лады,
Точно будто совсѣмъ не кончались.

—

И преемственность юныхъ, счастливѣйшихъ дней,
Та, что прежде влекла, вдохновляла,
Будто витязя трупъ, подъ живою водой,
Въ той бесѣдѣ для насъ—оживала...

III.

О, гдѣ то время, что, бывало,
Въ насъ вдохновеніе играло,
И воскурялся ѳиміамъ
Теперь поверженнымъ богамъ?

—

Чертоговъ огненныхъ палаты
Горѣли—ярки и богаты;
Былъ чистъ и свѣтелъ кругозоръ!
Душа стремилась на просторъ,

—

Неслась могуществомъ порыва
На зло непрочному уму,
На звукъ какого-то призыва,
Богъ вѣсть зачѣмъ, Богъ вѣсть къ чему!

—

Теперь все мертвенно, все блѣдно...
То праздникъ жизни проходилъ,
Сіялъ торжественно, побѣдно,
Сіялъ... и цвѣтъ свой обронилъ.

IV.

Въ глухомъ безвременьѣ печали
И въ одиночествѣ нѣмомъ,

Не мы одни свой вѣкъ кончали,
Объяты страннымъ полусномъ.

—

На сердцѣ—желчь, въ умѣ—забота,
Почти во всемъ вразумлены;
Холодной осени дремота
Смѣнила вѣянья весны.

—

Кто насъ любилъ—ушли въ забвенье,
А люди чуждые растутъ,
И два сосѣднихъ поколѣнья
Одно другого не поймутъ.

—

Мы ждемъ, молчимъ, но не тоскуемъ,
Мы знаемъ: нѣтъ для насъ мечты...
Мы у прошедшаго воруемъ
Его завядшіе цвѣты,—

—

Сплетаемъ ихъ въ вѣнцы, въ короны,
Порой смѣемся на попрахъ,
Совсѣмъ, совсѣмъ Анакреоны,
Но только не въ живыхъ цвѣтахъ.

*
* *

Когда обширная семья
Мужаетъ и растетъ,
Какъ грустно мнѣ, что знаю я
То, что ихъ бѣдныхъ ждетъ.
Соблазна много, путь далекъ!
И, если часъ придетъ,
Судьба ихъ родственный кружокъ
Опять здѣсь соберетъ!
То будетъ ломаныіі народъ
Борцовъ-полукалѣкъ,
Тѣхъ, что собой завалятъ входъ
Въ двадцатый, въ лучшій вѣкъ...
Сквозь гробы ихъ изъ вѣчной тьмы
Потянутся на свѣтъ
Иные, лучшіе, чѣмъ мы,
Борцы грядущихъ лѣтъ.
И первымъ добрымъ дѣломъ ихъ,
Когда они придутъ,
То будетъ, что отцовъ своихъ
Они не проклянутъ.

ПОДРАЖАНІЕ АПОКАЛИПСИСУ.

И наступила ночь тяжелая, глухая...
Видѣнье было мнѣ! Меня порывъ увлекъ
За кряжъ какихъ-то горъ... Куда—и самъ не зная,
Входилъ я въ нѣкій, призрачный чертогъ.
Чертогъ былъ гульбищемъ какихъ-то силъ безплотныхъ
Незримыхъ смертному,—молчаніе хранилъ...
Надъ тьмой безвременья, на прівѣсяхъ безсчетныхъ
Блистало множество большихъ паникадилъ.
Какъ-бы пророчество какое выполняя,
Огни безтрепетно пылали, зажжены
Отъ свѣта Патмоса, отъ пламени Синая,
Рукой таинственной въ чертогъ принесены!..

Непостижимо какъ, но тѣ огни слагались
Какъ-бы въ какія-то живыя письмена...
Весь міръ погибъ... Они одни остались,
И на кадилахъ были имена!..
А глубоко внизу, обломки на обломкахъ,
Надъ міромъ рухнувшимъ торчали острія,

И между нихъ, блестя огнемъ чешуй въ потемкахъ,
Лежала мертвою библейская змѣя!
А подлѣ голубь бѣлый безъ движенья
Упалъ пластомъ, безжалостно измятъ.
И на груди его какъ-бы изображенья
Семи великихъ ранъ виднѣлися подъ рядъ...

И былъ поставленъ я, не знаю кѣмъ, къ допросу:
«Вотъ что оставилъ міръ, исчезнувъ, за собой...
«Ты возсоздай по этому хаосу,
«Чѣмъ былъ онъ мыслившій когда-то и живой?»
И я затрепеталъ, испуганный глубоко,
Проникнутъ холодомъ, боясь скатиться въ тьму...
«Зачѣмъ, скажи мнѣ Духъ, въ огняхъ читаетъ око
«Ряды именъ, враждебныхъ по всему?
«Что общаго у нихъ, давнымъ-давно прошедшихъ
«Пророковъ и шутовъ, тѣхъ иль другихъ вождей,
«Людей проклятія, великихъ сумасшедшихъ
«И неизвѣстныхъ мнѣ по именамъ людей?»

Я услыхалъ тогда какъ-будто прорицанье:
«Блудницу жизни въ бездну унесло,
«Погибло съ нею все! Одно, одно страданье
«Горѣть надъ бездною осталось, не прошло.
«Въ немъ сущность міра! альфа и омега!
«Страданья лишь одни пощаду обрѣли
«И пламенно блестятъ, какъ свѣточи ночлега,
«Надъ разрушеніемъ замученной земли...»

И откровенье было мнѣ другое:
Мнѣ ангелъ смерти близко виденъ сталъ,
Когда, низвергнувъ все, покончивъ все земное,
Онъ руки на груди сложилъ и отдыхалъ...
И онъ былъ тоже мертвъ! лицо мнѣ видно было;
Не могъ я не признать въ немъ чудной красоты,
Хоть силою огня мѣстами опалило
И покоробило поблекшія черты!
И на недвижныя по смерти очертанья,
На гордый трупъ съ поникшей головой,
Сіяли свѣточи пылавшаго страданья,
Роняя свѣтъ окраски кровяной!

Я сталъ искать отвѣта на сомнѣнье:
«Зачѣмъ-же, если такъ, ряды паникадилъ?
«Однихъ именъ не тронуло крушенье
«Всѣхъ добрыхъ, всѣхъ враждебныхъ силъ?»
И я услышалъ, будто изъ тумана
Великій Голосъ вдругъ въ сердцахъ заговорилъ:
«Какъ! Даже тутъ вопросъ? Такъ, значитъ, слишкомъ рано
«Господь земную мощь въ огнѣ испепелилъ?!
«Пытливый умъ людей, какъ прежде, въ жизни ставитъ
«Вопросы страшные о бытіи временъ...
«Да кто же, наконецъ, изъ двухъ васъ власть? Кто правитъ?
«Они-ли, смертные, или безсмертный Онъ?!
«Богъ кончилъ съ опытомъ, довольно испытаній...
«Не поросль—сѣмя все испепелить пора...
«Онъ ложь основъ призналъ! Рождала жизнь страданій
«Однѣ лишь помѣси проклятья и добра!

«И Онъ другихъ создастъ, а прежнихъ уничтожитъ
«Такъ, чтобъ и въ имени проказѣ не пройти
«Въ то, что появится, въ то, что Онъ приумножитъ
«И въ жизни поведетъ на новые пути...»

И стали погасать, дымясь, паникадила!
Одни во-слѣдъ другимъ погасли имена!
Тьма непроглядная отвсюду обступила,
Непоборимая, безмолвная, одна...
И тотъ-же Гласъ звучалъ, какъ-бы изъ нѣкой славы,
Суровый, медленный и страшный, какъ самумъ:
«Иначе на людей не отыскать управы,
«Иначе не смирить ихъ поврежденный умъ...»

*
* *

Нѣтъ, жалко бросить мнѣ на сцену
Творенья чувствъ и думъ моихъ,
Чтобы заимствовать имъ цѣну
Отъ силъ случайныхъ и чужихъ,--
Чтобы умѣнію актера
Ихъ воплощенье поручать,
Чтобъ въ лжи кулисъ, въ обманѣ взора
Имъ въ маскѣ правды проступать;
Чтобъ съ завершеньемъ представленья,
Ихъ трепетъ тайный, ихъ стремленья—
Какъ только опустѣетъ залъ,
Мракъ непроглядный обуялъ.

—

И не въ столбцахъ повѣствованья
Большихъ романовъ, повѣстей,
Желалъ-бы я существованья
Птенцамъ ѳантазіи моей;
Я не хочу, чтобъ благосклонный
Читатель въ длинномъ рядѣ строкъ

Съ трудомъ лишь насладиться могъ,
И чтобы въ верениц̀ѣ темной
Страницъ безсчетныхъ, лишь порой,
Ронялъ онъ съ глазъ слезу живую,
Нерукотворную, святую,
Надъ скрытой гдѣ-нибудь строкой,
И чтобъ ему, при новомъ чтеньи,
Строки завѣтной не сыскать...
Нѣтъ обаянья въ повтореньи,
И слезъ нельзя перечитать!

—

Но я желалъ-бы всей душою
Въ стихѣ таинственно-живомъ
Жить заодно съ моей страною
Сердечной пѣсни бытіемъ!
Пѣснь,—ткань чудесная мгновенья,
Всегда отвѣтитъ на призывъ;
Она—сердечнаго движенья
Увѣковѣченный порывъ;
Она не лжетъ! Для милыхъ пѣсенъ
Великій Божій міръ не тѣсенъ;
Имъ книгъ не надо, чтобы жить;
Возникшей пѣсни не убить;
Ей сроковъ нѣтъ, ей нѣтъ предѣла,
И если пѣснь прошла въ народъ,
И пѣсню молодость запѣла,—
Такая пѣсня не умретъ!

СТАРЫЙ БОЖОКЪ.

Освѣщаясь гаснущей зарей,
Проступая въ пламени зарницы,
На холмѣ темнѣетъ подъ сосной
Остовъ каменный языческой божницы.

Самъ божокъ валяется при ней;
Онъ безъ ногъ, а все ему живется!
Старый баловень невѣдомыхъ людей
Легъ въ траву и изъ травы смѣется.

И къ нему, въ забытый уголокъ,
Ходятъ женщины на нѣжныя свиданья...
Тамъ языческій, покинутый божокъ
Совершаетъ тайныя вѣнчанья...

Всѣмъ обычаямъ наперекоръ чудитъ,
Ограниченій не вѣдая въ свободѣ,
Богъ свалившійся тѣмъ силенъ, что забытъ,
Тѣмъ, что служитъ матушкѣ-природѣ...

СТУДЕНЧЕСКІЯ РИѲМЫ.

Ну васъ совсѣмъ, надоѣвшіе мнѣ фоліанты,
Тациты, Канты, Виргиліи, Данты и Бокли!
Яркія мысли блистаютъ на васъ! Брилліанты!
Ихъ не признать, не замѣтить надъ вами я могъ-ли?
Только—довольно! Прочь copul'и, прочь aorist'ы!
Милая ждетъ. Дождикъ только что лилъ, и безъ схемы
Все окропилъ. Знаю: капли дождя не софисты,
Ежели блещутъ—не лгутъ и горятъ безъ системы.
Охъ, ужъ системы, системы—какъ вы надоѣли!
Что-жъ, и съ чего я начну забывать, дорогая,
Здѣсь, на вечерней зарѣ, въ свѣжей, мягкой постели
Травъ и цвѣтовъ, къ этимъ милымъ стопамъ припадая?
Милая ты, безподобная! Жребій мой кинутъ...
Только не вздумалъ-бы кто позлословить на тему—
Какъ три богини Олимпа въ лицѣ твоемъ скинутъ:
Поясъ—Венера, Діана—свою діадему,
Третья-жъ, Юнона, супружескій долгъ забывая,
Будетъ служить въ элевзинской мистеріи мая...

ИСКУССТВЕННАЯ РАЗВАЛИНА.

Вздумалъ шутникъ,—шутниковъ не исправить,—
Вздумалъ развалину строить и древность поставить!
Глупо, должно-быть, развалина прежде глядѣла...
Къ счастью, что время вмѣшалось по-своему въ дѣло:
Что было можно обрушило и обломало;
Тутъ оно арку снесло, тамъ камней натаскало;
Тутъ не по правиламъ косо направило фризъ;
Лишнимъ карнизъ показался—снесло и карнизъ!
Дождикъ, шумливый работникъ, ему помогая,
Стукалъ, долбилъ, потихоньку углы закругляя;
Вихорь свистунъ налеталъ, вѣтерочки юлили,
Камни сверлили, чтобъ камни податливѣй были;
Зори, румяныя сестры, покровы имъ ткали,
Свѣтомъ и тѣнью кроили, плющомъ ушивали!
Розовыхъ пуговокъ, вкругъ, расплодила восковка;
Терній пролѣзъ, растолкалъ, проворчавъ: «Такъ мнѣ ловко!»
Ива сказала: «Я вѣтви къ землѣ опущу,
Ну, докажите, кто можетъ, что я не грущу!?»
Совушка-вдовушка въ трещинѣ гнѣздышко свила:

«Я-ли покойничка мужа, въ ночи не любила?
Мальчики камнемъ подшибли его на заборѣ,
Тѣло его въ огородѣ виситъ на позорѣ;
Я-ли, по мужѣ, очей своихъ не проглядѣла,
Я пучеглазою стала, когда овдовѣла».
Стала въ развалинѣ совушка вѣщей душою,
Съ вечера плачется, а замолкаетъ съ зарею!..
Ну и красивой-же вышла развалина, право!..
Вотъ и строитель въ углу притаился лукаво:
Статуя въ землю ушла! Изъ-подъ плотной листвы,
Бронзовый очеркъ замѣтенъ плечъ, ногъ, головы;
Только лица не видать, будто бѣдному стыдно!
Но человѣческій обликъ изъ зелени видно...

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЕ ХОРЫ.

I.

Други! Ночи половина
Шумно въ вѣчность отошла...
Ты гуляй, гуляй братѝна,
Искромётна и свѣтлà!

Други! Было, было время:
Пировавшій возлежалъ
И вѣнкомъ цвѣточнымъ темя
И вѣнчалъ, и охлаждалъ.

Мы-же пѣсней пиръ вѣнчаемъ,
Ей — ни блёкнуть, ни завять,
Стòитъ пить намъ — все познаемъ!
Будемъ, будемъ познавать!

Други! Ночи половина
Шумно въ вѣчность отошла!
Ты гуляй, гуляй братѝна,
Искромётна и свѣтлà.

II.

Женскія очи
Смотрятъ вкругъ насъ;
Часъ поздній ночи,
Радостный часъ!

Дню — всѣ заботы!
Ночи — восторгъ!
Пей! Что за счеты!
Пей! Что за торгъ!

Въ чашѣ — веселье,
Въ пѣснѣ — размахъ,
Міръ намъ не келья,
Кто тутъ монахъ?

Женская ласка
Къ утру сильнѣй,
Ярче окраска
Губъ и очей!

Женскія очи
Смотрятъ вкругъ насъ;
Часъ поздній ночи,
Радостный часъ...

МГНОВЕНІЯ.

КУКЛА.

Куклу бросилъ ребенокъ. Кукла быстро свалилась,
Стукнулась глухо о землю и навзничь упала...
Бѣдная кукла! Ты такъ неподвижно лежала
Скорбной фигуркой своей, такъ покорно сломилась,
Руки раскинула, ясныя очи закрыла...
На человѣка ты, кукла, вполнѣ походила!

*
* *

Гдѣ-бы ни упало подлѣ ручейка
Сѣмя незабудки, синяго цвѣтка,—
Всюду, чуть съ весною загудитъ гроза,
Взглянутъ незабудокъ синіе глаза!

Въ каждомъ чувствѣ сердца, въ помыслѣ моемъ,
Ты живешь незримымъ, тайнымъ бытіемъ...
И лежитъ повсюду на дѣлахъ моихъ
Свѣтъ твоихъ совѣтовъ, просьбъ и ласкъ твоихъ!

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

* * *

Каждою весною, въ тотъ-же самый часъ,
Солнце къ намъ въ окошко смотритъ въ первый разъ.

Будетъ, будетъ время: солнце вновь придетъ,—
Насъ здѣсь не увидитъ, а другихъ найдетъ...

И съ терпѣньемъ ровнымъ будетъ имъ свѣтить,
Помогая чахнуть и ничѣмъ не быть...

* * *

Последнія изъ грезъ, и тѣ теперь разбились!
Чему судьба, тому—конечно, быть...
Онѣ такъ долго, бережно хранились,
И имъ, бѣдняжкамъ, такъ хотѣлось жить...
Но карточный игрокъ—когда его затравятъ—
По волѣ собственной сжигая корабли,
Спокойнѣй прежняго, почти веселый, ставитъ
Свои послѣдніе, завѣтные рубли!

ЗЕРНЫШКО.

Зернышко овсяное искренно обрадовалось,—
Счастье-то нежданое! корешкомъ прокрадывалось
Смѣло и увѣренно по землѣ питательной,
Въ блескѣ солнца вешняго—ласки обаятельной...

Лживою тревогою зернышко смутилося:
Надъ большой дорогою прорастать пустилося!
Мнутъ и топчутъ бѣдное... Солнце жжетъ лучомъ...
Умерло,—объятое высохшимъ пластомъ!

* * *

Рано, рано! Глаза свои снова закрой
И вернись къ неоконченнымъ снамъ!
Ночь, пришлецъ-великанъ, разлеглась надъ землей;
Въ полѣ темень и мракъ по лѣсамъ.

Но когда,—ждать не долго,—часъ утра придетъ,
Обозначитъ и холмъ, и межу,
Засверкаютъ лѣса,—великанъ пропадетъ,—
Я тебя разбужу, разбужу...

* * *

Отдохните, глаза, закрываясь въ ночи̂,
Вслѣдъ за тѣмъ, что̀ вы днемъ увидали!
Отчего-то вы, бѣдные, такъ горячи,
Отчего такъ глубо̀ко устали?

Иль нельзя успокоить васъ, очи, ничѣмъ,
Охладить даже полночи тьмою!—
Спишь глубоко, а видишь во снѣ, между тѣмъ
Тѣ-же люди идутъ предъ тобою...

* * *

Что вы, травки малыя, травки захудалыя,
Вышли вдоль дороженьки подъ ободъ, подъ ноженьки?

Капельки блестѣвшія, въ ливнѣ прошумѣвшія,
Что̀ поторопилися — въ озеро пролилися?

Что ты, сердце честное, міру неизвѣстное,
Бьешься не по времени, не въ родѣ, не въ племени?

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

* * *

Очи впавшія, ротъ запекшійся,
Блѣдность смертная, тишь, могильная!.
Впали очи, утомившись на обманъ глядѣть,
Ротъ запекся—не сказавши все, что могъ сказать!
Блѣдность—чтобы легче было людямъ покраснѣть,
Тишь могилы—чтобъ живому слову не мѣшать!..

ПЕРЕДЪ СТАТУЕЙ БОГОМАТЕРИ.

Только что слезы не льются изъ глазъ ежечасно,
Такъ ты изваяна чудно, стоишь, какъ живая!
Матери Божьей страданья проходятъ безгласно,
Скорбь ея—скорбь молчаливая, грустно-нѣмая!

—

Но не прекрасна-ль и ты, что недвижно припала
Къ ней, къ Богоматери, въ долгомъ и жаркомъ моленьѣ?
Та—скорбь небесную, эта—земную пріяла...
Родственны обѣ тѣ скорби въ своемъ воплощеньѣ.

ДЕВЯТАЯ СИМФОНІЯ.

Слушаю, слушаю долго,—и образы встали...
Носятся шумно... Но это не звуки, а люди,
И отъ движенья ихъ вѣтеръ меня обвѣваетъ...
Нѣтъ, я не думалъ, чтобъ звуки могли воплощаться!

Сердце, что море въ грозу, запѣваетъ и бьется!
Мысли сбѣжались и дружно меня обступили.
Нѣтъ! Я не въ силахъ молчать: иль словами скажитесь,
Или-же звуковъ мнѣ дайте—сказать, что придется!..

* * *

Гра́дины выпали! Счета имъ нѣтъ...
Подлѣ нихъ вишенъ обившійся цвѣтъ...
Въ царственномъ шествіи ранней весны,
Въ чаяньи смерти смертельно блѣдны,
Бѣдныя жертвы и ихъ палачи
Гибнутъ, бѣлѣя, въ безлунной ночи́...

* * *

Онъ охранялъ твой сонъ, когда ребенкомъ малымъ,
Бывало, передъ нимъ ты сладко засыпалъ,
И солнца теплый луч своимъ сіяньемъ алымъ
На щечкахъ бархатныхъ заманчиво игралъ.

Онъ сторожитъ твой сонъ теперь, когда, разбитый,
Больной, уставшій жить, тревожно дремлешь ты,
И тотъ-же лучъ зари на впалыя ланиты
Бросаетъ, какъ тогда, роскошные цвѣты...

* * *

Я занесъ къ тебѣ, съ мороза,
Много звѣздъ и блестокъ снѣга...
У тебя-ль въ дому не сладко?
Всюду блескъ, тепло и нѣга!

Но безпутныя снѣжинки
Этихъ благъ не замѣчаютъ,
Обращаются въ слезинки
И проворно исчезаютъ...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

* * *

Изъ твоего глубокаго паденья
Порой, живымъ могуществомъ мечты,
Ты вдругъ уносишься въ то царство вдохновенья,
Гдѣ до́ма былъ въ былые дни и ты!

Горитъ тогда, горитъ неопалимо,
Твоя мечта—какъ въ полночи звѣзда!..
Какъ ты красивъ подъ краскою стыда!
Но свѣтлый мигъ проходитъ мимо, мимо...

~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛОСА.

(Апол. Ап. Коринфскому.)

I.

Полдневный часъ. Жара гнететъ дыханье;
Глядишь прищурясь,—блескъ глаза слезитъ,
И надъ землею воздухъ въ колебаньѣ,
Мигаетъ быстро, будто-бы кипитъ;

—

И тѣни нѣтъ. Повсюду искры, блестки;
Трава слегла, до корня прожжена.
Въ ушахъ шумитъ, какъ-будто слышны всплески,
Какъ-будто гдѣ-то подлѣ бьетъ волна...

—

Ужасный часъ! Вездѣ оцѣпенѣнье:
Жметъ листъ къ вѣтвямъ нагрѣтая вербà,
Укрылся звѣрь, затѣмъ, что жжетъ движенье,
По щелямъ спятъ, приткнувшись, ястребà.

—

А въ полѣ трудъ... Обычной чередою
Идетъ косьба; хлѣбá не будутъ ждать!

Но это время названо страдо́ю,—
Другого слова нѣтъ его назвать...

—

Кто испыталъ огонь такого неба,
Тотъ безъ труда разъ навсегда пойметъ,
Зачѣмъ игру и шутку съ крошкой хлѣба
За тяжкій грѣхъ считаетъ нашъ народъ!

II.

Горячій день. Мой конь проворно
Идетъ надъ мягкой пахотой;
Бѣлѣютъ брошенныя зерна,
Еще не скрытыя землей.

—

Прилежной кинуты рукою,
Какъ блестки въ пахотной пыли,
Гдѣ въ одиночку, гдѣ семьею,
Онѣ узоромъ полегли...

—

Я возвращаюсь ночью боромъ;
Вверху знакомый взору видъ:
Что̀ зерна звѣзды! Ихъ узоромъ
Вся глубь небесная горитъ...

III.

Полдень. Баба бѣлитъ хату.
Щеки, руки, грудь, спина —
Перемазаны въ бѣлилахъ,
Точно вся изъ полотна.

—

Но сквозь мѣлъ сіяютъ очи,
Зубы блещутъ бѣлизной,
Пѣсня льется, трудъ спорится
Подъ умѣлою рукой.

—

Урожай! Оно и видно:
Подлѣ бабы, близъ угла,
Смотрятъ дѣтки изъ корзины,
Будто птички изъ дупла.

—

И малиновая свекла
Вдоль здоровыхъ дѣтскихъ щекъ,
Съ молодымъ румянцемъ споря,
Распустила яркій сокъ.

IV.

Искрится солнце такъ ярко,
Свѣтитъ лазурь такъ глубо̀ко!

Въ груды подсолнечникъ свален
Подлѣ блестящаго тòка.

—

Точно тарелки для пира,
Для столованья большого,
Блещутъ цвѣты желтизною
Золота солнцемъ литого.

—

Вѣнчикомъ дѣти усѣлись,
Сѣмечки щиплютъ искусно;
Зеренъ-то, зеренъ... Безъ счета!
Каждое зернышко вкусно.

—

И не встрѣчается, право,
Даже и въ царской палатѣ
Этакихъ грудъ наслажденья,
Этакой тьмы благодати!

V.

Какъ красныхъ маковъ раскидало
По золотому полю жницъ;
Небесъ лазурныхъ покрывало
Пестритъ роями черныхъ птицъ;

—

Стада овецъ ползутъ на скаты
Вдоль зеленѣющей бакчи,—
Какъ бы подвижныя заплаты
На яркомъ золотѣ парчи...

VI.

Въ отливахъ нѣжно-бирюзовыхъ,
Всѣмъ краскамъ неба давъ пріютъ,
Въ дуплистой рамѣ кущъ вербо̀выхъ
Лежитъ нашъ тихій, тихій прудъ.

—

Заря дымится, пламенѣя!
Вонъ, обронёнъ вчерашнимъ днемъ,
Плыветъ гусиный пухъ, алѣя,
Семьей корабликовъ по немъ.

—

Ужъ не русалокъ-ли бѣдо̀выхъ
Народъ, какъ мѣсяцъ тутъ блисталъ,
Себѣ изъ перышекъ пухо̀выхъ
Наткать задумалъ покрывалъ?

—

Но пѣтухи въ свой срокъ пропѣли,
Проворно спряталась луна,
Пропали тѣ, что̀ ткать хотѣли,
Осталась плавать ткань одна!

—

И, эту правду подтверждая,
Въ огняхъ зари летитъ съ полей
Гусей гогочащая стая,
Блистая рядомъ длинныхъ шей.

VII.

Въ полѣ борозды, что строфы,
А риѳмуетъ ихъ межа,
И по нимъ гуляютъ дрофы,
Чутко слухъ насторожа!

—

Ужъ не оборотни-ль это
Поднялись? И вдоль полей
Изъ кургановъ выползъ къ свѣту
Нѣкій сонмъ богатырей!

—

Если такъ, то очень ловко
Можно дѣло разрѣшить!
Ну-ка ты, моя винтовка,
Не плошать и мѣтко бить!

VIII.

Расходился доѣзжачій,
Звучно порскаетъ въ лѣсу.

Вотъ такъ гонъ! Должно-быть, зрячій!
Гонятъ волка, иль лису?

—

Сколько шума, гвалта, треска!
Норы заткнуты кругомъ;
Знаю я: у перелѣска
Вязъ стоитъ надъ ручейкомъ.

—

Тамъ ей лазъ! Другихъ нѣтъ ходовъ!
Забѣгаю стороной...
Охъ, не то-же-ль у народовъ
По исторіи людской?

—

Есть излюбленные лазы,
Ходы торные судебъ,
Войнъ, торговли и заразы
И другихъ великихъ требъ;

—

Жизнь не то-же-ль, что охота?
Лисій нравъ, и прыть, и скокъ!
Лазовъ много, нѣтъ имъ счета,
А судьба—судьба стрѣлокъ!

—

Оттого-ль такъ сердце бьется,
Грудь тревогою полна?
Я—судьба! Такъ мнѣ сдается...
Гдѣ-жъ лисичка? Вотъ она...

IX.

Сколько мельницъ по вершинамъ
Убѣгающихъ холмовъ?
Скрипъ, что̀ музыка вдоль крыльевъ,
Пѣнье—грохотъ жерноволъ.

—

Вѣковыя учрежденья,
Первобытнѣйшій снарядъ!
Всѣхъ родовъ нововведенья
Ихъ нимало не страшатъ;

—

Заповѣданы издрѐвле,
Тѣ-же все, какъ свѣтъ, какъ звукъ,
Имъ—что̀ шпаги Донъ-Кихотовъ
Всѣ усилія наукъ...

X.

Помню па́сѣку. Стояла,
Скромно спрятавшись въ вербѣ;
Полюбившій пчелъ съизмала,
Жилъ тутъ пасѣчникъ въ избѣ.

—

За плетнемъ играли дѣти;
Днемъ дымокъ былъ, лай въ ночи...

Хаты нѣтъ; исчезли клѣти;
Видны: яма, кирпичи!

—

И по нимъ жестка, спѣсива,
Высясь жгучею листвой,
Людямъ вслѣдъ взросла крапива,
Покаяніемъ и мздой!

XI.

Утихаютъ, обмираютъ
Сердца язвины, истома,
Здѣсь, гдѣ мало такъ мечтаютъ,
Гдѣ надъ мракомъ чернозема,

—

Въ блескѣ солнца золотого
Надъ волнами ярового,
Мысли ясны и спокойны,
Не сердца, но лица знойны;

—

Гдѣ царитъ одна природа:
Въ ней вся ласка, вся невзгода!
Гдѣ порядкомъ затверженнымъ
Въ полдня часъ, порою жаркой,

—

По дорожкамъ золоченымъ
Блескомъ па́далицы яркой
И потоптанной соломы
Возятъ ко̀пны, точно до̀мы!

—

Вотъ по селамъ, за плетнями,
Встали скирды! Остріями
Шапокъ смотрятъ внизъ на хаты.
Такъ красивы, такъ богаты,

—

Ужъ куда, куда какъ выше
Самой рослой въ хатахъ крыши!..
Ночь! Виднѣются во мглѣ
Скирды, что село въ селѣ!

XII.

Стоитъ народъ за молотьбою;
Гудитъ высокое гумно;
Какъ-бы молочною струею
Изъ молотилки бьетъ зерно.

—

Какъ ярокъ день, какъ солнце жгуче!
А пыль работы такъ грузна,
Что люди ходятъ, будто въ тучѣ,
Среди дрожащаго гумна.

XIII.

Розовыхъ вѐресковъ пȍлосы длинныя
Въ логѣ песчаномъ растутъ.
Сѣвера дальняго дебри пустынныя
Родина ихъ,—а не тутъ!

—

Или на то они здѣсь представители
Братьевъ родныхъ, чтобъ шепнуть:
«Края полночнаго скудной обители,
Счастливый югъ — не забудь!»

XIV

Люблю я службу въ сельскомъ храмѣ.
Открыты окна, воздухъ льетъ;
По лику ȍбраза, по рамѣ
Тихонько бабочка снуетъ.

—

И въ церкви садъ: надъ головами
Пришедшихъ дѣвушекъ цвѣты
Живыми тянутся рядами,
Полны весенней пестроты;

—

Святымъ словамъ молитвы вторя
При освященіи даровъ,

Пичужки рѣзвыя, гуторя,
Щебечатъ въ окна изъ кустовъ...

XV.

Съ кленами нѐкленъ взрастаетъ
Споръ у деревьевъ идетъ!
Нѐклену кленъ объясняетъ:
«Хрупкій вы, слабый народъ!

—

«Ваши стволы не выносятъ
Стойки подъ крышей гумна,
Сами подпоры попросятъ,
Если имъ служба дана!»

—

Нѐкленъ шуршитъ и смѣется!
Слышенъ отвѣтъ по вѣтвямъ:
«Тотъ, кѣмъ намъ имя дается,
Развѣ не хрупокъ онъ самъ?»

XVI.

Чернѣетъ полночь. Пять пожаровъ!
Столбами зарева стоятъ!
Кругомъ зажиточныя села
Со всѣми скирдами горятъ!

—

Иль это дьяволъ самъ пролетомъ
Земли коснулся пятерней,
И жгучій слѣдъ прикосновенья
Пылаетъ въ темени ночной!

—

И далеко пойдутъ по краю,
И будутъ въ свѣтѣ дня видны
Въ печальныхъ лицахъ погорѣльцевъ
Благословенья сатаны...

XVII.

Есть, есть гармонія живая
Въ нытьѣ полуночнаго лая
Сторожевыхъ въ селѣ собакъ;
Никѣмъ не хо̀лены, не мыты,
Избиты, изрѣдка лишь сыты,
Всѣ въ клочьяхъ отъ обычныхъ дракъ,
Они за что-то, кто ихъ знаетъ,
Нашъ сонъ усердно сторожатъ:
Песъ хочетъ ѣсть, избитъ, измятъ,
А все не спитъ и громко лаетъ!

XVIII.

Люблю я ночью золотою,
Когда вверху плыветъ луна,

Идти открытою межою...
Цвѣтутъ дурманъ и бѣлена;

—

Хлѣбъ снятъ. Рѣшенье роковое
Большихъ трудовъ за круглый годъ!
Снопы, что̀ шлемы въ мѣдномъ строѣ;
Луна на нихъ сіянье льетъ.

—

Совсѣмъ какъ шлемы надъ землею!
Мнѣ, мнится, полночь говоритъ:
«Здѣсь, подъ родимою землею,
Подъ каждымъ шлемомъ витязь спитъ!

—

«На нихъ излюбленнымъ покровомъ
Мощь чернозема налегла,
Питаетъ ихъ! Завѣтнымъ словомъ
Ихъ можно вызвать на дѣла.

—

«Тогда, блистающею ратью
Они взойдутъ вдоль этихъ мѣстъ,
Чтобъ поддержать родную братью,
Васъ, цѣловавшихъ тотъ-же крестъ.»

XIX.

Вдали гроза. Порою вьется,
Бьетъ въ землю молнія струей!

Чуть слышенъ громъ! Не удается
Ему осилить даль! Сдается:
Онъ понижаетъ голосъ свой!
Алкаетъ влаги легкій колосъ!
То миріады жаркихъ ртовъ,
Они раскрыты! Любъ имъ голосъ
Живого шествія громовъ,
И ждутъ подросшіе посѣвы —
Кто побѣдитъ на этотъ разъ:
Проклятье-ли прабабки Евы,
Иль крестъ Голгофы въ третій часъ?

XX.

По крутымъ по бокамъ вороного
Мѣсяцъ блещетъ, во всю озарилъ!
Конь! Повѣдай мнѣ доброе слово!
Въ сказкахъ конь съ сѣдокомъ говорилъ!

—

Охъ, и лѣсъ-то великъ и спокоенъ!
Охъ, и ночь-то глубоко синя̀!
Да и я безмятежно настроенъ...
Конь, голубчикъ! Побáлуй меня!

—

Ты скажи, что за дѣвицей ѣдемъ;
Что она, прикрываясь фатой,

Ждетъ... глаза проглядитъ... Нѣтъ! Мы бредимъ,
И никто-то не ждетъ насъ съ тобой!

—

Конь не молвитъ мнѣ добраго слова!
Это сказка, чтобъ конь говорилъ!
Но зачѣмъ-же бока вороного
Мѣсяцъ блескомъ такимъ озарилъ?

XXI.

Малость стемнѣло, дѣвица поетъ,
Машетъ платочкомъ, ведетъ хороводъ;
Ходятъ надъ грудью и ленты, и бусы.
Парни опѣшили! Экіе трусы!
Будто впервые признали они
Этихъ очей зоревые огни,
Будто глядятъ на дѣвицу впервые!
Спѣвшійся хоръ! Голоса золотые!
Пѣсню, должно-быть, и въ небѣ слыхать—
Значитъ, и звѣздамъ, чуть глянутъ, плясать...

XXII.

Заросилось. Мѣсяцъ ходитъ.
Надъ левáдою покой;
Вдоль по грядкамъ колобродятъ
Сфинксы съ мертвой головой.

—

Вышла Груня на леваду...
Подъ вербою парень ждалъ...
Іонійскую цикаду
Имъ кузнечикъ замѣнялъ.

—

Балалайку парень кинулъ,
За плетень перемахнулъ
И въ подсолнечникахъ сгинулъ,
Въ конопелькѣ потонулъ...

—

Заросилось. Мѣсяцъ ходитъ.
Надъ левадою покой...
Вдоль по грядкамъ колобродятъ
Сфинксы съ мертвой головой.

XXIII.

Усталъ въ поляхъ, засну солидно,
Попавъ въ деревню на харчи.
Въ окно открытое мнѣ видно
И садъ нашъ, и кусокъ парчи
Чудесной ночи... Воздухъ свѣтелъ...
Какъ тишь тиха! Засну, любя
Весь Божій міръ... Но, крикнулъ пѣтелъ!
Иль я отрекся отъ себя?

XXIV.

По завалинкамъ у хатъ
Люди въ сумеркахъ сидятъ;
Подлѣ кòни и волы
Чуть виднѣются изъ мглы.

—

Сны ночные тоже тутъ,
Собираются, снуютъ
Въ огородахъ, вдоль кустовъ,
На крылахъ сычей и совъ.

—

Вотъ зеленый свѣтъ луны
Тихо канулъ съ вышины...
Что, какъ если съ тѣмъ лучемъ
Сычъ вдругъ станетъ молодцомъ,

—

Глянетъ дѣвушкой сова,
Скажетъ милыя слова,
Да и хата, наконецъ,
Обратится во дворецъ?'

XXV.

Прекрасенъ видъ бакчѝ нагорной!
Плетéнь, сторожка изъ вѣтвей;

Арбузъ, пустивши листъ узорный,
Окуталъ землю сѣтью змѣй.

—

Ползутъ, сплелись! Назадъ съ недѣлю,
Я, помню, вечеръ наступалъ,
По склону, вторя коростелю,
Мѣстами перепелъ стучалъ.

—

Бакча́ сквозь сумракъ зеленѣла
Сквозили за̀вязи цвѣтовъ;
Теперь, откуда что̀ приспѣло?
Повсюду въ кружевахъ листовъ

—

Глядятъ плоды... Еще такъ малы,
Но всюду, всюду залегли,
Какъ блѣдножелтые опалы,
На мягкихъ сумеркахъ земли!

XXVI.

Громъ по лѣсу. Гуляетъ топоръ!
Дебри лѣса подъ пыткой допрошены,
Мощной дрожью объята листва,
Великаны, что травы, покошены...

—

Только сбросятъ съ корней одного,
Вздохъ его, будто вихрь, вырывается

И, прога̀лину чиститъ себѣ,
И раздвинувъ листву, удаляется,

—

Удаляется въ степь, говоря:
«Не шумѣть-бы мнѣ мощью зеленою,
Не горѣть-бы въ огняхъ зоревыхъ
Свѣтлой думою, солнцемъ зажженою...»

XXVII.

Такъ вотъ оно гдѣ наводненье было?
Избу̀ разрушило, плотину разнесло,
Большія льдины всюду разложило,
И успокоилось, и тихо отошло...

—

Въ одеждѣ искръ и красокъ безподобныхъ
Идетъ весна, вся въ почкахъ и цвѣтахъ;
Въ сосѣдствѣ льдинъ, какъ подлѣ плитъ надгробныхъ,
Играютъ дѣти въ солнечныхъ лучахъ.

—

Улыбка есть на всѣхъ слѣдахъ погрома!
Загладитъ прошлое весна взяла починъ,
И ластится она, вся нѣга, вся истома,
И жмется зеленью къ лазурнымъ стѣнкамъ льдинъ.

XXVIII.

Летятъ по небу журавли,
Свои мѣняя корабли,
Летятъ надъ талою землею,
Блистая крыльевъ бѣлизною;

—

То строятъ длинныя черты,
То мчатся острыми углами...
За ними слѣдуя очами,
Въ весну не вѣришь-ли и ты?

XXIX.

Какъ-будто снѣгомъ опушила
Весна цвѣтами вѣтви сливъ;
Заря, полъ-неба охвативъ,
Въ цвѣтахъ румянецъ пробудила.

—

Придетъ пора, нальется плодъ,
А тяжесть вѣтви къ дòлу склòнитъ,
Сломаетъ... Цвѣтень смерть несетъ,
Пора любви страданья гонитъ.

—

Но жизнь щадитъ: законъ таковъ,
Что умѣряется излишекъ
Обжорствомъ галокъ и скворцовъ
И смѣлой жадностью мальчишекъ.

XXX.

Взялъ я заступъ и лопату...
Дѣти! ставлю тутъ дубокъ.
Быть для васъ здѣсь мѣсту святу
Отъ сегодня въ долгій срокъ.

—

Сокрушитъ меня могила,
Затемнится отчій ликъ,
А дубокъ—въ немъ будетъ сила,
Глянетъ статенъ и великъ.

—

Дѣти! въ немъ, неузнаваемъ,
Буду я, безличный, жить,
И глубокой тѣни краемъ
Вслѣдъ за солнышкомъ ходить.

—

Буду доброй, доброй тѣнью,
Безоружнымъ часовымъ,
И, по Божьему велѣнью,
Лучше мертвымъ, чѣмъ живымъ.

XXXI.

Бѣлѣетъ утренникъ сверкая
По скатамъ блекнущихъ холмовъ;

Великимъ заревомъ пылая,
Выходитъ солнце изъ паровъ.

—

Ему обидно и досадно
Горѣть такъ низко надъ землей
Горитъ и слизываетъ жадно
Снѣжокъ надъ мерзлою травой.

—

И словно длинной бахрамою
Одѣтъ холма высокій бокъ:
Гдѣ рощи нѣтъ — горитъ росою,
Гдѣ тѣнь отъ рощи—тамъ снѣжокъ.

XXXII.

Откуда, скажите, берутся
Рисунки растеній, что̀ вьются
На нашемъ пруду въ холодокъ,
Чуть сложится первый ледокъ?

—

Иль это нашли воплощенья
Кустовъ и деревъ отраженья,
Которыя въ лѣтніе дни,
Мечтая, роняли они!

XXXIII.

Въ одеждѣ выцвѣтшей и бурой,
Въ каемкахъ яркой желтизны,
Объятъ ты, лѣсъ, погодой хмурой,
И блекнутъ всѣ твои сыны.

—

На ихъ печальныя обличья,
Пятномъ блестящимъ съ высоты,
Льетъ солнце острый блескъ величья,
И грѣетъ мертвые листы.

—

Но въ безнадежности природы,
Какъ изумруды зелены,
Замѣтны озимые всходы,
И зелень ели и сосны.

XXXIV.

Саванъ бѣлый... Смерть—картина...
Умъ смиряющая даль...
Ты уймись, моя кручина,
Пропади, моя печаль!

—

Въ этомъ царствѣ запустѣнья
И великой нѣмоты,
Что-же значатъ всѣ мученья—
Что-же значимъ я и ты?..

XXXV.

Въ избенкѣ бѣдной, въ стеклахъ оконъ
Свѣтъ солнца только-что погасъ.
Надъ помазуемой елеемъ
Священникъ молится, склонясь!

—

Слова молитвъ совсѣмъ не ясны,
Порою въ нихъ какъ-будто тьма—
И не для гаснущаго взгляда,
И не для скромнаго ума!

—

Но, дорисованные духомъ,
Надъ отходящей поднялись
Всѣ сонмы праведныхъ и чистыхъ,
И вся небесной церкви высь...

XXXVI

Выложенъ гробъ лоскутками
Тряпочекъ, пестрыхъ платковъ;
Въ церкви онъ нà полъ поставленъ,—
Въ краѣ обычай таковъ.

—

Въ гробѣ ютится старушка,
Голову чуть наклоня,
Ликъ восковой освѣщаютъ
Поздніе проблески дня.

—

Колоколъ тихо ударилъ...
Гробъ провожаетъ село...
Пѣнье... Знать, коконъ дубовый
Нá зиму сносятъ въ дупло.

—

Всякій идущій за гробомъ
Мòлча лелѣетъ мечту —
Сказано: встанетъ старушка
Вся и въ огняхъ, и въ свѣту!

XXXVII.

Нѣтъ ограды! Не видать часовни!
Рядомъ грядъ могилки подняты...
Спятъ тутъ люди, всѣ подъ Богомъ ровни,
Съ плечъ сложивъ тяжелые кресты.

Разодѣлись грядушки цвѣтами,
Будто поле, чтò подъ паръ пошло;
Вдоль бороздъ, намѣченныхъ гробами,
Много тѣни къ ночи залегло...

Въ этотъ годъ вы, грядки, помельчали;
Помню я: васъ больше было тутъ.
Волны смерти тихой зыбью стали,
Годъ еще—и вовсе пропадутъ.

Дождь пройдетъ--вершинки обмываетъ;
Вспашутъ землю, станутъ боронить,
Солнце выжжетъ, вѣтеръ заровняетъ...
Поле было—полю тутъ и быть!

МУРМАНСКІЕ ОТГОЛОСКИ.

(С. С. Трубачеву.)

I.

Утро. День воскресный. Блѣдной багряницей
Брызнулъ свѣтъ лѣнивый по волнѣ, объятой
Теменью холодной. Будто-бы зарницей,
Въ небѣ вдругъ застывшей, блѣдно-лиловатой,
Освѣщаетъ утро хмурый ликъ Мурма̀на.
Очерки утесовъ сквозь туманъ открылись...
Сердце, отчего ты такъ проснулось рано?
Отчего вы, мысли, рано окрылились?
Помнятъ, помнятъ мысли, знаетъ сердце, знаетъ:
Нынче день воскресный. На просторѣ вольномъ,
Какъ шатромъ безбрежнымъ церковь покрываетъ
Всю страну родную звономъ колокольнымъ,
И въ шатрѣ томъ, съ краю, въ холодѣ тумана,
Въ области скалистой молча притаилось
Мрачное обличье дальняго Мурма̀на...
И оно зардѣлось, и оно молилось!

II.

Будто въ люлькѣ насъ качаетъ.
Вѣтеръ свѣжъ. Ни дать, ни взять,
Море пѣсню сочиняетъ—
Словъ не можетъ подобрать.

—

Не помочь-ли? Жалко стало!
Сколько чудныхъ голосовъ!
Дискантовъ немножко мало,
Но зато не счесть басовъ.

—

Но, какое содержанье,
Смыслъ какой словамъ придать?
Море—странное созданье,
Можетъ словъ и не признать.

—

Дикихъ волнъ сѣдыя ѳрды,
Тонкой мысли не поймутъ,
Хватятъ вдругъ во всѣ аккорды
И надъ смысломъ верхъ возьмутъ.

III.

Цвѣтомъ стальнымъ отливаютъ холодныя,
Грузныя волны полярныхъ зыбей,

Солнца полуночи тѣни лиловыя
Видны на палубѣ подлѣ снастей;

—

Съ этимъ наплывомъ тѣней фіолетовыхъ
Только лишь пушки своей желтизной
Спорятъ какъ будто; склонились, насупились,
Стынутъ, облитыя крупной росой.

—

Красная искра порою взвивается
Въ черномъ дыму; оживая на мигъ,
Ярко блеститъ! Передъ нею туманится
Вѣчнаго солнца полуночный ликъ...

IV.

Передъ бурей въ непогоду
Разыгралися киты.
Сколько ихъ! Кругомъ мелькаютъ
Будто темные щиты
Нѣкихъ витязей подводныхъ.
Бой незримъ, но слышенъ громъ.
Надъ пучиною кипящей
Ходятъ волны ходенемъ,
Проступаютъ остріями...
Нѣтъ сомнѣнья: подъ водой,
Подъ великими волнами,
Занялся могучій бой!
Волны—витязей шеломы,

Бури ревъ—ихъ голоса!
Блещутъ очи... Кто на вахтѣ?
Убирайте паруса,
Чтобъ не спутаться снастями
Между дланей и мечей;
Увлекутъ они въ пучину
Насъ, непрошенныхъ людей.
Закрывай плотнѣе люки!
Такъ! Совсѣмъ безъ парусовъ
Съ ними мы еще поспоримъ!
Ходу дай! Прибавь паровъ....
Налетаетъ шквалъ за шкваломъ,
Черезъ бортъ идетъ волна;
Грохотъ, посвистъ и шипѣнье,
Въ стройныхъ мачтахъ дрожь слышна.
Не уловишь взглядомъ въ тучахъ
Очертаній буревыхъ...
Какъ зато повеселѣли
Стаи грустныхъ птицъ морскихъ!
Кто сказалъ, что въ бурѣ страхи?
Подъ размахами ея
Вялы, робки и пугливы
Только слабость, да нытьё...

V.

Слѣдъ бури не исчезъ. То здѣсь, то тамъ мелькаютъ
Остатки черные разбившихся судовъ

И, проносимые стремниной, ударяютъ
И въ наше судно, вдоль его боковъ.

—

Сухой, тяжелый звукъ! Въ немъ слышатся отзывы—
Слѣды послѣдніе погибнувшихъ людей...
Всѣ щепки разнесутъ приливы и отливы,
Опустятъ въ нѣдра стонущихъ зыбей.

—

Вдоль неподвижныхъ скалъ стремниною несутся
Гряды подводныхъ травъ, оторванныхъ отъ дна,
Какъ змѣи длинныя, ихъ нити волокутся,
И цвѣтомъ ихъ пучина зелена́.

—

А тамъ у береговъ виднѣются такъ ясно
Остатки корабля; расщепленное дно
До самаго киля сіяетъ ярко-красно...
У черныхъ скалъ—кровавое пятно!

VI.

Здѣсь, въ заливѣ, будто въ сказкѣ!
Видъ закрытъ во всѣ концы;
По дугѣ сложились скалы
Въ чудодѣйные дворцы;

—

Въ острыхъ очеркахъ утесовъ,
Гдѣ такъ густъ и влаженъ мохъ,

Выраженья лицъ какихъ-то,
Вдругъ застывшія врасплохъ.

—

У воды торчатъ, бѣлѣя,
Какъ и скалы велики,
Груды ребръ китовъ погибшихъ,
Черепа и позвонки.

—

Къ нимъ подплывшая акула
Отъ свѣтящагося дна
Смотритъ круглыми глазами,
Неподвижна и темна,

—

Вся въ летучихъ отраженьяхъ
Высокò снующихъ птицъ—
Какъ живое привидѣнье
Въ этой сказкѣ полной лицъ!

VII.

И, подумаешь, бросивъ на край этотъ взоры:
Здѣсь, когда-то, въ огняхъ допотопной земли,
Кто-то сышалъ у моря высокія горы,
И лежатъ онѣ такъ, какъ когда-то легли!

—

Непривѣтны, черны громоздятся уступы...
То какой-то до вѣка погасшій костеръ,

То какихъ-то мечтаній великіе трупы,
Чей-то каменный сонъ, наводнившій просторъ!

—

Въ немъ угрюмые люди—поморы толкутся,
Призываются къ жизни на краткіе дни...
Не дано имъ ни мыслью, ни чувствомъ проснуться!
Ужъ не этимъ-ли счастливы въ жизни они?

VIII.

Неподвижны очертанья
Здѣшнихъ скалъ и острововъ:
Это лѣтопись страданья
Исковерканныхъ пластовъ;

—

Эпопея или драма
Жизни каменныхъ породъ!
Небеса и море — рама,
Та-же все, изъ года въ годъ.

—

Подлѣ нихъ, что день, то нóвы,
Живы часъ одинъ, иль два,
Народившись безъ основы,
Проплываютъ острова

—

Темныхъ водорослей—утокъ,
Чаекъ и гагаръ притонъ!
Словно рядъ плывущихъ шутокъ,
Словно легкій фельетонъ...

IX.

Доплывешь когда сюда,
Повстрѣчаешь города
Что ни въ сказкахъ не сказать,
Ни перомъ не описать!

—

Городъ — взять хоть на ладонь!
Ни одинъ на свѣтѣ конь
Не нашелъ къ нему пути;
Тутъ и улицъ не найти.

—

Межъ домовъ растетъ трава;
Фонари — одни слова!
Берегъ моря, словно живъ —
Онъ растетъ, когда отливъ;

—

Подавая голосъ свой
Громче всѣхъ, морской прибой
Свѣялъ съ этихъ городовъ
Всякій слѣдъ пяти вѣковъ!

—

Но ужъ сказка здѣсь вполнѣ
Наступаетъ по веснѣ,
Чуть изъ нихъ мужской народъ
Въ море нá лѣто уйдетъ.

—

Бабье царство здѣсь тогда!
Бабы правятъ города,
И чтобъ бабамъ тѣмъ помочь,
Свѣтитъ солнце день и ночь!

—

Съ незапамятныхъ временъ
Сарафанъ ихъ сохраненъ,
Златотканный, парчевой;
Кички съ бисерной тесьмой;

—

Старый складъ и старый вкусъ
Въ нитяхъ жемчуга и бусъ,
Новгородскій, вѣчевой,
Отъ прабабокъ онъ имъ свой.

—

И таковъ у бабъ зарокъ:
Ждать мужчинъ своихъ на срокъ
Почту по морю возить,
Стряпать, ткать и голосить;

—

Если въ морѣ гулъ и стонъ —
Ставить свѣчи у иконъ,
И заклятьемъ вѣщихъ словъ
Укрощать полетъ вѣтрòвъ.

X.

Снѣга заносы по скàламъ
Всюду висятъ бахромой;

Солнце іюльское блещетъ,—
Встрѣтились лѣто съ зимой.

—

Вѣтеръ отъ запада. Талый
Снѣгъ подъ ногами хруститъ;
Рядомъ со снѣгомъ, что̀ пурпуръ,
Кустикъ гвоздики горитъ.

—

Тою-же яркостью красокъ
Въ Альпахъ, на крайнихъ высяхъ
Кучки гвоздики алѣютъ,
Въ вѣчныхъ, великихъ снѣгахъ.

—

Въ Альпахъ, чѣмъ ближе къ долинамъ,
Краски цвѣтовъ все блѣднѣй,
Словно тускнѣютъ, почуявъ
Скучную близость людей.

—

Здѣсь—до болотъ ниспадаетъ
Грань вѣковѣчныхъ снѣговъ;
Тихая жизнь не свѣваетъ
Яркости Божьихъ цвѣтовъ;

—

Дружно пылаютъ гвоздики,
Рдѣютъ съ безсчетныхъ вершинъ
Мохомъ окутанныхъ кочекъ,
Вспоенныхъ влагой трясинъ.

XI.

Какіе здѣсь всему великіе размѣры!
Вотъ хоть-бы ловъ классической трески!
На крѣпкой бечевѣ, верстъ въ пять иль больше мѣры,
Что ни аршинъ, навѣшаны крючки;

—

Насквозь проколота на каждомъ рыбка бьется...
Пять верстъ страданій! Это-ль не длина?
Порою бечева китомъ, бѣлугой рвется—
Тогда страдать артель ловцовъ должна.

—

Въ морозный вихрь и снѣгъ,—а это-ль не напасти?—
Не день, не два, съ терпѣньемъ безъ границъ
Артель въ морской волнѣ распутываетъ снасти,
Сбивая ледъ съ промерзлыхъ рукавицъ.

—

И завтра то-же, вновь... Въ дому помору хуже:
Тутъ, какъ и въ морѣ, вѣчно сиръ и нищъ,
Живетъ онъ впроголодь, а спитъ во тьмѣ и стужѣ
На гнойныхъ нарахъ мрачныхъ становищъ.

XII.

Здѣсь, говорятъ, у нихъ, порой,
Смерть человѣку обликъ свой
Въ особомъ видѣ проявляетъ.

Когда, въ отливъ, вода сбѣгаетъ
И, между камнями, поморъ
Идетъ открытыми песками,
Путь сокращая,—кругозоръ
Его обманчивъ; подъ ногами
Песокъ не твердъ; поморъ спѣшитъ,—
Приливъ не ждетъ! Вдругъ набѣжитъ
Отвсюду! Вотъ уже мелькаютъ
Струи, бѣгущія назадъ;
То здѣсь, то тамъ опережаютъ,
Подъ камни льются, шелестятъ!
А вонъ, вдали, сѣдая грива
Ползущаго въ пескахъ прилива
Гудитъ, неистово реветъ
И водометами встаетъ...
Скорѣй, скорѣй! Но, нѣтъ дороги!
Пески сдаются, вязнутъ ноги,
Пески уходятъ подъ ногой...
Все выше волнъ гудящихъ строй!
Ихъ гряды мечутся высоко,
Чтобъ опрокинуться потомъ...
Все море лѣзетъ на-подъёмъ!
Спасенья нѣтъ... Блуждаетъ око...
Все глубже хлябь, растетъ приливъ!
Одолѣваемый песками,
Поморъ цѣпляется руками,
И онъ не мертвъ еще, онъ живъ—
А тяжкій гулъ морского хора,
Чтобъ крикъ его покрыть полнѣй,

Въ великой мощности напора
Стучитъ мильонами камней...

XIII.

Взобрался я сюда по ска̀ламъ;
Съ какимъ трудомъ на кручу взлѣзъ!
Внизу бурунъ терзаетъ море,
Кругомъ, по кочкамъ, мелкій лѣсъ...

—

Пигмеи-сосенки! Лѣтъ двѣсти
Любой изъ нихъ, а вышиной
Едва-едва кустовъ повыше;
Что ни сучокъ—больной, кривой.

—

Лѣтъ двѣсти жизни трудной, скучной
И ростъ такой... Вездѣ вокругъ
Не шумъ отъ вѣтра—трепетанье,
Какъ-будто робкій плачъ, испугъ...

—

Но счастье есть и въ нихъ: не знаютъ,
Не вѣдаютъ, что поюжнѣй,
Взрастаютъ сосны въ три обхвата
И съ пышной хвоею вѣтвей,

—

И что вдали, подъ солнцемъ юга,
Въ морскую синь съ вершинъ Яйлы̀

Сквозь сѣтки розъ и винограда
Глядятъ другихъ сестеръ стволы...

XIV.

Изъ тяжкихъ нѣдръ земли насильственно изъяты,
Надъ вѣчно бурною холодною волной,
Мурмàна дальняго гранитныя палаты
Тысячеверстною воздвиглися стѣной,
И пробуравлены ледяными вѣтрами,
И вглубь расщѐплены безмолвной жизнью льдовъ,
Онѣ ютятъ въ себѣ скромнѣйшихъ изъ сыновъ
Твоихъ, о родина, богатая сынами.

—

Здѣсь жизнь придавлена, обижена, бѣдна!
Здѣсь русскій человѣкъ предъ правдой лицезрѣнья
Того, что Божіимъ веленьемъ сведена
Граница родины съ границею творенья,
И глубь морскихъ пучинъ такъ страшно холоднà,—
Передъ живымъ лицомъ всевидящаго Бога
Слагаетъ прочь съ души, за долгіе года,
Всю тяготу вражды, всю немощность труда,
И говоритъ: сюда пришла моя дорога!
Скажи-же, Господи, отсюда мнѣ куда?

XV.

Хоть бы молніямъ свѣтиться!
Тьма надъ моремъ, тьма!
Вихорь, будто зрячій, мчится—
Онъ сошелъ съ ума...

—

Онъ выводитъ надъ волнами,
Изъ безсчетныхъ струнъ,
Гаммы съ рѣзкими скачками...
А поетъ бурунъ.

—

Что за свадьба? что за пляска?
Если-бъ увидать!
Тьма, какъ плотная повязка,—
Гдѣ ее сорвать...

—

Сердцемъ чуются движенья
Темныхъ силъ ночныхъ,
Изможженныя видѣнья,
Плачъ и хохотъ ихъ...

XVI.

Когда, на краткій срокъ, здѣсь ясенъ горизонтъ,
И солнце сыплетъ блескъ по о̀тмелямъ и лу̀дамъ.

Ни Адріатики волна, ни Геллеспонтъ
Такимъ темнѣющимъ не блещутъ изумрудомъ;

—

У нихъ не такъ густá бываетъ синь черты,
Дѣлящей горизонтъ на небо и на море...
Здѣсь вѣчность, въ вѣяньи суровой красоты,
Легла для отдыха и дышетъ на просторѣ!

ИЗЪ ПРИРОДЫ.

НА РѢКѢ ВЕСНОЙ.

Послѣднимъ льдомъ своимъ спирая
Судовъ высокіе бока,
Въ теплѣ весны, шипя и тая,
Готова тронуться рѣка.

На югъ сіяющій и знойный,
Къ странѣ счастливой, но чужой,
Ты добѣжишь, потокъ спокойный,
Своей работницей-волной.

Съ журчаньемъ нѣжнымъ и печальнымъ,
Другимъ звѣздамъ, въ вечерній часъ,
Инымъ землямъ и людямъ дальнимъ,
Рѣка, повѣдай и о насъ!

Скажи, какъ къ намъ весна приходитъ,
Что долго ждемъ, что скучны дни,
Что смерть съ весной здѣсь дружбу водитъ,
И люди гаснутъ, какъ огни...

* * *

Животворящій блескъ весны
Взглянулъ на землю съ вышины;
Изъ-подъ разрыхленныхъ снѣговъ
Зеленый тронулся покровъ,

Сквозь голубыя полыньи
Вздохнули волны и струи,
И день на много сталъ длиннѣй,
И небо дальнее синѣй...

И первый виденъ мотылекъ,
И первый бѣленькій цвѣтокъ,
И полонъ первыхъ пѣсенъ лѣсъ,
И солнце... и «Христосъ воскресъ!»

МАЙСКИМЪ УТРОМЪ.

(А. И. Сувориной.)

Ты весна, весна роскошная!
Несравненен твой нарядъ!
Разодѣвшись, будто къ празднику,
Всѣ кусты въ цвѣтахъ стоятъ!

Что ни цвѣтъ—то пламя жаркое!
Что ни почка—огонекъ!
У природы, знать, на щеченькахъ
Обозначился пушокъ!

Точно дымкой благовонною
Съ неисчислимыхъ стеблей
Тянетъ запахомъ чарующимъ
Отъ цвѣтовъ, какъ отъ огней!

Какъ потокъ, весна, несешься ты,
И изъ волнъ твоихъ цвѣты,
Опускаясь, осаждаются
На деревья и кусты...

Вотъ сирень идетъ! Вотъ жимолость!
Вотъ ясменная волна!
Вотъ и липа къ цвѣту тронулась...
Но ужъ это не весна...

Хоть одинъ цвѣтокъ хотѣлось-бы
Въ той пучинѣ изловить,
Чтобъ весны прожитой памятью
Въ темной книжкѣ уложить,—

Раздавить коронку нѣжную
И расправить на листѣ...
Бѣдный! Будешь ты, какъ распятый
И умершій на крестѣ!

Но зато ужь книжку выберемъ!
Развеселая она,
Всѣ разсказы въ ней смѣшливые,—
А съ краевъ—золоченà...

РАЗСВѢТЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Огонь, огонь! На небесахъ огонь!
Роса дымится, въ воздухъ отлетая;
По грудь въ рѣкѣ стоитъ косматый конь,
На ранній вѣтеръ уши навостряя.
По длинному селу, сквозь дымку темноты,
Идетъ обозъ съ богатой кладью жита;
А за селомъ погостъ и низкіе кресты,
И церковь древняя, чешуйками покрыта...
Вотъ ставней хлопнули: въ окнѣ старикъ сѣдой
Глядитъ и крестится на первый лучъ разсвѣта;
А вотъ и дѣвушка извилистой тропой
Идетъ къ рѣкѣ, огнемъ зари пригрѣта.
Готово солнце встать въ мерцающей пыли,
Крѣпчаетъ пѣнье птицъ подъ безконечнымъ сводомъ,
И тянетъ отъ полей гвоздикою и медомъ
И теплой свѣжестью распаханной земли...

ПРОЩАНІЕ ЛѢТА

Осень землю золотомъ одѣла
Холодѣя лѣто уходило
И землѣ сквозь слезы улыбаясь
На прощанье тихо говорило

Я уйду — ты скоро позабудешь
Эти ленты и цвѣтныя платья
Эти астры эти изумруды
И мои горячія объятья

Я уйду — роскошная южанка —
И къ тебѣ на выстывшее ложе
Низойдетъ любовница другая
И свѣжѣй и лучше и моложе

У нея алмазы въ ожерельѣ
Платье бѣло и синѣетъ льдами
Щеки блѣдны очи свѣтлосини
Волоса́ осыпаны снѣгами

О мой другъ! Оставь ее спокойно
Жать тебя холодною рукою
Я вернусь согрѣю наше ложе
Утомлю и утомлюсь съ тобою

* * *

Старый плющъ здѣсь ползетъ
Вдоль мохнатыхъ корней;
Ель, замшившись, растетъ—
Вся въ дремотѣ вѣтвей...
Опуститься-бъ въ тѣни,
Поглядѣть на закатъ,
Какъ ночные огни
Въ небесахъ заблестятъ,
И, съ темнѣющимъ днемъ,
Всѣмъ своимъ бытіемъ,
Какъ и день, отойти
На иные пути...

ВЪ ЛИСТОПАДЪ.

Ночь свѣтла, хоть звѣздъ не видно,
Небо скрыто облаками,
Роща темная бушуетъ
И бичуется вѣтвями.

По дорогѣ вѣтеръ вьется,
Листья скачутъ вдоль дороги,
Какъ безсчетные пигмеи
Къ великану, мнѣ, подъ ноги.

Нѣтъ, неправда! То не листья
Это—маленькіе люди:
Бьются всякими страстями
Ихъ раздавленныя груди...

Нѣтъ, не люди, не пигмеи!
Это—бывшія страданья,
Облетѣвшія мученья,
И поблекшія желанья...

Всѣхъ ихъ вмѣстѣ вѣтеръ гонитъ,
И безжалостно терзаетъ!
Вся дорога змѣемъ темнымъ
Подъ роями ихъ мелькаетъ...

Нѣтъ конца змѣѣ великой...
Вьется, бьется, копошится,
Въ даль и темень уползаетъ
Но никакъ не можетъ скрыться...

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

ПЕРВЫЙ МОРОЗЪ.

Гдѣ ты, лѣто красное?
Въ ночь пришелъ морозъ;
Листья осыпаются,
Блекнутъ въ морѣ слезъ.

Ходитъ смерть унылая,
Гложетъ жизнь съ вѣтвей.
Листики-покойнички
Тлѣютъ вдоль полей!

Не пируй, смерть лютая!
Погляди: съ сучковъ
Смотрятъ почки новыя
Будущихъ листковъ!

МАЛО СВѢТУ...

Мало свѣту въ нашу зиму!
Воздухъ теменъ и не чистъ;
Не подняться даже дыму—
Такъ онъ грузенъ и слоистъ,

Онъ мѣшается съ туманомъ;
Въ немъ снуютъ со всѣхъ сторонъ,
Караванъ за караваномъ,
Стаи галокъ и воронъ...

Мгла по лѣсу, по болоту...
Да, задача не легка—
Пересиливать дремоту
Чуть замѣтнаго денька!

СНѢГА.

Мѣсяцъ въ небѣ высокомъ стоитъ,
Степь, покрытая снѣгомъ, блеститъ,
И ужъ сколько сіяетъ по ней
Голубыхъ и зеленыхъ огней!..

Неподвижная ночь холодна,
И глубоко-нѣма тишина,
И ломается въ воздухѣ свѣтъ
Проплывающихъ звѣздъ и планетъ...

Вотъ изъ бѣлыхъ, глубокихъ снѣговъ,
На какой-то таинственный зовъ,
Словно бѣлые люди встаютъ,
И встаютъ, и идутъ, и растутъ!

Свѣтятъ лики неясные ихъ,
И проходятъ одни сквозь другихъ,
И по степи мерцаетъ вокругъ
Много, много свѣтящихся рукъ...

ВЪ ЛѢСУ.

Не сразу ты остынулъ къ ночи, лѣсъ!
Слѣдъ дня прошедшаго не вдругъ въ тебѣ исчезъ,
И въ ночь холодную еще слышна теплынь
Между твоихъ растительныхъ твердынь.

Не такъ-ли дерева̀ заснувшія твои
Теплы, какъ мы теплы преданьями семьи,
И въ холодъ долгій нашихъ позднихъ дней
Въ насъ дѣйствуетъ любовь отцовъ и матерей?

Рѣшенье честное намъ кажется порой
Какимъ-то подвигомъ, осиленнымъ душой,—
А въ немъ вершитъ совсѣмъ не хитрый слѣдъ
Простой преемственности самыхъ раннихъ лѣтъ...

ТУЧИ И ТѢНИ.

Тучки набѣжали, тѣни раскидали,
Смотрятъ съ неба синяго, смотрятъ съ высокà,
Какъ легли ихъ тѣни и куда упали:
На холмы, на пажити, въ волны озеркà.

—

Молвятъ тучамъ тѣни: «Золотыя гряды,
Вамъ-ли счастье, радости, краски не даны,
Вамъ-ли нѣтъ раздолья, вамъ-ли нѣтъ отрады
Въ переливахъ радужныхъ свѣтлой вышины?»

—

Отвѣчаютъ тучи: «Темныя созданья,
Бѣдныя завистницы долей вамъ чужихъ!
Ближе вы къ юдоли плача и страданья,
Но зато вы въ близости радостей людскихъ...»

ОСЕННІЙ МОТИВЪ.

Мой старый кленъ съ могучею листвою,
Еще ты густъ и зеленъ, и тѣнистъ,
А между тѣмъ чуть видной желтизною
Уже слегка озолоченъ твой листъ..

—

Еще и птицъ напѣвы голосисты,
Ты ими полнъ, какъ плескомъ бѣгъ рѣки;
Еще висятъ вдоль плечъ твоихъ монисты —
Твоихъ сѣмянъ созрѣвшихъ мотыльки.

—

Въ нихъ бывшій цвѣтъ—твои воспоминанья,
Остатки чувствъ, испытанныхъ тобой;
Но ты сказалъ имъ только: «До свиданья!»
Ты будешь жить и будущей весной.

—

Глубокій сонъ зимы обледенѣлой
Додремлешь ты и, покидая сны,

Весь обновленъ, листвой своей всецѣло
Отдашься ласкамъ будущей весны.

—

Для насъ — не то. Хотя живутъ стремленья,
И въ сердцѣ пѣснь, и грезъ душа полна,
Но, старый другъ, нѣтъ людямъ обновленья,
И жизнь идетъ, какъ нить съ веретена.

УТРО.

Вотъ роса невидимо упала,
И востокъ готовится пылать;
Зелень вся какъ-будто-бы привстала
Поглядѣть, какъ будетъ ночь бѣжать.

Въ этотъ часъ повсюду пробужденье...
Облака, какъ странники въ плащахъ,
На востокъ сошлись на поклоненье,
И горятъ въ пурпуровыхъ лучахъ.

Солнце выйдетъ, странниковъ увидитъ,
Станетъ ихъ и грѣть и золотить;
Всѣхъ согрѣетъ, малыхъ не обидитъ,
И пошлетъ дождемъ нашъ міръ кропить!

Дождь пойдетъ безъ толку, безъ разбора,
Застучитъ по камнямъ, по водамъ,
Кое-что падетъ на долю бора,
Мало-что достанется полямъ!

AMARYLLIS.

Тамъ, гдѣ тебя воспитаютъ,
Дальняго юга цвѣтокъ,
Всюду, чуть дни наступаютъ,
Ты расцвѣтаешь въ свой срокъ.

Будто съ чьего-то велѣнья,
Нити, незримыя намъ,
Вдругъ сообщаютъ движенья
Именно этимъ цвѣтамъ!

Будто-бы кѣмъ-то влекома
Жизнь, въ срокъ завѣтныхъ минутъ,
Скажетъ: «Весна у васъ дома,
Надо цвѣсти!..»—и цвѣтутъ.

ЖАЛЬНИКЪ.

(А. П. Милюкову.)

Ну-ка! Валите и букъ, и березу,
Деревцо малое, стволъ вѣковой,
Осокорь, дубы, и сосну, и лозу,
Ясень и кленъ,—все подъ корень долой!
Поле чтобъ было! А поле мы вспашемъ;
Годикъ, другой и забросимъ потомъ...
Голую землю, усталую—нашимъ
Дѣтямъ оставимъ и прочь отойдемъ!

А ужъ чтобъ гдѣ приберечь по дороженькѣ
Дерево, чтобы далò оно тѣнь,
Чтобы подъ нимъ утомленныя ноженьки
Вытянулъ путникъ въ удушливый день,—
Этой, въ народѣ, черты не отыщется,
Вѣтру привольно и весело рыщется!
Сколько въ далекую даль не гляди,
Все пустота—ничего впереди!
Но остаются по лѣсѣ печальники...

Любитъ нашъ темный народъ сохранять
Рощицы малыя! Имя имъ—жальники!
Мѣткое имя,—умѣютъ назвать!
Въ мѣстности голой совсѣмъ потонувши,
Издали видный какимъ-то пятномъ,
Жальникъ едва прозябаетъ, погнувши
Вѣтви подъ тяжкимъ, глухимъ бытіемъ!..
Мощные вихри насквозь пробираютъ,
Солнце отвсюду безщадно палитъ;
Влаги для роста куда не хватаетъ...
Жалокъ ты жальникъ... нерадостный видъ...

Бѣдный ты, бѣдный! Совсѣмъ беззащитенъ...
Но бережетъ тебя черный народъ;
Хворыхъ березанекъ, чахлыхъ ракитинъ
Онъ не изводитъ въ конецъ, не деретъ...
И, безпощадно снося великановъ
Съ ихъ глубоко развѣтвленныхъ корней,—
Въ избахъ, въ поддонкахъ разбитыхъ стакановъ
Въ битыхъ горшечкахъ, на радость дѣтей,
Всюду охотно разводитъ герани,
Гонитъ корявый лимонъ изъ зерна!..
Скромные всходы благихъ начинаній
Чахнутъ въ пыли, въ паутинѣ окна...

УТРО НАДЪ НЕВОЮ.

Вспыхнуло утро въ туманахъ блуждающихъ,
Трепетно, робко сказалось едва...
Точно какъ сѣткою блестокъ играющихъ,
Мало-по-малу покрылась Нева!

—

Кой-гдѣ блеснутъ! Въ полутѣнь облаченныя,
Высятся зданья надъ сонной водой,
Словно на лики свои оброненные
Молча глядятся, любуясь собой.

—

Свѣта все больше... За тѣнью лиловою
Солнце чеканитъ струей огневой
Мачты судовъ надъ водой бирюзовою,
Выше ихъ, ярче ихъ—шпиль крѣпостной;

—

Давняя мачта! Огней прибавляется!
Блескъ такъ великъ, что гдѣ чайка крыломъ
Тронетъ волну—блескъ волны разрывается,
Гребень струи проступаетъ пятномъ.

—

Вонъ, пробираясь, какъ-будто съ усильями,
Въ этомъ великомъ свѣту, кое-гдѣ
Ялики веслами машутъ, какъ крыльями,
Свѣтлыя капли роняя къ водѣ...

—

Что-то какъ будто восточное, южное
Видится всюду! Какой-то налетъ,
Пыль перламутра, сіянье жемчужное—
Вдоль широко разгорѣвшихся водъ...

—

Вотъ... Вотъ и говоръ пошелъ, и несмѣлое
Всюду движенье; замѣтенъ народъ...
Гибнетъ картина, какъ чудное цѣлое
Сгинетъ совсѣмъ, по частямъ пропадетъ...

—

Ну, и тогда, если гдѣ надъ пучиною
Чайка задѣнетъ плывучую глыбь,
Тамъ не пятно промелькнетъ надъ картиною—
Блестками, искрами скажется зыбь!

НАШИ ПТИЦЫ.

Наши обычныя птицы прелестныя,
Галка, ворона и воръ-воробей!
Счастливымъ странамъ не столько извѣстныя,
Сколько извѣстны отчизнѣ моей...

Ваши окраски все сѣрыя, черныя,
Да и обличьемъ вы очень просты:
Клювы, какъ клювы, прямые, проворные,
И безъ фигурчатыхъ перьевъ хвосты.

Въ непогодь, вьюги, буруны, метелицы—
Все вы, голубчики, тутъ, подлѣ насъ,
Жизни пернатоїі не вѣсть-что—бездѣлицы,
Вы утѣшаете сердце подчасъ.

И для картины вы очень существенны
Въ долгую зиму въ поляхъ и лѣсахъ!
Всѣ ваши сборища шумны, торжественны,
И происходятъ у всѣхъ на глазахъ.

Это не то, что сова пучеокая,
Или отшельница-птица челнà—
Только гдѣ темень, гдѣ чàща глубокая,
Тамъ ей пріятно, тамъ дома она!

Съ вами иначе. То вдругъ вы слетаетесь
Стаей большой на дорогу; по ней
Ходите, клюете и не пугаетесь,
Даже нисколько людей и коней.

То вы весь видъ на картину мѣняете,
Въ лѣсъ на опушку съ дороги слетѣвъ,
Бѣлую въ черную вдругъ обращаете,
Сотнями въ снѣжныя вѣтви насѣвъ.

То, какъ лоскутина флера, таскаетесь
Стаей крикливою вдоль по полямъ,
Тутъ подбираетесь, тамъ раздвигаетесь
Чернымъ пятномъ по безцвѣтнымъ снѣгамъ.

Жизнь хоть и скромная, жизнь хоть и малая,
Хоть не большая, а все благодать,
Жизнь въ испытаньяхъ великихъ бывалая,
Годная многое вновь испытать...

ЕЛЬ И ОЛИВА.

Знаете-ль вы, отчего тотъ обычай ведется,
Что у людей знакомъ мира считаются вѣтви оливы?
Если война надъ страною бичомъ пронесется,
Села сожжетъ и потопчетъ богатыя нивы,—
Больше всѣхъ прочихъ деревьевъ, кустовъ и растеній пахучихъ
Времени нужно оливѣ, чтобъ рощею стать снежкудрой!
Вотъ почему отъ египтянъ и грековъ, и римлянъ могучихъ,
Этотъ обычай ведется старинный и мудрый...

Знаете-ль вы, отчего тотъ обычай ведется,
Что украшаютъ въ сочельникъ зеленыя ели?
Лгунья зеленая ель! Все въ нарядѣ своемъ остается,
Какъ по веснѣ зелена въ снѣговыя метели!
Только внесутъ ее въ комнату—лѣсомъ пахнетъ и смолою!
Дѣды на маленькихъ внуковъ глядятъ, веселятся!
И забываютъ, что это не ель подъ парчей огневою,—
Трупъ уничтоженной ели, начавшій слегка разрушаться!

И, какъ природа не прочь подтрунить, иногда, поучая,
Такъ это вышло и съ сѣверной елью, и съ южной оливой:

Плодъ многотрудный оливъ гастрономы, жиркомъ заплывая,
Звучно смакуютъ въ довольствѣ и лѣни счастливой;
Елка же, свѣтлая елка, пылавшая людямъ въ сочельникъ
Въ звѣздахъ, въ игрушкахъ, сластяхъ и фигуркахъ
шутливыхъ,—
Вдругъ обращается въ темный, обильно разбросанный
ельникъ
Вдоль по унылой дорогѣ, подъ тяжестью дрогъ молчаливыхъ...

НА ОЗЕРѢ ОСЕНЬЮ.

Спустилась осень. Обмелѣла.
Вода на озерѣ давно.
Вдоль береговъ открылось дно;
Въ сырыхъ пескахъ кой-гдѣ засѣла
Коряга здѣсь, а тамъ бревно.
Въ туманы озеро одѣто;
Его колеблемая гладь
Не любитъ яркихъ красокъ свѣта
Въ спокойныхъ нѣдрахъ отражать.
По мелямъ, чуть вода спадала,
Она рисунки оставляла
И разбросала между нихъ
Остатки длинныхъ травъ своихъ.
Застряли ракушки повсюду,
И стаи чаекъ, отъ воды
Слетаясь къ лакомому блюду,
Повсюду тиснули слѣды
Своихъ когтей; весь день гуляя
Онѣ, скорлупки разбивая,

Великой бойней заняты...
Морозцемъ выжжены цвѣты,
И листъ поблекшій, застывая
На мѣстѣ томъ, гдѣ онъ упалъ,
Собою травы покрывая,
Густой коверъ образовалъ.
Заря чуть брезжитъ, проступая,
Повсюду легкій мракъ разлитъ...
Заря какъ-будто-бы таитъ:
Гдѣ взглянетъ солнышко, вставая!
Совсѣмъ не то, что по веснѣ!
Когда въ ночи̂, въ часы любые,
Тамъ, на востокѣ, въ сторонѣ,
Не гаснутъ тучки золотыя,
И пламя тлѣющее ждетъ—
Вотъ, вотъ раздуетъ какъ придетъ!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

I.

Мефистофель въ пространствахъ.

Я кометой горю, я звѣздою лечу
И, куда посмотрю, и когда захочу,
Я мгновенно вездѣ проступаю!
Означаюсь струей въ планетарныхъ парахъ,
Содроганіемъ звѣздъ на старинныхъ осяхъ—
И внушаемый страхъ—замѣчаю!..

Я упасть—не могу, умереть—не могу!
Я не лгу лишь тогда, когда истинно лгу—
И я міръ возлюбилъ той любовью,
Что купила его всѣмъ своимъ существомъ,
Чувствомъ, мыслью, мечтой, всею явью и сномъ—
А не только распятьемъ и кровью.

Надо мной-ли вѣнецъ не по праву горитъ?
У меня-ль на устахъ не по праву царитъ
Безпощадная, злая улыбка?!..
Да, въ концертѣ творенья, что уши деретъ,

И тогда только вѣрно поетъ, когда вретъ —
Я, конечно, первѣйшая скрипка...

Я великъ и силенъ, я безстрашенъ и золъ;
Мнѣ печали вѣковъ разожгли ореолъ,
И онъ выше, все выше пылаетъ!
Онъ такъ ярко горитъ—что и солнечный свѣтъ,
И сіянье блуждающихъ звѣздъ и кометъ—
Будто пятна въ огнѣ освѣщаетъ!

Будетъ день, я своею улыбкой сожгу
Всѣхъ системъ пузыри, всѣхъ міровъ пустельгу,
Все, чему такъ пріятно живется...
Да скажите-же: развѣ не видите вы,
Какъ у всѣхъ на глазахъ, изъ своей головы,
Мефистофелемъ міръ создается?!

Не съ бородкой козла, не на тощихъ ногахъ,
Въ епанчѣ и съ перомъ при чуть видныхъ рогахъ,
Я брожу и себя проявляю:
Въ мелочь, въ звукъ, въ ощущенье, въ вопросъ и въ отвѣтъ,
И во всякое «да» и во всякое «нѣтъ»,
Невѣсомъ, я себя воплощаю!

Добродѣтелью лгу, преступленьемъ молюсь!
По фигурамъ мазурки политикой вьюсь,
Убиваю, когда поцѣлую!
Хороню, сторожу, отнимаю, даю—
Раздробляю великую душу мою
И, могу утверждать—торжествую!..

II.

На прогулкѣ.

Мефистофель шелъ, гуляя,
По кладбищу, вдоль могилъ...
Теплый, яркій полдень мая
Ликъ усталый золотилъ.

Мусоръ, хворостъ, тьма опенокъ,
Гниль какого-то ручья...
Видитъ: брошенный ребенокъ
Въ сверткѣ грязнаго тряпья.

Живъ! Онъ взялъ ребенка въ руки,
Подъ терновникомъ присѣлъ
И, поддѣлавшись подъ звуки
Дѣтской пѣсенки, запѣлъ:

«Ты расти и добръ и честенъ;
«Мать отыщешь—уважай;
«Будь терпѣніемъ извѣстенъ,
«Не воруй, не убивай!

«Бога, самаго большого,
«Одного въ душѣ имѣй;
«Не желай жены другого;
«День субботній чти, говѣй...

«Ты евангельское слово
«Такъ, какъ должно исполняй,
«Какъ себя люби другого;
«Бьютъ—такъ щеку подставляй!

«Пусть блистаетъ добродѣтель
«Не сгорающимъ огнемъ...
«Amen! Amen! Богъ свидѣтель,
«Любъ ты будешь мнѣ по немъ!

«Нынче время наступило,
«Новой мудрости пора...
«Что-жъ бы, впрямь, со мною было,
«Еслибъ не было добра!?

«Для меня добро безцѣнно!
«Нѣтъ добра, такъ нѣтъ борьбы.
«Нужны мнѣ, и несомнѣнно,
«Добродѣтелей горбы...

«Будь-же добръ!» покончивъ съ пѣньемъ,
Онъ ребенка положилъ
И своимъ благословеньемъ
Въ сверткѣ тряпокъ осѣнилъ!

III.

Преступникъ.

Вѣшаютъ убійцу въ городѣ на площади,
И толпа отвсюду смотритъ необъятная!

Мефистофель тутъ-же; онъ въ толпѣ шатается;
Вдругъ въ него запала мысль совсѣмъ пріятная.

—

Обернулся мигомъ. Сталъ самимъ преступникомъ;
На себя веревку помогалъ набрасывать;
Вздернули, повѣсили! Мефистофель тѣшится,
Началъ выкрутасы въ воздухѣ выплясывать.

—

А преступникъ скрытно въ людяхъ пробирается,
Злодѣянье новое въ немъ тихонько зрѣетъ,
Какъ бы это чище, лучше сдѣлать думаетъ,
Какъ удрать не пойманнымъ,—это онъ съумѣетъ.

—

Мефистофель радостно, истинно доволенъ,
Что два дѣла сдѣлалъ онъ людямъ изъ пріязни:
Человѣка сквернаго отпустилъ на волю,
А толпѣ далъ зрѣлище всенародной казни.

IV.

Шарманщикъ.

Воздуху, воздуху! Я задыхаюсь...
Эта шарманка, что уши пилитъ,
Мучаетъ, душитъ... я мыслью сбиваюсь...
Глупый шарманщикъ, въ окошко глядитъ!

Эту забытую пѣсню, когда-то,
Слушалъ я иначе, слушалъ душой,
Слушалъ тайкомъ... скрылъ отъ друга, отъ брата!
Думалъ: не знаетъ никто подъ луной...

Вдругъ ты воспрянула, заговорила!
Полная нѣги, мечтѣ говоришь,
Время-ли, что-ли, тебя измѣнило?
Нотъ не хватаетъ—а все ты звучишь!

Значитъ, подслушали насъ! Ударенья
Ясны и четки на тѣхъ-же словахъ,
Что и тогда, въ эту ночь увлеченья...
Память сбивается, на сердцѣ страхъ!

Злая шарманка пилитъ и хохочетъ,
Пѣсня безумною стала сама,
Мысль, погасая, проклятья бормочетъ...
Не замолчишь ты,—сойду я съ ума!

Слышу, что тянетъ меня на отмщенье...
Но, вѣдь то время погасло давно,
Нѣтъ тѣхъ людей... нѣтъ ея!.. Навожденье!..
Глупый шарманщикъ все смотритъ въ окно!

V.

Мефистофель незримый на раутѣ.

Въ запахѣ изысканномъ,
Съ свойствами дурмана,
Въ волнахъ Jockey Club'a

И Ilang Ilang'а,
На блестящемъ раутѣ
Знàти свѣтлолобой,
Мефистофель движется
Самъ своей особой!
И глядитъ съ любовію
На одежды разныя,
Какъ блестятъ на женщинахъ
Крестики алмазные!

Общество сидѣло,
Тараторило,
Издѣвалось, лгало,
Пустословило!...
Чудилось: то были
Змѣи пестрыя!
Въ каждомъ рту чернѣли
Жала острыя!
И въ роскошной залѣ
Угощаючись,
Въ креслахъ, по диванамъ
Извиваючись,
Изъ глубокихъ щелей,
Изъ земли сырой
Съ сладостнымъ шипѣньемъ
Собрался ихъ рой...

Чуть кто выйдетъ въ двери,—
Какъ кинжалами,

Вслѣдъ за нимъ стремятся,
Блещутъ жалами!
Занимались долго
Съ умиленіемъ,
Часто чуть не плача,
Поношеніемъ...
А когда до нельзя
Иззлословились,
Задушить другъ дружку
Приготовились!
А когда хозяйка,—
Очень крупный змѣй,—
Позвала на ужинъ
Дорогихъ гостей,—
Веселы всѣ были,
Будто собрались
Вѣшать человѣка
Головою внизъ!...
Въ запахѣ изысканномъ,
Съ свойствами дурмана,
Въ волнахъ Jockey Club'а
И Ilang Ilang'а
Мефистофель движется,
Упиваясь фразами,
И не меркнутъ крестики—
Все блестятъ алмазами!!

VI.

Цвѣтокъ, сотворенный Мефистофелемъ.

Когда морозъ зимы наляжетъ
Холодной тяжестью своей
И все, что двигается, свяжетъ
Цѣпями тысячи смертей;

Когда надъ замершею степью
Сіянье полночи горитъ,
И, поклоняясь благолѣпью
Небесъ, земля на нихъ глядитъ,—

Въ юдоли смерти и молчанья,
Въ холодныхъ, блещущихъ лучахъ,
Съ чуть слышнымъ трепетомъ дрожанья
Цвѣтокъ является въ снѣгахъ!..

Нѣжнѣйшихъ иглъ живыя ткани,
Его хрустальные листы
Огнями сѣверныхъ сіяній,
Какъ сокомъ красокъ, налиты!

Чудна блестящая порфира,
Въ ней чары смерти, прелесть зла!
Онъ — отрицанье жизни міра,
Онъ — отрицаніе тепла!

Его, рожденнаго зимою,
Никто не видитъ и не рветъ,

Лишь замерзающій порою
Сквозь сонъ едва распознаетъ!

Слезами смерти онъ опрысканъ,
Въ немъ звуки есть, въ немъ есть напѣвъ!
И только тотъ цвѣткомъ тѣмъ взысканъ,
Кто отошелъ, окоченѣвъ...

VII.

Мефистофель въ своемъ музеѣ.

Есть за гранью міозданья
Заколоченныя зданья,
Неизвѣданные склады, —
Гдѣ положены громады
Всякихъ плановъ и моделей,
Неисполненныхъ проектовъ,
Смѣтъ, балансовъ и проспектовъ,
Не добравшихся до цѣлей!

Тамъ же тлѣютъ ворохами
Съ перебитыми вѣнцами
Закатившіяся звѣзды...
Тамъ, въ потемкахъ свивши гнѣзды,
Силы темныя роятся,
Свадьбы празднуютъ, плодятся...

Въ томъ хаосѣ галлерея
Вьется, какъ въ утробѣ змѣя.

Между гнили и развалинъ!
Щель большая! Изъ прогалинъ
Боковыхъ, безсчетныхъ щелей, —
Отъ проектовъ и моделей
Вѣетъ сырость разложенья
Въ этотъ выкидышъ творенья!

Тамъ, друзьямъ своимъ въ потѣху,
Ради штуки, ради смѣху,
Мефистофель складъ устроилъ:
Собралъ всѣ свои костюмы,
Порожденья темной думы,
Собралъ ихъ и упокоилъ!

Подъ своими нумерами,
Всѣ они висятъ рядами,
Будто содранныя шкуры
Съ демонической натуры!
Видны тутъ скелеты смерти,
Астароты и вампиры,
Самотракскіе кабиры,
Сатана и просто черти,
Дьяволъ въ сотняхъ экземпляровъ,
Духи мора и пожаровъ,
Обликъ кардинала Реца,
И Елена — la Belezza!

И въ часы отдохновенья
Мефистофель залетаетъ
Въ свой музей, и вдохновенья

Отъ костюмовъ ожидаетъ
Куритъ онъ свою сигару,
Ногти чиститъ и шлифуетъ!
Носитъ фрачную онъ пару
И съ мундиромъ чередуетъ;
Сшиты каждый по идеѣ,
Очень ловки при движеньи...
Находясь въ употребленьѣ,
Не имѣются въ музеѣ!

VIII.

Соборный сторожъ.

Спятъ они въ храмѣ подъ плитами,
Эти безмолвные грѣшники!
Гробы ихъ прочно подѣланы:
Все то дубы, да орѣшники...

Самъ Мефистофель тамъ сторожемъ
Ходитъ подъ древними стягами..
Чиститъ онъ, день-деньской возится
Съ урнами и саркофагами.

Ночью, какъ храмъ обезлюдѣетъ,
Съ тряпкой и щеткой обходитъ!
Пламя змѣится и брыжжетъ,
Тамъ, гдѣ рукой онъ проводитъ!

Жжетъ это пламя покойниковъ...
Но, есть такія могилы,
Гдѣ Мефистофелю-сторожу
Вызвать огонь не подъ силу!

Въ нихъ идіоты опущены,
Нищіе духомъ отчитаны;
Точно водой, глупой кротостью,
Эти могилы пропитаны.

Гаснетъ въ водѣ этой пламя!
Не откачать и не вылить...
И Мефистофель не можетъ
Нищенства духомъ осилить!

IX.

Въ вертепѣ.

Милости просимъ, гнуситъ Мефистофель, войдемъ!
Дымъ, паръ и копоть; любуйся какое движенье!
Пятнами свѣта сіяютъ гдѣ локоть, гдѣ грудь,
Кто-то акаѳистъ поетъ! Да и мнѣ слышно пѣнье...

Тутъ проявляется, въ темныхъ фигуркахъ своихъ,
Крайнее слово всей вашей крещеной культуры!
Стоитъ, мошной побренчавъ, къ преступленью позвать:
Все, все исполнятъ милѣйшія эти фигуры...

Слушай, мой другъ, но прошу—не серчай, сдѣлай милость!
За двадцать три слишкомъ вѣка до этихъ людей,
Вслѣдъ за Платономъ, отлично писалъ Аристотель;
За девятнадцать — погибъ Іисусъ Назарей...

Ну и скажи мнѣ, кто лучше: вотъ эти, иль тѣ,
Что, безымянные, даже и Бога не знаютъ
Въ дебряхъ, въ степяхъ неизвѣданныхъ странъ народясь,
Знать о себѣ не даютъ и тайкомъ умираютъ.

Ну да и я, заключилъ Мефистофель, живу
Только лишь тѣмъ, что злой сонъ видитъ міръ на яву,
Вашей культурѣ спасибо!... Онъ руку мнѣ сжалъ,
И доброй ночи преискренно мнѣ пожелалъ.

X.

Полишинели.

Есть въ продажѣ на рынкахъ, на тесьмахъ, на пружинкахъ
Картонажные полишинели.
Чуть за нитку потянутъ, вдругъ огромными станутъ!
Уменьшились, — опять подлиннѣли...

Вотъ беретъ Мефистофель человѣческій профиль,
Относимый къ хорошимъ, къ почтеннымъ,
И въ общественномъ мнѣньи создаетъ измѣненье
По причинамъ, совсѣмъ сокровеннымъ.

Такъ, вотъ этотъ! Считаютъ, что другого пе знаютъ,
Кто бы такъ былъ уменъ и такъ честенъ,
Все въ немъ складно—не худо, однимъ словомъ что чудо!
Добръ и кротокъ, красивъ и прелестенъ!

А сегодня открыли, всѣхъ и вся убѣдили,
Что во всемъ онъ, и всюду ничтоженъ!
Что живетъ слишкомъ робко, да и глупъ онъ, какъ пробка,
Зломъ и завистью весь растревоженъ!

А вотъ этотъ? Сегодня, какъ у гроба Господня
Бѣсноватый, сухой, прокаженный,
И поруганъ и боленъ, и терпѣть приневоленъ,
Весь ужасной болѣзнью прожженный!

Завтра — дѣтище свѣта! Мужъ большого совѣта,
Гдѣ и равный ему не найдется...
Возвеличился профиль! Дернулъ нить Мефистофель
И кривлянью фигурки смѣется...

ИЗЪ ДНЕВНИКА ОДНОСТОРОННЯГО ЧЕЛОВѢКА.

* * *

Да, да! общественныя язвы
Горятъ на насъ!
Отъ этихъ язвъ свѣтло бываетъ
Въ недобрый часъ!
И какъ у музыки есть краски,
Свобода есть на днѣ тюрьмы,
Есть зло въ добрѣ, у злобы—ласки,
Такъ есть и свѣтъ у самой тьмы!

—

Истосковались вы, любезные друзья!
Дней лучшихъ нѣтъ, и не идетъ спасенье...
Прочтемте-же скорѣе въ утѣшенье
Стихи о первыхъ дняхъ изъ Книги Бытія!
И будемъ ожидать чтобъ воплотилось «Слово»...
Что до «Хаоса» въ жизни—это все готово...

* * *

Изъ Капра и Ментоны,
Исполняя церкви чинъ,
Къ намъ везутъ мужья и жены
Прахъ любимыхъ половинъ...

Въ деревняхъ и подъ столицей
Ихъ хоронятъ на Руси:
На, молъ, жилъ ты за границей—
Такъ земли родной вкуси!

Бреннымъ тѣломъ на подушкѣ
Все отдай, что взялъ, назадъ...
За рубли вернувъ полушки,
Русскій край, ты будешь радъ!

* * *

Да, нынче нравятся «Записки», «Дневники»!
Жизнишки глупыя, ихъ мелкіе грѣшки
Ползутъ на свѣтъ и требуютъ признанья!
Изъ худосочія и умственныхъ разстройствъ,
Изъ лѣни, зависти и прочихъ милыхъ свойствъ
Слагаются у насъ бытописанья—
И эта пища по зубамъ
Беззубымъ намъ!

—

* * *

Что, камни не живутъ? Не можетъ быть! Смотри,
Какъ дружно всѣ они краснѣютъ въ часъ зари,
Какъ сохраняютъ въ ночь то мягкое тепло,
Которое съ утра отъ солнца въ нихъ сошло!
Какой ужасный гулъ идетъ отъ мостовыхъ!
Какъ крѣпки камни всѣ въ призваніяхъ своихъ,—
Когда они рѣку вдоль берега ведутъ,
Когда покойниковъ, накрывши, стерегутъ,
И какъ гримасничаютъ долгіе вѣка,
Когда ваятеля искусная рука
Увѣковѣчитъ намъ, подъ лоскомъ красоты,
Чьи-либо гнусныя, проклятыя черты!

* * *

За цѣлымъ рядомъ всяческихъ изъятій
У насъ литературѣ нѣтъ занятій,
И литераторы отъ скуки заняты
Тѣмъ, что гвоздятъ другъ друга на кресты,
Являя взорамъ меньшихъ братій
Ряды комическихъ распятій...
Вздохнешь-ли ты?

—

*
* *

Не стонетъ справа отъ меня больной,
Хозяйка слѣва спорить перестала,
И дѣти улеглись въ квартирѣ надо мной.
И вотъ, кругомъ меня такъ тихо, тихо стало!

Газета дня передо мной раскрыта...
Она мнѣ не нужна, я всю ее прочелъ:
Попрежнему въ ходу ослиныя копыта,
И за клочокъ сѣнца идетъ на пытку волъ!

И такъ я утомленъ отсутствіемъ свободы,
Такъ отупѣлъ отъ доблестей людей,
Что крики кошекъ и возню мышей
Готовъ привѣтствовать, какъ голоса природы.

*
* *

Въ этой внимательной администраціи,
Какъ въ геологіи—всюду слои!
Дремлютъ живыя, когда-то, формаціи,
Видятъ отжившія грезы свои.
Часто разбиты, но, изрѣдка, въ цѣлости
Эти слои! Въ нихъ особенность есть:
Затхлыя издавна окаменѣлости
Могутъ, порой, и плодиться, и ѣсть!

—

* * *

Если вспомнить: сколько всѣхъ народовъ,
Отъ начала и по этотъ годъ,
Сномъ могилы смерть угомонила
И сложила къ мертвымъ въ общій счетъ...

Если вспомнить: сколько грезъ, мечтаній,
Въ этихъ людяхъ, изъ глубокой мглы,
Зарождалось, и онѣ, несмѣтны,
Поднимались въ небо, какъ орлы!—

Чѣмъ тогда является въ сравненьѣ
Личной жизни злая суета,
Тотъ порывъ, такое-то стремленье,
Та, иль эта бѣдная мечта?

—

* * *

Дни и ночи жизни
Шли они, плодились,
Всѣ, молчкомъ, куда-то
Словно провалились,

И, нырнувши въ волны
Камнями, не споря,
Спятъ подъ гулъ и грохотъ
Взявшаго ихъ моря!

Съ проблескомъ денницы
Сутки, чуть родятся,
Думаютъ: «Вотъ мы-то,
Намъ-то удивятся!

«Насъ-то, вотъ, признаютъ!
Мы...» Съ мечтой такою
Сутки въ глубь ныряютъ
Думать подъ водою...

—

* * *

Что такое—убѣжденья?
Мыслей старыя мозоли,
Слѣдъ натруживаній долгихъ
И источникъ острой боли!
Ну, а быть безъ убѣжденій?
Значитъ: не имѣть мозолей,
По коврамъ ходить и въ туфляхъ,
И не знать несносныхъ болей!

* * *

Вотъ Ма̀лаховъ курганъ! Снимаю шапку
И кланяюсь незримой крови славнаго кургана!..
Прозванье Малаховъ осталось за тобою,
Какъ говорятъ, отъ очень старыхъ дней,
Отъ пьяницы завзятаго!.. Вотъ вамъ и слава,
И памятникъ безсмертный, какъ природа!
Былъ нуженъ пьяница, чтобъ кличку дать горѣ,—
Безсмертью пьяницы былъ нуженъ Севастополь..

—

* * *

Ты умный человѣкъ, объ этомъ нѣтъ и спора!
Ничто не скроется отъ опытнаго взора,
И все, чѣмъ оптика вооружила глазъ,
Тебѣ извѣстно, и ты смотришь въ насъ.
Профессоръ! Ты постигъ всѣ мудрости Европы,—
Вотъ отъ того-то здѣсь, наморщивъ гладкій лобъ,
Ты такъ мучительно уткнулся въ микроскопъ,—
А надобно-бы лѣзть глядѣть подъ телескопы...

* * *

И они въ звукахъ пѣсни, какъ рыбы въ водѣ,
Плавали, плавали!
И тревожили ночь, благовонную ночь,
Звуками, звуками!
Вызывала она на любовь, на огонь,
Голосомъ, голосомъ,
И онъ ей отвѣчалъ, будто вправду пылалъ,
Теноромъ, теноромъ!
А въ саду подъ окномъ, ухмылялась тайкомъ
Парочка, парочка,—
Эти молоды были и пѣть не могли,
Счастливы, счастливы...

—

* * *

Что намъ считаться заслугами партіи,
Блескомъ, огнемъ корифеевъ своихъ,—
Если-бъ и были намъ выданы хартіи,—
Все-бы равно мы испошлили ихъ!
Намъ не сберечь ни единаго сокола,
Съ голоду, видно, кончать имъ судьба:
Сверху, и снизу, и подлѣ, и около
Рѣютъ повсюду одни ястреба!

* * *

Смотрите: послѣ свистопляски
И царства шаржей и сатиръ,
Начнутъ у насъ мѣняться краски,
Преобразится взглядъ на міръ!
Польются слезы бѣдной Лизы,
Раздастся снова ритурнель,
Мы будемъ спорить за девизы,
И пререкаться—за свирѣль!

—

* * *

Ни одно лицо не скажетъ,
Что подъ нимъ таится;
Никогда простыхъ и ясныхъ
Словъ не говорится;

Ни одна на свѣтѣ совѣсть
Не чиста отъ пятенъ,
Ни одинъ на свѣтѣ смертный
Чувствомъ не опрятенъ!

Правда есть въ твоихъ лишь глазкахъ,
Женщина-кудесникъ!..
Ей преемникъ мой повѣритъ,
Вѣрилъ мой предмѣстникъ!.....

* * *

Вся земля—одно лицо! Отъ вѣка
По лицу тому съ злорадствомъ разлита,
Чтобъ травить по волѣ человѣка,
Лживыхъ мыслей злая кислота...
Арабески!.. Каждый день обновки!
Что-то будетъ? Хуже-ли чѣмъ встарь?
Нѣтъ, клянусь, такой татуировки
Ни одинъ не сочинялъ дикарь...

—

* * *

Не уйти намъ отъ воспоминаній,
Къ лучшимъ днямъ, какъ-будто, не прійти...
Слишкомъ много разочарованій
Полегло на жизненномъ пути!
Веселье нынче: гдѣ оно?
Вино смѣется въ насъ, вино!

* * *

Ѣду по улицѣ: люди зѣваютъ!
Въ окнахъ, въ каретахъ, повсюду зѣвки,
Такъ и проносятся, такъ и мелькаютъ,
Будто надъ лугомъ весной мотыльки.
Ѣду... И самъ за собой замѣчаю:
Спалъ я довольно, да, будто, не въ прокъ!
Ротъ мой шевелится... право, не знаю:
Это улыбка, или зѣвокъ?

* * *

Мечты, твои любовницы,
Летаютъ впопыхахъ!
Онѣ, какъ ты—чиновницы,
Всѣ въ лентахъ и въ звѣздахъ!

—

* * *

Все юбилеи, юбилеи...
Жизнь наша кухнею разитъ!
Судя по нимъ, людьми большими
Россія вся кишмя-кишитъ;
По смерти ихъ, и это ясно,
Во-слѣдъ великихъ пустосвятствъ,
Не хватитъ намъ ста Пантеоновъ
И ста Вестминстерскихъ аббатствъ...

* * *

Въ его помѣстьяхъ темные лѣса
Обильны дичью вкусной и пушистой,
И путается острая коса
Въ травѣ луговъ, высокой и душистой...
Въ его дому умѣнье, роскошь, вкусъ—
Одни другимъ служили образцами...
Зачѣмъ-же онъ такъ грустенъ между нами,
И на̀ сердцѣ его лежитъ тяжелый грузъ!
Чѣмъ онъ страдаетъ? Чѣмъ онъ удрученъ,
И что мѣшаетъ счастью?..—Онъ уменъ!

* * *

Проповѣдь въ храмѣ одномъ говорилась.
Тяжкое слово священника мощно звучало.
Нервною стала толпа, но молчала...
Слезы къ глазамъ подступили, дыханье стѣснилось...
Все-же молчала толпа! Только вдругъ бѣсноватый,
Съ улицы въ церковь войдя, зарыдалъ,—
Такъ, ни съ чего! Храмъ, внезапно объятый
Страхомъ, какъ-будто,—стенаньемъ ему отвѣчалъ!
Это томленіе слезъ, тяготу ожиданья—
Вдругъ разрѣшило не слово, порывъ бѣснованья.

* * *

Мой другъ! Твоихъ зубовъ остатки
Темны, какъ и твои перчатки;
И сласть, и смрадъ рѣчей твоихъ
Насѣли ржавчиной на нихъ.
Ты весь въ морщинахъ, весь изъ пятенъ,
Твой голосъ глухъ, языкъ невнятенъ;
Въ дрожаньѣ рукъ, въ морганьѣ вѣкъ
Видать, что̀ ты за человѣкъ!
Но вотъ, четыре длинныхъ года
Какъ ты, мой набожный уродъ,
Руководишь казной прихода
По отдѣленію сиротъ!

—

* * *

Когда онъ, наконецъ, почти совсѣмъ помѣшанъ,
Когда въ груди его чахотка развилась,—
Съ нимъ внѣшній міръ вполнѣ уравновѣшенъ,
И между нихъ установилась связь!
Образчикъ примѣненья
Законовъ тяготѣнья?!

* * *

Печальный родъ, ты мало жилъ!
Ты—геральдическій ребенокъ!
Твой титулъ новъ, но грустно звонокъ:
Великимъ не былъ, гнуснымъ—былъ...

* * *

Провинція—огромное bébé!
Все тащитъ въ ротъ и ртомъ соображаетъ,
И ѣстъ упорно, если подмѣчаетъ
Три важныхъ буквы: С. П. Б.

—

*
* *

Фавнъ краснолицый! По возрасту ты не старикъ!
Съ жидкой бородкой, въ костюмѣ помятомъ...
Точно: свидѣтельства есть по антикамъ, хоть ты не антикъ,
Сходства межъ пьянымъ Силеномъ и мертвымъ Сократомъ...
Правда и то, что замѣтилъ тебя Мефистофель!
Можетъ, въ тебя воплотится—нашелъ-бы занятность?—
Но Мефистофель—вполнѣ джентельменъ! Тонкій профиль!
И до смѣшного, мой другъ, уважаетъ опрятность...

*
* *

Вотъ новый годъ намъ святцы принесли.
Повсюду празднуютъ минуту наступленья,
Молебны служатъ, будто-бы ушли
Отъ зла, печали, мора, потопленья!
И въ будущемъ году помолятся опять,
И будетъ новый годъ имъ новою обидой...
Что, если-бы встрѣчать
Иначе: панихидой?

—

* * *

Я сказалъ ей: тротуары грязны,
Небо мрачно, всѣ уныло ходятъ...
Я сказалъ, что дни однообразны
И тоску на сердце мнѣ наводятъ,
Что балы, театры—надоѣли...
«Неужели?»

Я сказалъ, что въ городѣ холера,
Тѣ—скончались, эти—умираютъ...
Что у насъ поэзія—афера,
Что таланты въ пьянствѣ погибаютъ,
Что въ Россіи жизнь идетъ безъ цѣли...
«Неужели?»

Я сказалъ: вашъ братъ идетъ стрѣляться,
Онъ безчестенъ, предался пороку...
Я сказалъ, прося не испугаться:
Вашъ отецъ скончался! Ночью къ сроку
Доктора пріѣхать не успѣли...
«Неужели?»

—

* * *

Мы всѣ немножко скакуны съ рожденья!
У насъ любой Хома становится пророкомъ;
Паясничаемъ мы со святостью моленья,
Но молимся зато въ присядку, или скѳкомъ...

* * *

Свобода торговли, опека торговли—
Два разные способа травли и ловли:
Всегда по закону, въ угоду купцу,
Стригутъ, такъ иль этакъ, все ту-же овцу.

—

* * *

Какихъ-нибудь пять-шесть дежурныхъ фразъ;
Враждебныхъ кликъ наскучившія схватки;
То жаръ, то холодъ вѣчной лихорадки,
Здѣсь—рана, тамъ—изломъ, а тутъ—подбитый глазъ!
Талантики случайныхъ содержаній,
Людишки, трепетно вертящіе хвосты
Въ минуты искреннихъ, почтительныхъ лизаній
И въ обожаніи хулы и клеветы;
На говоръ похвалы наставленныя уши;
Во всѣхъ казнахъ заложенныя души;
Дѣла, затѣянныя въ пьянствѣ, иль въ бреду,
Съ болѣзнью дряблыхъ тѣлъ въ ладу...
Все это съ примѣсью старинныхъ, пошлыхъ шутокъ,
Съ унылымъ пѣньемъ панихидъ,—
Вотъ проявленья каждыхъ сутокъ,
Любезной жизни милый видъ...

ПѢСНИ ИЗЪ „УГОЛКА“

Усть-Нарова (1897—1898 г.).

ПѢСНИ ИЗЪ „УГОЛКА“.

Посвящаются *Влад. С. Соловьеву*, *В. П. Гайдебурову*, *А. А. Коринфскому* и *М. Н. Ремезову*.

Мы—разныхъ областей мышленья...
Мы—разныхъ силъ и разныхъ лѣтъ...
Отъ васъ мнѣ слово утѣшенья,
Отъ васъ мнѣ дружескій привѣтъ.

Мы шли различными путями,
Различно билось сердце въ насъ,
И мало схожими страстями
Мы жили въ тотъ, иль въ этотъ часъ.

Но есть невѣдомыя страны,
Гдѣ—въ единеніи святомъ—
Цвѣтутъ, какъ на Валгаллѣ, раны
Борцовъ, почившихъ вѣчнымъ сномъ

Чѣмъ больше ранъ—тѣмъ цвѣтъ ихъ краше,
Чѣмъ глубже—тѣмъ расцвѣтъ пышнѣй!..
И въ этомъ, въ этомъ сходство наше,
Друзья моихъ послѣднихъ дней.

Усть-Нарова. 1897—1898 годъ.

I.

Здѣсь счастливъ я, здѣсь я свободенъ,—
Свободенъ тѣмъ, что жизнь прошла,
Что ни къ чему теперь негоденъ,
Что полуслѣпъ, что эта мгла

Своимъ могуществомъ жестокимъ
Меня не въ силахъ сокрушить,
Что свѣтомъ внутреннимъ, глубокимъ
Могу я самъ себѣ свѣтить,

И что изъ общаго крушенья
Всѣхъ прежнихъ силъ, на склонѣ лѣтъ,
Святое чувство примиренья
Пошло во мнѣ въ роскошный цвѣтъ...

Не такъ-ли въ рухляди, надъ хламомъ,
Изъ перегноя и трухи,
Растутъ и дышатъ ѳиміамомъ
Цвѣтовъ красивые верхи?

Пускай основы правды зыбки,
Пусть все безумно въ злобѣ дня,—
Доброжелательной улыбки
Имъ не лишить теперь меня!

Я домъ воздвигъ въ странѣ бездомной,
Рѣшилъ задачу всѣхъ задачъ,—
Пускай ко мнѣ, въ мой уголъ скромный,
Идутъ и жертва, и палачъ...

Я вижу, знаю, постигаю,
Что всѣ должны быть прощены.
Я добръ—умомъ, я утѣшаю
Тѣмъ, что въ безсильѣ всѣ равны.

Да, въ лоно мощнаго покоя
Вошелъ мой тихій «Уголокъ»—
Возросшій въ грудахъ перегноя
Очаровательный цвѣтокъ...

II.

Я видѣлъ Римъ, Парижъ и Лондонъ,
Везувій мнѣ въ глаза дымилъ,
Я вдоль по тундрѣ Беззмельной
Въ сіяньи полночи скользилъ.

Я слышалъ много водопадовъ
Различныхъ силъ и вышины,
Ревъ мѣдныхъ трубъ въ калмыцкой стèпи,
Въ Байдарахъ—тихій звукъ зурны.

Я посѣтилъ въ лѣсахъ Урала
Печали жаркихъ рудниковъ,
Бродилъ вдоль щелей и проваловъ
По льдамъ Швейцарскихъ ледниковъ.

Я рѣзалъ трупы съ анатомомъ,
Въ наукахъ много зналъ свѣтилъ,
Я испыталъ въ моряхъ крушенье,
Я дни въ вертепахъ проводилъ...

Я говорилъ порой съ царями,
Глубоко падалъ и вставалъ;
Я Богу пламенно молился,
Я Бога страстно отрицалъ!

Я зналъ нужду, я зналъ довольство,—
Любилъ, страдалъ, взростилъ семью
И—не скажу, чтобы безъ страха—
Порой встрѣчалъ и смерть свою.

Я зналъ труда большую тяжесть,
Услады, радости труда;
Я никого не ненавидѣлъ,
Но презиралъ—почти всегда.

И вотъ теперь, на склонѣ жизни,
Могу порой совѣтъ подать:
Какъ меньше пользоваться счастьемъ,
Чтобъ легче и быстрѣй страдать.

Здѣсь изъ бревенчатаго сруба,
Въ пескахъ и соснахъ «Уголка»,

Гдѣ мирно такъ шумитъ Нарова,
Задача честнымъ быть легка.

Ничто, ничто мнѣ не указка,—
Я не ношу веригъ земли...
Съ моихъ высокихъ кругозоровъ
Все принижается вдали.

III.

Въ молчаньи осени ссыпаются листы,
Въ вѣтвяхъ являются нежданные просвѣты,—
И незамѣченные прежде силуэты,
И новыя вдали красивыя черты...

Не тоже-ль и съ душой людскою?—Вѣчно споря
Съ невзгодами судьбы, осилена тщетой,
Лишь только въ холодѣ—и немощи, и горя—
Вдругъ небывалою заблещетъ красотой!..

IV.

Въ лиственномъ лѣсѣ шумливо,
Если найдетъ вѣтерокъ;
Шепчетъ по-своему живо,
Каждый—да, каждый—листокъ.

Но не сравнить съ этимъ шума
Ежели дрогнетъ хвоя!
Въ каждой иглѣ—своя дума,
Въ каждой—и пѣсня своя...

Пѣсни тѣ звучны и сладки!
Радостнымъ чувствомъ объятъ,
Слушаешь, ищешь разгадки:
Что̀ тебѣ иглы шумятъ?

Пѣсенъ тѣхъ—тьмы, миріады,
Сверху звучатъ, со сторонъ!
Тысячи ротиковъ рады
Пѣть и съ тобой въ униссонъ.

Вотъ отъ того-то средь шума
Вѣчно зеленой хвои
Тихо такъ двигаетъ дума
Свѣтлыя волны свои...

V.

Въ темнотѣ осенней ночи—
Ни луны, ни звѣздъ кругомъ,
Но ослабнувшія очи
Видятъ явственнѣй, чѣмъ днемъ.

Фейерверкъ передъ глазами!
Память вздумала играть,
Какъ бенгальскими огнями—
Начала вдругъ въ ночь стрѣлять,—

Синій, красный, снова синій...
Скорострѣльная пальба!
Сколько пламенныхъ въ ней линій,—
Только жить имъ не судьба...

Тамъ, внизу, течетъ Нарова—
Все погаситъ, все зальетъ,
Даже облика Петрова
Не щадитъ, не бережетъ,

Загашаетъ... Но упорна
Память царственной руки,
И пожалованье Горна
До сихъ поръ звучитъ съ рѣки.

VI.

Люблю я время увяданья...
Повсюду валятся листы;
Лишась убора, умаляясь,
Въ ничто скрываются кусты;

И обмирающія травы,
Пригнувшись, въ землю уходя,
Какъ-будто шепчутъ, исчезая:
«Мы всѣ вернемся, погодя!

«Тамъ подъ землей мы потолкуемъ
О томъ, какъ жили, какъ цвѣли!
Для собесѣдованій этихъ
Необходима тишь земли!»

VII.

Бѣлый мохъ здѣсь поростаетъ
Вдоль по розовымъ пескамъ;

Любъ онъ, какъ коверъ персидскій,
Слабоногимъ старичкамъ.

Воздухъ такъ смолистъ, такъ тонокъ,
Что почтенный старичокъ,
Подышавъ имъ, замышляетъ
Въ плясъ пустить остатокъ ногъ.

Но идетъ немолчно время,
Что ни сутки—то бойчѣй,
Отравляя воздухъ чистый
Смрадомъ кухонь и печей.

Что-жъ? Иначе быть не можетъ,—
Воздухъ, какъ и мы, живетъ...
Счастливъ, кто не опоздаетъ
И отъ чистыхъ струй глотнётъ.

VIII.

Всюду ходятъ привидѣнья...
Появляются и тутъ;
Только всѣ они въ доспѣхахъ,
Въ шлемахъ, въ панцыряхъ снуютъ.

Было время,—вдоль по взморью
Шедшимъ съ запада сюда
Грознымъ рыцарямъ Нарова
Преградила путь тогда.

«Дочка я рѣки Великой,—
Такъ подумала рѣка,—

Не спугнуть-ли мнѣ пришельцевъ,
Не помять ли имъ бока?»

«Стойте, братцы,—говоритъ имъ,—
Чуть впередъ—узрите вы
Надъ дремучими лѣсами
Страшный ликъ царя Москвы!

«Сѣлъ, схизматикъ, за стѣнами!
Сотни, тысячи звонницъ
Вкругъ гудятъ колоколами,
А народъ весь прахомъ—ницъ!

«У него ль—не изувѣрства,
Всякой нечисти просторъ;
И повсюдный вѣчный голодъ,
И всегдашній страшный моръ.

«Не ходите!» Но пришельцамъ
Мудрый былъ не впрокъ совѣтъ...
Шли до Ямы и Копорья,
Видятъ—точно, ходу нѣтъ!

Все какія-то сраженья!
Изъ трясинъ лѣсовики
Насѣдаютъ, будто черти,
Лѣзутъ на̀ смерть, чудаки!

Какъ подъ Дурбэномъ эстонцы
Не сдаются въ плѣнъ живьёмъ
И, совсѣмъ не по уставамъ,
Варомъ льютъ и кипяткомъ.

«Лучше сѣсть намъ надъ Наровой,
На границѣ вьюгъ и пургъ!
Сѣли и прозвали зàмки—
Магербургъ и Гунгербургъ.

Съ тѣмъ прозвали, чтобы внуки
Вновь не вздумали идти
Къ худобѣ и къ голоданью
Вдоль по этому пути.

Старыхъ рыцарей видѣнья
Ходятъ здѣсь и до сихъ поръ,
Но для легкости хожденья—
Ходятъ всѣ они безъ шпоръ...

IX.

Съ высоты горы высокой
За рѣкой и вдоль рѣки,
Въ темнотѣ ночной глубокой
Видны въ избахъ огоньки;

Много ихъ... Но быстро гаснутъ,
Будто имъ горѣть не впрокъ,
Будто малыя завѣсы
Закрываютъ каждый въ срокъ.

Ахъ, горятъ и въ жизни нашей
Огоньки отъ юныхъ дней!
Всѣ ихъ къ сроку гаситъ время...
Смотришь: больше нѣтъ огней..

Вотъ завѣшаны надежды,
Вотъ задвинуты мечты,
Скрылась бодрость, скрылись силы...
Огонекъ, да гдѣ-же ты?..

Все завѣсы, да завѣсы;
Все темнѣетъ... А потомъ?
Саванъ бѣлый... Тотъ завѣситъ
Человѣка—цѣликомъ.

X.

Я плыву на лодкѣ. Парусъ
Рѣжетъ мачтой небеса;
Лебединой бѣлой грудью
Онъ подъ вѣтромъ налился.

Море тихо, волны кротки
И кругомъ—вездѣ лазурь!
Не бываетъ въ сердцѣ горя,
Не бываетъ въ небѣ бурь!..

Я плыву въ сіяньи солнца.
Чѣмъ не рыцарь Лоэнгринъ?
Я совсѣмъ не старъ, я молодъ,
И плыву я не одинъ...

Ты со мною, жизнь былая!
Ты осталась молода
И красавицей, какъ прежде,
Снизошла ко мнѣ сюда.

Вмѣстѣ мы плывемъ съ тобою,
Бѣлый парусъ тянетъ насъ;
Я припалъ къ тебѣ безмолвный...
Свѣтлый часъ, блаженный часъ!..

По плечамъ твоимъ высокимъ
Солнце блескъ разлило свой,
И знакомыя мнѣ косы
Льнутъ къ волнамъ своей волной.

Устъ дыханье ароматно!
Грудь, какъ прежде, высока...
Снизойди къ докучнымъ ласкамъ
И къ моленьямъ старика!

Что? Ты плачешь?!.. Иль пугаетъ
Острый блескъ моихъ сѣдинъ?
Юность! О, прости, голубка...
Я—не рыцарь Лоэнгринъ!

XI.

Ты не гонись за рѳмой своенравной,
И за поэзіей,—нелѣпости онѣ;
Я ихъ сравню съ княгиней Ярославной:
Съ зарею плачущей на городской стѣнѣ.

Вѣдь умеръ князь, и стѣнъ не существуетъ,
Да и княгини нѣтъ уже давнымъ-давно;
А все какъ-будто, бѣдная, тоскуетъ,
И отъ нея не все, не все схоронено.

Но это вздоръ, обманное созданье!
Слова—не плоть... Изъ риѳмъ одеждъ не ткать!
Слова безсильны дать существованье,
Какъ нѣтъ въ нихъ также силъ на то, чтобъ убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; и вотъ, стоитъ стѣна;
На ней, я вижу, ходитъ Ярославна,
И плачетъ, бѣдная, безъ устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми всѣ пѣсни, всѣ! Вели имъ замолчать!
Къ чему онѣ? Чтобы людей морочить
И насъ, то здѣсь—то тамъ, тревожить и смущать!

Смерть пѣснѣ, смерть! Пускай не существуетъ!..
Вздоръ риѳмы, вздоръ стихи! Нелѣпости онѣ!..
А Ярославна все-таки тоскуетъ
Въ урочный часъ на городской стѣнѣ...

XII.

Еще покрыты льдомъ живые лики водъ,
И нѣдра ихъ полны холодной тишиною...
Но тронулась весна, и—сколько въ нихъ заботъ,
И сколько суеты проснулось подъ водою!..

Вскрываются нимфей дремавшихъ сѣмена,
И длинный водоросль побѣги выпускаетъ,
И ряска множится... Вотъ, вотъ она, весна,—
Открыла полыньи и ярко въ нихъ играетъ!

Запасъ подземныхъ силъ уже давно не спитъ.
Онъ двигается весь, прикормленъ глубиною;
Онъ вòды, въ прòзелень окрасивъ, породнитъ
Съ глубоко теплою небесной синевою...

Ты, старая душа, кончающая вѣкъ,—
Какими ты къ веснѣ пробудишься ростками?
Сплетенья корневищъ потребуютъ просѣкъ,
Чтобы согрѣть тебя весенними лучами.

И въ заросляхъ твоихъ, безмолвныхъ и густыхъ,
Одна надежда есть, одна—на обновленье:
Субботній день къ концу... Послѣдній изъ твоихъ...
А за субботой что? Конечно, воскресенье.

XIII.

Высокò гуляетъ вѣтеръ,
Шевелитъ концы вѣтвей...
Сильфъ воздушный, сильфъ прекрасный,
Вѣй, красавецъ, шибче вѣй!

Тамъ тебѣ просторъ и воля;
Всюду, всюду—свѣтлый путь!
Только книзу не спускайся,
Не дыши въ людскую грудь.

Станешь ты тоскою грузенъ,
Станешь вялъ, лишишься сна;
Грудь людская, будто улей,
Злыхъ и острыхъ жалъ полнà...

И тебя, мой сильфъ воздушный,
Изморятъ во цвѣтѣ лѣтъ;
Побывавъ въ болящей груди,
Обратишься ты въ скелетъ;

Отлетѣвъ, въ вѣтвяхъ застрянешь
Сочлененьями костей...
Не спускайся на-земь, вѣтеръ,
Вѣй, мой сильфъ, но выше вѣй!..

XIV.

Яркихъ цвѣтовъ миріады,
Почки раскрывши, цвѣтутъ!
Нѣжно росистые взгляды
Къ небу далекому шлютъ.

«Много насъ въ пышномъ расцвѣтѣ,—
Стали цвѣты говорить,—
«Больше, чѣмъ женщинъ на свѣтѣ,
«Даже нельзя и сравнить!»

Слышатъ древесныя вѣтки,
Стали цвѣтамъ отвѣчать:
«Полно вамъ, милыя дѣтки,
«Безъ толку хоромъ болтать!

«Всѣ вы—жильцы на мгновенье;
«Женщина—долго цвѣтетъ...
«Сколько-же съ нею въ сравненье
«Вашихъ-то жизней пойдетъ?»

Въ юности, въ годы волненій,
Быстро по жизни скользя,
Глупыхъ такихъ разсужденій
Вѣтокъ подслушать нельзя.

XV.

Да, да, когда я молодъ былъ,
Я такъ-же—какъ и ты—судилъ
И точно такъ-же, какъ и ты,
Бывалъ игрушкой злой мечты!
Мы—отступающая рать—
Перестаемъ васъ понимать...
Еще потопъ не наступалъ—
Когда братъ брата убивалъ;
Чуть отжилъ вѣкъ Маѳусаилъ—
Отецъ осмѣянъ сыномъ былъ!
Вы—верхъ возьмете, мы—падемъ,
Какъ Цезарь, скрывъ лицо плащомъ...
Хоть знають всѣ: Брутъ честенъ былъ,
Когда свой ножъ окровянилъ;
Но, при Филиппахъ, иногда
Всплываетъ мщенія звѣзда...
Сегодня при Филиппахъ—мы!
Къ намъ призракъ движется изъ тьмы,
Онъ въ васъ, онъ съ вами заодно...
Но всѣмъ вамъ то-же суждено...
Да, нашей юности вина
Въ наслѣдство вамъ передана;

Падете вы, какъ мы падемъ,—
Но скроете-ль лицо плащомъ?

XVI.

И вотъ, сижу въ саду моемъ тѣнистомъ
И предъ собой могу воспроизвесть,
Какъ это будетъ въ часъ, когда умру я,
Какъ дрогнетъ все, что предъ глазами есть.

Какъ полетятъ повсюду извѣщенья,
Какъ потеряетъ голову семья,
Какъ соберутся, вступятъ въ разговоры,
И какъ при нихъ безсиленъ буду я.

Живыя связи разлетятся прахомъ,
Возникнутъ сразу всякія права̀,
Начнется давность, народятся сроки,
Среди сиротъ появится вдова.

Въ тепло семьи дохнётъ морозъ закона,—
Быть-можетъ, самъ я вызвалъ тотъ законъ;
Не долженъ онъ, не можетъ ошибаться,
Но и любить—никакъ не можетъ онъ

И мнѣ никто, никто не поручится,
Я видѣлъ самъ, и не одинъ примѣръ:
Какъ между близкихъ, самыхъ близкихъ кровныхъ,
Вдругъ проступалъ созрѣвшій лицемѣръ...

И это все, что здѣсь съ такой любовью,
Съ такимъ трудомъ успѣлъ я насадить.

Ему, спокойной, смѣлою рукою,—
Призвавъ законъ—удастся сокрушить.

XVII.

Гляжу на сосны,—мощь какая!
Взгляните хоть на этотъ сукъ!
Его спилить нельзя такъ скоро,
И нужно много, много рукъ...

А этотъ? Что за искривленье!
Когда-то, сотни лѣтъ назадъ,
Онъ былъ, бѣдняга, изувѣченъ,
Былъ какъ-нибудь пригнутъ, помятъ.

Онъ въ искривленіи старинномъ
Возросъ—и мощенъ, и здоровъ—
И дремлетъ, будто слышитъ рѣчи
Всѣхъ имъ прослушанныхъ громовъ.

А вотъ вблизи—сосна другая:
Ничѣмъ не тронута, она,
Шатромъ вѣтвей не расширяясь,
Взросла, красива и стройна...

Но отчего намъ, людямъ, ближе
И много больше тѣшатъ взоръ
Вѣтвей изломы и изгибы
И ихъ развѣсистый шатеръ?

XVIII.

Вотъ она—великая трясина!
Ходу нѣтъ ни въ лодкѣ, ни пѣшкомъ.
Обмотала наши вёсла тина,—
Зацѣпиться не за что багромъ...

Въ тростникѣ и мглисто, и туманно.
Солнца ликъ— и свѣтелъ, и высокъ—
Отраженъ трясиною обманно,
Будто онъ на дно трясины легъ.

Нѣтъ въ ней дна. Лежатъ въ листахъ нимфеи,
Островки, луга болотныхъ травъ;
Вотъ по нимъ пройтись-бы! Только феи
Ходятъ здѣсь, газоновъ не помявъ...

Всюду утки, кулики, бекасы!
Бьешь по уткѣ... взялъ... нельзя достать;
Міръ лягушекъ громко точитъ лясы,—
Словно дразнитъ: «Для чего-жъ стрѣлять?»

Вы, кликуши, вѣщія лягушки,
Подождите: вотъ придетъ пора,—
На болотахъ мы начнемъ осушки,
Проберемъ трясину до нутра.

И тогда... Ой, братцы, осторожнѣй!
Не качайтесь... Лодку кувырнёмъ!
И лягушки раньше насъ потопятъ,
Чѣмъ мы ихъ подсушивать начнемъ. .»

XIX.

Какъ вы мнѣ любы, полевые
Глубокой осени цвѣты!
Несвоевременныя грёзы,
Не въ срокъ возникшія мечты!..

Вы опоздали въ жизнь явиться;
Васъ жгутъ морозы на зарѣ;
Вамъ въ маѣ надобно родиться,
А вы родились въ октябрѣ...

Отвѣтъ ихъ: «Мы не виноваты,
Никто не думалъ насъ спросить!
Но мы надеждою богаты:
Къ зимѣ не будутъ насъ косить!»

XX.

Здравствуй, товарищъ! Подай-ка мнѣ руку.
Что? Ты отдернулъ? Кажись, осерчалъ?
Глянь на мою,—нѣтъ ей мѣста въ гостиной;
Я, братъ, недаромъ кустарникъ сажалъ.

Старый товарищъ! Печальная встрѣча!..
Какъ искалѣченъ ты жизнью, бѣднякъ!
Ну-ка, пожалуй въ мой домъ, горемыка...
Что? Не желаешь? Не любо! Чудакъ!

Выпьемъ съ тобой... Какъ, и пить ты не хочешь?
Просишь на выпивку нà-руки дать;

Темное чувство въ тебѣ шевельнулось?..
Что за причина, чтобъ мнѣ отказать?

Гордость? Стыдливость? Сомнѣніе? Злоба?
Коль потолкуемъ—причину найду...
Да не упрямься, мы юность помянемъ,
Дочку увидишь мою...—«Не пойду».

И отошелъ онъ по пыльной дорогѣ,
Денегъ онъ взялъ, не сказавъ ничего...
Разныхъ два міра въ насъ двухъ повстрѣчались...
Камнемъ бы бросить... Кому и въ кого?

XXI.

Надъ осокой вольный вѣтеръ пролетаетъ,
Говоритъ ей: «Отчего, скажи, осока,
Твой народъ себя совсѣмъ не уважаетъ,
Предо мной всегда склоняется глубоко?

«Чуть подую, вижу: ты ужъ и пригнулась...
Дулъ я съ сѣвера, подумалъ: дуну съ юга,—
Можетъ статься, помогу, чтобъ встрепенулась,
Раболѣпствуетъ, быть-можетъ, отъ испуга!

«Нѣтъ, куда! Легла къ водѣ съ другого бока;
Не въ догадъ тебѣ мое благодѣянье!
Ахъ, ты глупая, ты глупая осока,
Ты безпомощное, жалкое созданье!»

Слушала осока, глубоко вздохнула,
Отвѣчаетъ вѣтру: «Вѣтеръ-благодѣтель,

Буде ваша милость вовсе-бы не дула,
Я росла-бы прямо, стройно! Богъ—свидѣтель,

«Что моихъ нижайшихъ, вѣчныхъ поклоненій
Не было-бы вовсе у меня въ заводѣ;
Я стояла-бъ выше всякихъ треволненій—
Съ уваженьемъ къ правдѣ и къ своей породѣ!»

XXII.

Вотъ—мои воспоминанья:
Прядь волосъ, письмо, платокъ,
Два обрывка вышиванья,
Два кольца и образокъ...

Но—за теменью былого—
Въ именахъ я съ толку сбитъ.
Кто они? Не дать-ли слова,
Что и я, какъ тѣ, забытъ!

Въ этомъ—времени учтивость,
Завершеніе всему,
Золотая справедливость:
Ничего и никому!..

XXIII.

На гробъ старушки я дряхлѣющей рукой
Кладу вѣнокъ цвѣтовъ,—вниманье небольшое.
Въ продажѣ терній нѣтъ, и нужно-ль предъ толпой,
Не знающей ея, свидѣтельство такое?

Тѣ люди отошли, въ которыхъ ты жила;
Ты такъ-же, какъ и я, скончаться опоздала;
Волна твоихъ людей съ тобою отошла,
Но гордо высилась въ свой срокъ и сокрушала.

Упала та волна предъ юною волной
И на нее ползетъ безсильными струями;
Въ нихъ—еле видный слѣдъ той гордости былой,
Что пѣнилась, гремя могучими кряжàми.

Никто, никто теперь у гроба твоего
Твоей большой вины, твоихъ скорбей не знаетъ,
Я знаю, я одинъ... Но этого всего
Мнѣ некому сказать... Никто не вопрошаетъ.

Года прошедшіе—морскихъ песковъ наносъ!
Злорадство устаетъ, и клевета нѣмѣетъ;
И нѣтъ свидѣтелей, чтобъ вызвать на допросъ,
И некого судить... А смерть—забвеньемъ вѣетъ!

XXIV.

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но—сокрушите помысломъ скалу,
Дыханьемъ груди солнце загасите,
Огнемъ костра согрѣйте ночи мглу!..

Воспоминанья—вѣчныя лампады,
Былой весны чарующій покровъ,
Страданій духа позднія награды,
Послѣдній слѣдъ когда-то свѣтлыхъ сновъ.

На склонѣ лѣтъ идешь, годами сóгнутъ,
Одна лишь память свѣтитъ на пути:
Но, если вдругъ воспоминанья дрогнутъ,—
Погаснетъ свѣтъ, и некуда идти...

Копилка жизни! Мѣдныя монеты!
Когда другихъ монетъ не отыскать,
Онѣ пригодны! Цѣлые банкеты
Воспоминанья могутъ задавать.

Бѣда, бѣда, когда средь нихъ найдется
Стыдъ иль пятно въ свершившемся быломъ!
Оно къ банкету скрытно проберется
И тѣнью Бàнко сядетъ за столомъ.

XXV.

Здѣсь роща, помню я, стояла,
Бѣжалъ ручей,—онъ отведенъ;
Оврагъ, сырой дремоты полный,
Весь въ тайнобрачныхъ—оголенъ
Огнями солнца; и пески
Свиваетъ вѣтеръ въ завитки!

Гдѣ вы, минуты вдохновенья?
Бывала вами жизнь полна,
И по мечтамъ моимъ счастливымъ
Шла лучезарная волна...
Все это съ рощей заодно
Куда-то въ даль унесено!..

Воскресни, міръ былыхъ мечтаній!
Возникни, жизнь былыхъ годовъ!
Ты заблести, ручей, волнами
Вдоль оживленныхъ береговъ...
    Міръ тайнобрачныхъ, вновь покрой
    Меня волшебною дремой!

XXVI.

Вы побѣлѣли, кладбища граниты;
Зима глубокая тепломъ дохнула въ васъ;
Какъ пудрой бѣлою, вы инеемъ покрыты
И бѣлымъ мраморомъ глядите въ этотъ часъ.

Другая пудра и другія силы
Подъ мраморъ красятъ кудри на челѣ...
Ужъ не признать-ли теплыми могилы
Въ сравненьи съ жизнью въ холодѣ и мглѣ?

XXVII.

Славный снѣгъ! Какая роскошь!..
Все, что́ осень обожгла,
Обломала, сокрушила,
Ткань густая облегла.

Эти свѣтлые покровы
Шиты въ мѣрку, въ самый разъ,

И чаруютъ бѣлизною
Къ сѣрой мглѣ привыкшій глазъ.

Неспокойный, рѣзкій вѣтеръ,
Онъ—закройщикъ и портной—
Срѣзалъ все, что было лишнимъ,
Свѣялъ нà-землю долой...

Крѣпко, плотно сшилъ морозомъ,
Искръ навѣялъ безъ числа...
Платье было-бъ безъ износа,
Если-бъ не было тепла,—

Если-бъ оттепель порою,
Разрыхляя ткань снѣговъ,
Какъ на зло, водою талой
Не распарывала швовъ...

XXVIII.

Было время, въ òны годы,
Къ этимъ тихимъ берегамъ
Приплывали финикійцы,
Пробираясь къ янтарямъ.

Янтари въ пескахъ лежали...
Что янтарь—смола одна,
Финикійцы и не знали;
Эта мудрость намъ дана!

И теперь порой, гуляя
Краемъ моря, я смотрю:

Не случится-ль мнѣ по счастью
Подобраться къ янтарю.

Говоритъ мнѣ какъ-то море:
«Не трудись напрасно, другъ!
Если ты янтарь отыщешь,—
Обратишь его въ мундштукъ.

«Онъ отъ горя потускнѣетъ...
То-ли было, напримѣръ,
Попадать на грудь, на плечи
Древне-греческихъ гетеръ!..

«Отыщи ты мнѣ гетеру,
А курить ты перестань,
И тогда тебѣ большую
Янтаремъ внесу я дань».

Съ той поры хожу по взморью,
Финикійцемъ жажду быть,
Жду миѳической гетеры,
Но—не въ сплахъ не курить...

XXIX.

На конѣ брабантскомъ плотномъ
И въ малиновой венгеркѣ—
Часто видѣлъ я дѣвицу
У отца на табакеркѣ.

Съ пестрой свитой на охотѣ
Чудной маленькой фигурой

Рисовалася дѣвица
На эмали миньатюрой.

Табакерку заводили
И пружинку нажимали,
И охотники трубили
И собакъ своихъ спускали.

Лѣсъ былъ живъ на табакеркѣ,
А дѣвица все скакала
И меня бѣжать за нею
Чуднымъ взглядомъ приглашала.

И готовъ я былъ умчаться
Вслѣдъ за нею—полонъ силы—
Хоть по небу, хоть по морю,
Хоть сквозь темныя могилы...

А теперь вотъ здѣсь, недавно,—
Полстолѣтья миновало,—
Я опять дѣвицу видѣлъ,
Какъ въ лѣсу она скакала.

И за ней, какъ тощій призракъ,
Съ котелкомъ надъ головою
Истязался на лошадкѣ
Баринъ, свѣсясь надъ лукою.

Я, дѣвицу увидавши,
Вслѣдъ ей ринуться рванулся,
Вспыхнувъ злобою и местью...
Но, едва вскочилъ, запнулся...

Да, не шутка полстолѣтья...
Есть всему границы, мѣрки...
Пусть ихъ скачутъ котелочки
За дѣвицей съ табакерки!..

XXX.

Опять Христосъ! Что Онъ межъ нами,
Что каплетъ кровь съ Его креста
На насъ, здѣсь, подлѣ, предъ глазами,
Не видѣть—злая слѣпота!

Христосъ вездѣ! Въ скитаньяхъ духа,
Въ незнаньи—гдѣ Ты, Богъ живой?..
Въ обманахъ мысли, взгляда, слуха,
Въ гордынѣ мудрости людской!

Онъ—въ незаконности желаній,
Онъ—въ крикахъ страждущихъ больныхъ,
Въ ужасной музыкѣ рыданій
Безсчетныхъ горестей людскихъ.

Онъ—у безвинно-прокаженныхъ,
Онъ—въ толчеѣ людскихъ страстей,
Онъ—въ грёзахъ мыслей воспаленныхъ
И даже въ творчествѣ людей.

Крестъ—у безвременной могилы;
Крестъ—въ безобразьи дикихъ сновъ
И въ нерѣшительности силы,
И въ ржавой дряблости оковъ...

Да, снова слышатся пророки,
И рухнулъ всякій идеалъ...
Блестятъ евангельскія строки:
«Я къ вамъ пріиду!» Онъ долго ждалъ...

XXXI.

Слабѣетъ свѣтъ моихъ очей,
Я самъ не свой и я ничей;
Отвергнутъ строемъ бытія,
Не знаю самъ: живу-ли я?
Пѣвецъ! Одинъ лишь ты, пѣвецъ,
Ты, свѣтлый Божій посланѐцъ,
Слѣпцу, когда начнешь ты пѣть,
Даешь опять на міръ глядѣть...
Какъ всѣ—живу, какъ всѣ—смотрю
И вижу море и зарю
И чуднымъ пѣніемъ твоимъ
Живу, какъ всѣ, и равенъ имъ.
Я слышалъ пѣснь, я воскресалъ...
Жизнь, жизнь, ты—радостный хоралъ!
Прозрѣлъ я и признать готовъ,
Что люди—этотъ міръ слѣпцовъ—
Не знаютъ, видѣть не хотятъ,
Какъ жизни радостенъ нарядъ;
Какъ мнѣ, ослѣпнуть надо имъ,
Чтобъ въ счастьѣ видѣлся не дымъ;
Тогда тебя они поймутъ,
Пѣвецъ... Когда ты подлѣ, тутъ,

И не ушелъ,—мнѣ не видать,—
Запой скорѣй, запой опять!
И я повсюду за тобой
Влачиться буду,—прахъ земной
Тревожить и благодарить,
И славословить, и молить
Тебя! Но только пой мнѣ, пой!
Взгляни: ты видишь—я слѣпой!

XXXII.

Изъ моихъ печалей скромныхъ,
Не пышны, не высоки,
Вы, непрошены, растете,
Пѣсенъ пестрые цвѣтки.

Ты въ спокойную минуту
На любой взгляни цвѣтокъ...
Посмотри—въ немъ много правды!
Онъ безъ слезъ взрости не могъ.

Въ этой пѣснѣ—часъ страданій,
Въ этой—долгой ночи страхъ,
Въ этихъ—мѣсяцы и годы...
Все откликнулось въ стихахъ!

Горе сердца—даръ небесный,
И цвѣты его пышнѣй
И куда, куда душистѣй
Всѣхъ цвѣтовъ оранжерей.

XXXIII.

Бѣжитъ по краю неба пламя,
Блеснули по̀ морю огни,
И дня поверженное знамя
Вновь водружается! Взгляни!

Сбѣжали тѣни всякихъ пу̀галъ,
И гномовъ темныя толпы,
Сыскали каждая свой уголъ,
И всѣ они теперь слѣпы;

Не дрогнетъ листъ, и надъ травою—
Ни дуновенья; посмотри,
Какъ все круго̀мъ блеститъ росою
Въ священнодѣйствіи зари.

Душа и небо—единеньемъ
Объяты—нѣкій гимнъ поютъ,
Служа другъ другу дополненьемъ...
Всего на нѣсколько минутъ.

XXXIV.

Твоя слеза меня смутила...
Но я, клянусь, не виноватъ!
Страшна условій жизни сила,
Стѣной обычаи стоятъ.

Совсѣмъ не въ силу убѣжденья,
А въ силу нравовъ, иногда

Растутъ печальныя явленья,
И люди гибнутъ безъ слѣда!

И ужасающая драма
Родится въ трескѣ фразъ и словъ
Несуществующаго срама
И намалёванныхъ оковъ.

XXXV.

Если-бъ все что̀ упадаетъ
Серебра съ луны,
Все, что̀ золота роняетъ
Солнце съ вышины—

Ей снести... она-бъ сказала:
«Милый мой піитъ,
«Ты того мнѣ дай металла,
«Что̀ въ землѣ лежитъ!»

XXXVI.

Надъ темнотой рѣки холодной,—
Ей скоро на зиму застыть,—
Въ глубокихъ сумеркахъ, наносныхъ
И тонкихъ льдинъ не отличить.

Вдругъ—снѣгъ. Мгновенно забѣлѣла
Стремнина тамъ, гдѣ ледъ стоялъ,
И бѣлымъ кружевомъ по черни
Снѣгъ всю рѣку разрисовалъ.

Не такъ-ли въ людяхъ? Сердцемъ добрымъ
Они, какъ-будто, хороши...
Вдругъ случай—и мгновенно глянетъ
Весь грустный трауръ ихъ души...

XXXVII.

Погасало въ нихъ былое,
Часъ разлуки наступалъ;
И, принявъ рѣшенье злое,
Наконецъ, онъ ей сказалъ:

«Поднеси мнѣ эту чашу!
Въ ней отрава, знаю я!
Выпью! Связь разрушу нашу—
Дамъ свободу бытія!

«Если это не угодно
Странной гордости твоей,
Волю вырази свободно,
Кинь ты чашу и разбей!»

Мòлча, медленно, высòко
Подняла ее она
И—быстрѣй мгновенья ока
Осушила всю, до дна...

XXXVIII.

Не зналъ я, что разладъ съ тобою,
Всю жизнь разбившій пополамъ,

Дохнетъ нежданной теплотою
Навстрѣчу позднимъ сѣдинамъ.

Да!.. Я изъ этого разлада
Позналъ, что̀ значитъ тишина,—
Какъ велика ея отрада
Для тѣхъ, кому она дана...

Когда-бъ не это, безъ сомнѣнья,
Я, даже на закатѣ дней,
Не оцѣнилъ-бы единенья
И счастья у чужихъ людей.

Теперь я это чувство грѣю,
Люблю, какъ ландышъ—близость мховъ,
Какъ любитъ бабочка лилею,
Замѣтнѣй всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

XXXIX.

Мнѣ улыбаться надоѣло;
Улыбка на другихъ претитъ!
Она лицо, что помертвѣло,
Совсѣмъ не кстати молодитъ.

Она настолько же правдива,
По су̀ти столько-же мелка́,
Какъ умъ, величіе и храбрость
Въ лицѣ китайскаго божка.

XL.

О, какъ я чувствую, когда къ чему-нибудь
Лежитъ душа и страстно увлекаетъ;
Сознанье дôлга тотъ-же самый путь
Конечно, какъ-нибудь, въ свой срокъ проковыляетъ!

Нѣтъ, долгъ исполнить свой—не то, не то совсѣмъ,
Что чувству вслѣдъ идти; пускай порывы ложны,
Пусть опрометчивы; въ порывѣ умъ мой нѣмъ,
Но силамъ нѣтъ границъ, и подвиги возможны.

Какъ-будто полчища незримыхъ силъ съ тобой!
Мученья—нипочемъ, радъ гибнуть въ ореолѣ;
И чувствуетъ душа въ себѣ тотъ самый строй,
Чтò чувствовалъ Донской на Куликовомъ полѣ.

XLI.

Заволокнỳлись мысли къ ночи
И, какъ туманъ въ мѣстахъ сырыхъ,
Лежатъ недвижными слоями,
И обѣляетъ мѣсяцъ ихъ.

Недавно такъ онѣ бродили,
Вились свободно межъ вѣтвей
И, въ тѣнь уйдя, не признавали
Докучныхъ мѣсяца лучей.

Теперь настойчиво и жадно
Ты, мѣсяцъ, алчущій старикъ,

Цѣлуешь ихъ и беззазорно
Къ ихъ мертвымъ прелестямъ приникъ.

Цѣлуй!... Когда заря зажжется,
Убьютъ ея огней струи—
И ихъ замученную прелесть,
И ласки жадныя твои.

XLII.

Нѣтъ, никогда и никакою волей
Алтарь поэзіи насильно не зажечь,—
Молчатъ, какъ мертвые, ея святые звуки,
И не струится огненная рѣчь.

Зато порой, изъ мелочи, изъ вздора,
Совсѣмъ изъ ничего, въ природѣ, иль въ мечтѣ,
Родится невзначай едва замѣтный обликъ
И рвется самъ къ добру и красотѣ.

И вотъ тогда, возникнувъ непонятно
Во снѣ, на гульбищѣ, въ работѣ, что томитъ,—
Нетлѣнный духъ какой-то силой тайной
Святой огонь нежданно запалитъ.

Могучій вихрь взвиваетъ сердца пламя,
Въ полетѣ дерзостномъ отъ тлѣнья отрѣшонъ,
Паритъ свободно онъ, такъ царственно-высоко,—
Что нѣтъ ему ни граней, ни препонъ.

Не уловить счастливаго мгновенья,
Не закрѣпить его словами,—умереть

Чистѣйшей искрѣ той, въ часъ просвѣтлѣнья духа
Не дать огня, не вспыхнуть и не тлѣть.

XLIII.

Въ древней Греціи бывали
Состязанья красоты;
Старики въ нихъ засѣдали,
Старики, какъ я, да ты.

Дочь твоя—прямое диво,
Проблескъ розовой зари;
Все въ ней правда, все красиво...
Только—ей не говори!..

Запахъ мирры благовонной,
Сладкій шепотъ тишины,
Лепетъ струйки полусонной
Въ освѣщеніи луны...

Голосъ арфы, трель свирѣли,
Шумъ порханья мотыльковъ
И во дни Святой недѣли
Дальній звонъ колоколовъ...

Вотъ тѣ тонкія основы,
На которыхъ, можетъ-быть,
Можно было-бъ ткать покровы,
Красоту ея прикрыть.

XLIV.

Еще недавно, пòлонъ силы,
Онъ былъ и ласковъ, и уменъ,—
Онъ понималъ людей живущихъ
И зналъ людей былыхъ временъ.

Теперь осунулся всѣмъ тѣломъ,
Не говоритъ—бормочетъ вслухъ;
Онъ живъ еще, порой смѣется,
Но отлетѣлъ безсмертный духъ!

И не понять совсѣмъ, чтò движетъ
И не даетъ сложить костей
Ходячей муміи въ прогулкахъ
Ея по торжищамъ людей...

XLV.

Какъ на свѣчку мотыльки стремятся
И, пожегши крылья, умираютъ,—
Такъ его безчувственную душу
Тѣни мертвыхъ, молча, окружаютъ.

Нѣтъ уликъ! А самъ онъ такъ спокоенъ,
Съ юныхъ лѣтъ въ довольствѣ очерствѣлый,
Смѣло шолъ онъ по широкой жизни
И идетъ, красиво посѣдѣлый.

Онъ срывалъ однѣ лишь только розы,
Цвѣтъ срывалъ, шиповъ не ощущая;
Въ чудный панцырь правъ своихъ закованъ—
Сѣялъ онъ страданья, не страдая.

О, Господь! Да гдѣ-же справедливость?
Божья месть! Тебя не обрѣтаютъ!
Смолкли жертвы, ихъ совсѣмъ не слышно,
Но зато—свидѣтели рыдаютъ...

XLVI.

Лѣсъ густой; за лѣсомъ—праздникъ
Здѣшнихъ мѣстныхъ поселянъ:
Клики, гулъ, обрывки рѣчи,
Тучи пыли—какъ туманъ.

Видно издали—мелькаютъ
Люди... Не понять-бы намъ,
Если-бы не знать причины:
Пляска, или драка тамъ?

Тѣ-же самыя сомнѣнья
Были-бъ въ мысляхъ рождены,
Если-бъ издали, случайно
Глянуть въ жизнь со стороны.

Праздникъ жизни, бойня жизни,
Клики, говоръ и туманъ...
Непонятное верченье
Краткосрочныхъ поселянъ.

XLVII.

Эта злая буря пронеслась красиво—
Налетѣла быстро, быстро и пропала;

Ясный день до бури, ясный вслѣдъ за нею,
Будто этой бури вовсе не бывало.

Но она промчалась далеко не даромъ:
Умертвила сосну многовѣковую,
Повалила нà-земь, обнажила корни...
Плàчу я надъ нею, глубоко тоскую!

Ну, такъ усыхайте, дѣвственные корни!
Нѣтъ, не пережить вамъ, корни, обнаженья.
Ты, хвоя, разсыпься пожелтѣлымъ прахомъ,—
Ты вѣдь не осилишь злого приниженья!

Плачь, душа, плачь горько по соснѣ убитой!
Лейтесь, лейтесь, слезы, молчаливо-дружно...
Это надъ собою самъ хозяинъ плачетъ:
Говорятъ, что бури этой было нужно?..

XLVIII.

Полно! Прислушайся къ пѣснѣ...
Можетъ-быть, въ душу твою
Ласковыхъ звуковъ порядокъ
Мирную пуститъ струю.

Можетъ-быть, если смиришься,
Будетъ покой тебѣ данъ,
Если вышучивать бросишь
Жгучесть печалей и ранъ.

Мало-ль, что есть... Нерушима
Общая людямъ стезя;

Въ жизни людской—какъ и въ пѣснѣ—
Выкинуть слова нельзя!

XLIX.

Какая засуха!.. Отъ зноя
Къ землѣ всѣ травы прилегли...
Не подалась-ли ось земная,
И мы подъ тропикъ подошли?

Природа-мать—лицепріятна;
Вѣдь по разсказамъ не слыхать,
Чтобы въ Сахарѣ или въ Коби,
Могли вдругъ льдины наростать?

А здѣсь, на сѣверѣ, Сахара!
Край неба солнце обожгло;
И даже море, обезумѣвъ,
Совсѣмъ далёко въ даль ушло...

L.

Съ какимъ глубокимъ уваженьемъ
Стою подъ этимъ склепомъ я:
Тутъ длинный рядъ почившихъ предковъ
Хранитъ нѣмецкая семья.

О! Если-бъ только люди знали,
Какой счастливый въ томъ залогъ,
Чтобъ не разбрасывать имъ мертвыхъ,
Чтобъ ихъ живой замѣтить могъ!

Чтобъ намъ къ нимъ съ сердцемъ относиться
И въ ихъ покоѣ отдыхать,
Искать молитвы, иль молиться,—
И знать, гдѣ намъ самимъ лежать.

Вотъ хоть-бы тутъ! Вполнѣ здоровый,
Живой сознаньемъ бодрыхъ силъ,
Вѣдь я, совсѣмъ помимо воли,
Охваченъ жизнію могилъ.

Я слышу ясно, какъ тихонько
Въ душѣ моей, сквозь ихъ покой
Родится въ чувствѣ уваженья
Хорошихъ чувствъ счастливый строй...

LI.

Не помѣряться-ль мнѣ съ моремъ?
Вволю, всласть души?
Санки крѣпки, очи зорки,
Кони хороши...

И несчитанныя версты
Понеслись назадъ,
Гдѣ-то, мнится, берегъ дальній
Различаетъ взглядъ.

Кони шибче, веселѣе,
Мчатъ во весь опоръ...
Море мѣста прибавляетъ,
Шире кругозоръ.

Дальше! Кони утомились,
Надо понукать...
Море будто шире стало,
Раздалось опять...

А несчитанныя версты
Сзади собрались
И кричатъ, смѣясь, въ-догонку:
«Эй, остановись!»

Стали кони... Нѣтъ въ нихъ силы,
Клонятъ морды въ снѣгъ...
Ну, пускай другой, кто хочетъ,
Продолжаетъ бѣгъ!

И не въ томъ теперь, чтобъ дальше...
Всюду—ширь, да гладь!
Вонъ какъ вдругъ запорошило...
Будемъ умирать!

LII.

Ты подарилъ мнѣ лучшую изъ книгъ—
Евангелье! Но миновали годы,
Коснулись книги всякія невзгоды,
Я добылъ новую. И снова ты возникъ,
Ты— подарившій первую когда-то...
Давно ты умеръ; все забвеньемъ взято,
Но въ памяти моей, для сердца, для меня—
Ты живъ въ сіяніи таинственнаго дня!

Такихъ таинственностей въ мірѣ духа много,
И въ каждой видится какая-то дорога...

Умру и я въ свой срокъ. Но, можетъ, этотъ стихъ,
Безъ самопомощи, безъ воли, безъ отваги,
Проживъ вѣка на лоскуткѣ бумаги,
Дойдетъ до новыхъ дней и до людей иныхъ...
Безсмертье будетъ въ томъ,—безъ имени, конечно...
Однако можетъ быть, что за могилой, тамъ,
Не будетъ смысла личнымъ именамъ,
Но каждый будетъ жить свѣтло и безконечно...

LIII.

Гораздо больше позабыто,
Чѣмъ жизнь намъ новаго даетъ!
Что было въ дѣтствѣ пережито,
То ярко такъ въ душѣ живетъ.

А то, что̀ только-что недавно
Въ усталой памяти легло,—
То—блѣдно, мертвенно, безправно
И только отблескомъ свѣтло...

То были дни произрастаній
Земли и теплой, и сырой,
Дни допотопныхъ очертаній
Съ ихъ мощной, дерзкой красотой.

LIV.

Его портретъ лѣтъ тридцать только
Тому назадъ—былъ всѣмъ знакомъ!
Блестящій умъ, значенье въ людяхъ,
Успѣхъ въ дѣлахъ, богатый домъ...

Теперь нещадно затерялось
Былое пестрое его,
И—быстро, быстро тьмой покрыто—
Оно безслѣдно и мертво!

И только здѣсь!.. Случайно какъ-то,
Забавой нѣсколькихъ минутъ,
Ничтожный даръ его богатства
Былъ кинутъ, и—возникъ пріютъ!

Въ немъ, со стѣны, еще глядитъ онъ,
И имя здѣсь сохранено...
И въ страшный часъ,—онъ есть и нынѣ,—
Свой слабый откликъ дастъ оно...

LV.

Съ простымъ толкую человѣкомъ...
Телѣга, лошадь, входъ въ избу...
Хвалю порядокъ въ огородѣ,
Хвалю оконную рѣзьбу.

Все дѣло рукъ его... Какая
Въ немъ скромныхъ мыслей простота!

Не можетъ пошатнуться вѣра,
Не можетъ въ ростъ пойти мечта.

Онъ тридцать осеней и вёсенъ
Къ работѣ землю пробуждалъ;
Вопросъ о томъ: зачѣмъ все это—
Въ немъ никогда не возникалъ.

О, какъ жестоко подавляетъ
Меня спокойствіе его!
Обидно, что признанье это
Не измѣняетъ ничего...

Ему—раёкъ въ театрѣ жизни,
И слезъ, и смѣха простота;
Мнѣ—злобы дня, сомнѣнья, мудрость
И - на̀ вѣсъ золота мѣста!

LVI.

Соловья живыя трели
Въ свѣтлой полночи гремятъ,
Въ чувствахъ будто акварели
Прежнихъ, свѣтлыхъ дней скользятъ!

Рядъ свиданій, рядъ прощаній,
Рядъ божественныхъ ночей,
Чудныхъ ласкъ, живыхъ лобзаній...
Пой, о, пой, мой соловей!..

Пой! Греми волнами трелей!
Можетъ-быть, на зло уму,

Эти грезы акварелей
Я за правду вдругъ приму!

Пой! Теперь еще такъ рано,—
Полночь только-что прошла,
И сейчасъ изъ-за тумана,—
Вотъ сейчасъ,—она звала...

LVII.

Я мыслить жажду потому, что въ этомъ—
Живой покой, святая тишина,
Все пóлно яснымъ, нетревожнымъ свѣтомъ,
Въ душѣ легко, и ясно даль видна!

И, если мгла за нѣкоторой гранью
Передъ умомъ какъ-бы скрываетъ даль,—
Страдать отъ этого немыслимо сознанью:
Мнѣ жаль, что—мгла, но мнѣ спокойно жаль...

Тогда какъ въ чувствахъ столько острой боли,
Такая мощь безумной толчеи
Терзаній духа и страданій воли,—
Успокоенье только въ забытьи,—

Что всѣ восторги страстныхъ наслажденій,
Всѣхъ оргій чувствъ за время лучшихъ лѣтъ
Не искупятъ безвременныхъ мученій,
Всегда идущихъ оргіямъ во-слѣдъ...

Спѣши, спѣши въ спокойствіе мышленья,
Въ немъ нерушимъ довременный покой;

Тамъ нѣтъ борьбы, не надобно прощенья,
Ты у себя—желанный и родной!..

LVIII.

Тьма непроглядна. Море близко,—
Молчитъ... Такая тишина,
Что пѣсня комаровъ полночныхъ
И та мнѣ явственно слышна...

Другая ночь, и тоже море
Нещадно бьетъ вдоль береговъ;
И тьма полна такихъ стенаній,
Что я своихъ не слышу словъ.

А я все тотъ-же!.. Не завишу
Отъ этихъ шутокъ бытія,—
Меня влечетъ, стезей особой,
Совсѣмъ особая ладья.

Ей все равно: что тишь, что буря...
Другъ! Полюбуйся той ладьей!
Прочти названье: «Все проходитъ!»
Ладьи не купишь,—самъ построй!

LIX.

Вдоль Наровы ходятъ волны,
Противъ солнца—огоньки!
Волны будто что-то пишутъ,
Набѣгая на пески.

Тянемъ тоню; грузный неводъ.
Онъ по дну у насъ идетъ
И захватитъ все, что̀ встрѣтитъ,
И съ собою принесетъ.

Тянемъ, тянемъ... Что-то будетъ?
Окунь, щука, сигъ, лосось?
Иль щепа̀ одна, да травы,—
Незадача, значитъ, брось!

Ближе, ближе... Замѣчаемъ:
Что-то грузное въ мотнѣ;
Какъ барахтается, бьется,
Какъ мутитъ песокъ на днѣ.

Вотъ всплеснула, разметала
Воду; всѣхъ насъ облила!
Моря синяго царица
Въ нашемъ неводѣ была:

Засверкала чешуею
И короной золотой
И на насъ на всѣхъ взглянула
Жемчугомъ и бирюзой!

Всѣ видали, всѣ слыхали!
Всѣ до самыхъ пятъ мокры...
Если-бъ взяли мы царицу,
То-то-бъ шли у насъ пиры!

Значитъ, сами виноваты,
Недогадливый народъ!

Поворачивайте во̀ротъ,—
Тоня новая идетъ...

И—какъ тоня вслѣдъ за тоней—
За мечтой идетъ мечта;
Хороша порой добыча
И богата—да не та!..

LX.

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Сколько ужъ, сколько вѣковъ
Тканями этихъ-же словъ
Ночи въ таинственный часъ
Дѣтскихъ сомкнулося глазъ!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей.

Слышу о зломъ колдунѣ...
Вотъ онъ—сидитъ при огнѣ...
Чудная фея добра
Блещетъ въ лучахъ серебра...
Множество замысловъ злыхъ—
Фея разрушила ихъ...
И колдуна больше нѣтъ!
Только и въ ней меркнетъ свѣтъ...
Лѣсъ, что куда-то пропалъ,
Вдругъ очарованный всталъ...
Вотъ и колдунъ на печи...
Сказка! Молчи-же, молчи!

Сказочку слушаю я,
Сказочка—радость моя!
Жизнь наша, сказки быстрѣй,
Насъ обращаетъ въ дѣтей...

LXI.

Сказалъ-бы я такъ много, много;
Но не успѣю,—срокъ мнѣ данъ!
Коротокъ день, узка дорога,
И такъ громаденъ караванъ...

Оставить многое придется...
А жаль!.. Хорошая есть кладь...
Не всѣмъ на свѣтѣ удаётся
Все,—что́ хотѣлъ-бы кто,—сказать...

Вотъ отчего краснорѣчивы
Молчанья кладбищъ!.. Невпопадъ,
Не въ срокъ засѣянныя нивы,—
Онѣ, подъ спудомъ дней молчатъ.

Но изъ безмолвнаго общенья
Жильца земли съ жильцомъ могилъ
Не разъ шли первыя движенья
Неудержимо мощныхъ силъ...

LXII.

При свѣтѣ трепетномъ лампады въ часъ ночной
Идутъ умершіе бесѣдовать со мной,

И въ скромномъ обществѣ мнѣ близкихъ и родныхъ
Мой духъ смиряется, и сонъ мой будетъ тихъ.

Ты милое дитя, ты, прелесть, дочь моя,
Когда покончу срокъ земнаго бытія,
Ты въ часъ сомнѣнія, печали, иль любви
Меня, загробнаго, къ совѣту призови!

И я приду тогда, неслышимъ и незримъ!
Я буду пѣстуномъ внимательнымъ твоимъ;
Прохладой тихою тебя я опахну,
Нетлѣннымъ окомъ я въ тайникъ души взгляну,

Я слово ласковое шопотомъ скажу,
Стези невѣдомыя сердцу укажу—
И брату моему, недремлющему Сну,
Скажу: Смѣни меня—а я опять усну!...»

LXIII.

Часто съ тобою мы спорили...
Умеръ! Осилить не могъ
Сердцемъ правдивымъ и любящимъ
Мелкихъ и крупныхъ тревогъ.

Кончились споры. Знать, правильнѣй
Жилъ ты, не вкривь и не вкось!
Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—
Сердце твое порвалось...

LXIV.

Здѣсь все мое!—Высь небосклона
И солнца ликъ, и глубь земли
Призывъ молитвеннаго звона
И эти въ морѣ корабли,

Мои—всѣ села надъ равниной,
Стога, возникшіе окрестъ,
Рѣка съ болтливою стремниной
И все былое этихъ мѣстъ.

Здѣсь для меня живутъ и ходятъ...
Мнѣ—свѣжесть волнъ, мнѣ—жаръ огня,
Туманы, даже, тѣ, что бродятъ,—
И тѣ мои и для меня!

И въ этомъ чудномъ обладаньѣ,
Какъ инокъ, на исходѣ дней,
Пишу послѣднее сказанье,
Еще одно, другихъ яснѣй!

Пускай живое пѣснопѣнье
Въ родной мнѣ русскій міръ идетъ,
Гдѣ можно—дастъ успокоенье
И никогда, ни въ чемъ не лжетъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

сочиненія

К. К. СЛУЧЕВСКАГО

въ 6 томахъ in 8°, съ портретомъ и автографомъ автора, исполненнымъ геліогравюрой.

Въ это изданіе войдутъ всѣ беллетристическія и поэтическія произведенія К. К. Случевскаго, причемъ первые три тома будутъ заключать въ себѣ всѣ его стихотворенія, въ томъ числѣ появившіяся въ этому году въ печати „Пѣсни изъ Уголка".

ТОМЪ I. Думы.—Женщина и дѣти.—Лирическія.—Мгновенія.—Черноземная полоса.—Мурманскіе отголоски.—Изъ природы.—Мефистофель.—Изъ альбома.—Пѣсни изъ „Уголка".

ТОМЪ II. Баллады, фантазіи и сказы.—Въ пути.—На разные случаи и смѣсь.—Драматическія: Элоа.—Бунтъ.—Землетрясеніе.—Сцена въ монастырѣ.

ТОМЪ III. Призракъ.—Въ снѣгахъ.—Три женщины.—Попъ Елисѣй.—Ересеархъ.—Бывшій князь.—Безъ имени.—Ларчикъ.—Тоже нравственность.

Содержаніе послѣднихъ трехъ томовъ составятъ слѣдующія произведенія въ прозѣ:

ТОМЪ IV. Разсказы, наброски и типы: Профессоръ безсмертія.—Око за око.—Обликъ.—Трещина.—Мой дядя. (Изъ воспоминаній успокоившагося человѣка).—Старые часы.—Безъ хозяйки.

ТОМЪ V. Наслѣдница.—„Нынѣ отпущаеши"... (Народное преданіе).—Фаустъ въ новомъ пересказѣ.—Выстрѣлъ.—Капитанъ и его лошадь.—Два Сидоровыхъ.—Бабушкины пузыри.—Человѣкъ и картоны.—Новый Дулькамара.—Ищутъ клоуновъ.—Приглядитесь къ ней.—Подсмотрѣлъ.—Два тура вальса—двѣ елки.—Чугунные фрукты.—Ключикъ.—Кто лгалъ?—Изъ чужого дневника.—Что людямъ иногда кажется?—Слова на улицѣ.—Добрыня Никитичъ поссорилъ.—Случай.—Воскресіе.—Завянетъ ли?—Воспоминаніе.—Археологъ.—Въ пылу боя.—Находка.—Въ Калмыцкой степи.—Какъ можно лгать.—Голубой платокъ. (Изъ записокъ выздоровѣвшаго).—Сказки: Капитанъ Немо въ Россіи. (Глава изъ Жюля Верна, никѣмъ и нигдѣ не напечатанная).—Господинъ можетъ быть.—Сосунъ. (Святочный разсказъ).—Грамматическая сказка.—Любовь сокола.

ТОМЪ VI. Историческія картинки: Въ великіе дни: 1) Совершилось! 2) На зарѣ. 3) Силоамскіе голуби. 4) На пути въ Эммаусъ.—При новой вѣрѣ: 1) Подлѣ яслей. 2) Невѣста.—Амазонки.—Коринеская капитель.—Бронзовые кони. (Времени крещенія Руси).—Боровъ.—Въ скудельницѣ.—Форнарина.—На мѣсто!—Художественныя убійства.—Удивительное приключеніе.—Мечты и выстрѣлы.—Исчезнувшій свертокъ.—Императрица Екатерина II и Кіевскіе угодники.—Мурманскіе очерки: Моленье вѣтру.—Черная буря.—Безымень. (Мурманское привидѣніе).—Фантазіи: Альгоя. (Фантазія на южно-сибирское преданіе).—La pointe.—Чудесная гитара.—Верба.—Дымный человѣкъ.—Недавно найденная глава Донъ-Кихота.—Сказка тысяча второй ночи.—Ѳеклуша.—Двѣ капли.

Первый томъ выйдетъ изъ печати и будетъ разосланъ подписчикамъ въ апрѣлѣ сего года.

Остальные пять томовъ выйдутъ въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ.

Подписная цѣна за 6 томовъ 7 р. 50 к., съ доставкой и пересылкой—8 р. 70 к., въ 6 изящныхъ переплетахъ 10 р. 50 к., съ дост. и перес. 12 р.

(По выходѣ послѣдняго тома цѣна будетъ возвышена).

Подписныя деньги вносятся сполна—при заказѣ, или въ разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ.

	Безъ доставки:		Съ дост. и перес.	
	Брошюр.	Въ перепл.	Брошюр.	Въ перепл.
При подпискѣ	3 р.	4 р.	3 р. 70 к.	5 р.
По полученіи перваго тома. . . .	3 р.	4 р.	3 р.	4 р.
По полученіи второго тома. . . .	1 р. 50 к.	2 р. 50 к.	2 р.	3 р.
Итого. . .	7 р. 50 к.	10 р. 50 к.	8 р. 70 к.	12 р.

По желанію, тома высылаются и наложеннымъ платежомъ по мѣрѣ выхода.

Требованія и деньги просятъ адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.